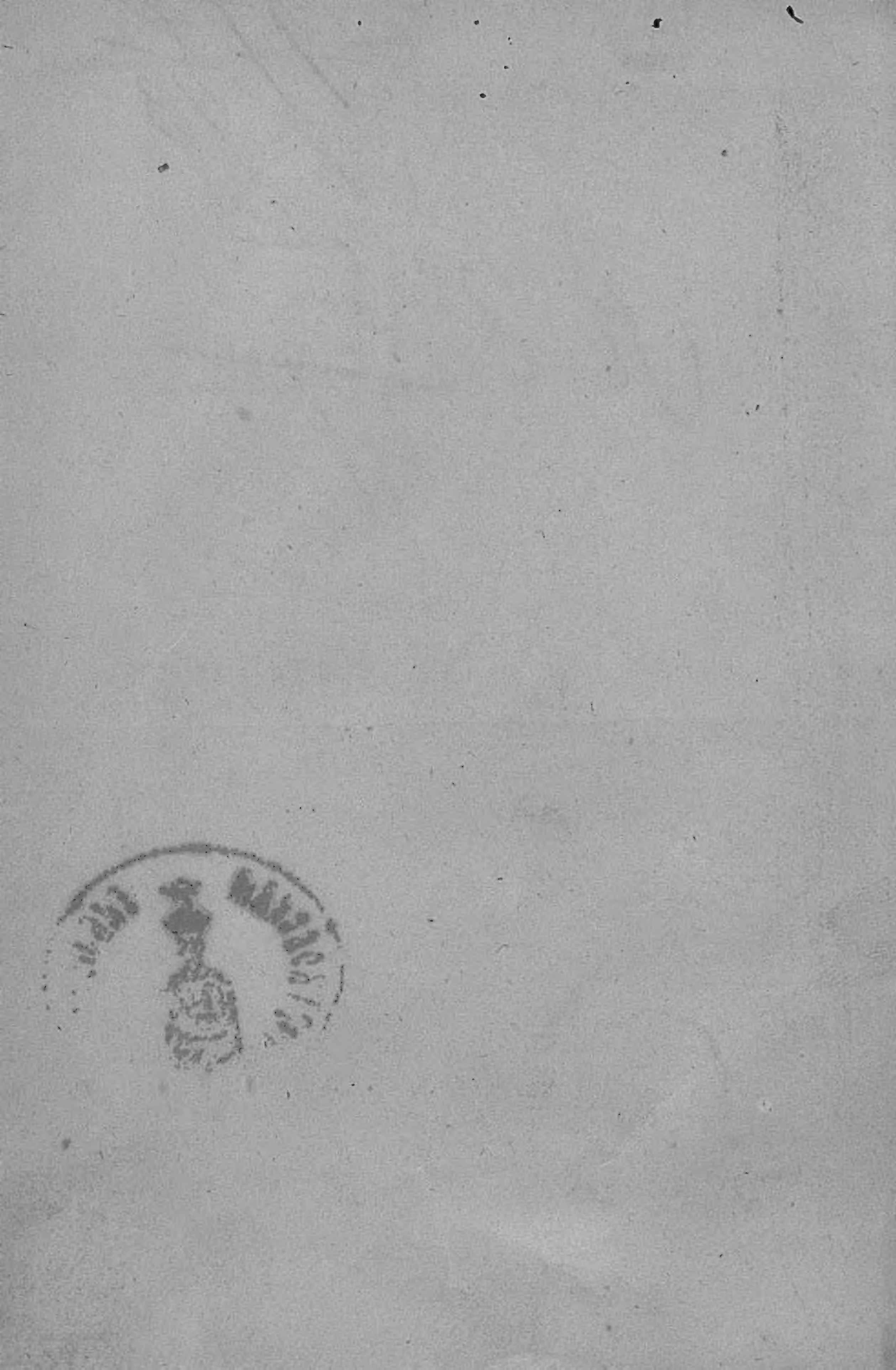

A3 5/41

И. И. ЯНЖУЛЪ.

ОЧЕРКИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Сборникъ статей

по вопросамъ

народнаго хозяйства, политики и законодательства

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Томъ I.

МОСКВА. 1884.

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьев. пер., № 5.

Содержаніе.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Предисловіе.

Предлагаемая публикѣ книга заключаетъ въ себѣ въ двухъ томахъ *пятнадцать* очерковъ или статей по различнымъ предметамъ, помѣщенныхъ авторомъ за послѣдніе 8 лѣтъ въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ. Сюда вошли лишь тѣ изъ этихъ статей, которыя или не утратили еще своего современнаго значенія (каковы, напримѣръ, всѣ статьи по фабричному законодательству), или же стоили автору значительнаго труда и написаны имъ въ стѣнахъ Британскаго музея (каковы, напр., статьи о соляномъ налогѣ и Мальтузіанствѣ), а потому, по его мнѣнію, представляютъ собой и нѣкоторый научный интересъ.

Всѣ статьи, какъ это видно изъ подстрочныхъ примѣчаній при ихъ заголовкахъ, размѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ, а насколько было возможно, сообразно ихъ внутреннему содержанію и

связи. *Первый томъ* могъ бы быть озаглавленъ общимъ названіемъ «Англія», такъ какъ преимущественно, если не исключительно, имѣетъ въ виду эту страну и знакомитъ съ явленіями ея общественной жизни и литературы. *Второй томъ* по своему содержанію относится къ Англіи столько же, сколько къ Россіи и другимъ государствамъ, и чужой, иностранный опытъ служитъ лишь иллюстраціей и какъ-бы руководствомъ при посильномъ разрѣшеніи вопросовъ русской государственной жизни. Авторъ позволилъ себѣ отступленіе отъ этого принятаго имъ плана—по чисто типографскимъ соображеніямъ—лишь относительно одной статьи («Женщины-матери на фабрикахъ»), которая могла бы занять мѣсто и во второмъ томѣ.

Отъ нѣкоторыхъ статей, особенно же по фабричному быту и законодательству, возможно было бы желать, при ихъ настоящей перепечаткѣ, пополненія, а отчасти даже передѣлки по вновь вышедшимъ, со времени ихъ появленія, источникамъ. Авторъ воздержался однако отъ такой работы, во-первыхъ, вслѣдствіе ея сложности и затраты большаго времени, котораго она потребовала бы и, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что означенный недостатокъ, по его мнѣнію, значительно пополняется другимъ его новымъ трудомъ, вышедшимъ недавно отдѣльной

книгой *). Поэтому отсылая всѣхъ, особенно интересующихся по данному вопросу лицъ, къ указанной спеціальной книгѣ, авторъ счелъ достаточнымъ ограничиться здѣсь, во вновь предлагаемыхъ публикѣ статьяхъ, лишь нѣкоторыми существенными подстрочными примѣчаніями и исправленіемъ болѣе важныхъ недосмотровъ или ошибокъ, замѣченныхъ въ первомъ ихъ журнальномъ изданіи.

Августа 12 дня, 1884 г.
с. Соколово
(московскаго уѣзда).

---

*) См. Фабричный бытъ московской губерніи. Отчетъ за 1882 — 83 г. фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ московскаго округа *И. И. Янжула* С.-Петербургъ. 1884.

Новый типъ англійскаго радикализма *).

Въ послѣдній сезонъ, безспорно, самымъ моднымъ человѣкомъ въ Лондонѣ сдѣлался Брадло. Болѣе двухъ мѣсяцевъ Брадло составлялъ предметъ оживленныхъ толковъ и разговоровъ во всѣхъ гостиныхъ Великобританіи, телеграфъ разносилъ во всѣ уголки міра извѣстія о его борьбѣ противъ обязательной парламентской присяги, газеты печатали эти извѣстія, сопровождая ихъ разнообразными комментаріями, и всѣ съ жадностью слѣдили за ними и ждали окончательнаго исхода дерзкой выходки, по мнѣнію большинства, со стороны Брадло, противъ освященнаго уже самимъ временемъ обычая приносить присягу, вступая въ парламентъ. Однимъ словомъ,

*) Статья появилась первоначально въ журналѣ „Слово" въ 1880 году.

Брадло сдѣлался героемъ дня, между тѣмъ какъ еще весьма недавно онъ былъ извѣстенъ даже для многихъ англичанъ лишь по имени, а заграницей, напр., хотя бы въ Россіи, многимъ и совсѣмъ неизвѣстенъ.

Кто же въ самомъ дѣлѣ этотъ Брадло, кто его приверженцы, выбравшіе его въ парламентъ и такъ громко выражавшіе ему свое сочувствіе? Какіе, наконецъ, имѣютъ они политическіе идеалы и стремленія? На всѣ эти вопросы я и постараюсь дать для русскихъ читателей посильный отвѣтъ.

Еслибы возможно было нѣсколькими словами достаточно охарактеризовать человѣка, то на вопросъ кто такой Брадло, можно было бы отвѣчать такимъ образомъ: «Брадло — англійскій Вольтеръ новѣйшаго изданія», Какъ Вольтеръ въ XVIII вѣкѣ боролся всю свою жизнь противъ религіи или точнѣе злоупотребленій и суевѣрія, точно то же дѣлаетъ и Брадло въ нашъ вѣкъ посредствомъ спеціальнаго журнала, издаваемаго уже двадцать лѣтъ, и цѣлаго потока брошюръ; какъ симпатіи къ Вольтеру, «вольтерьянство», были у нашихъ прадѣдовъ синонимомъ безбожія и либерализма, точно также въ современной Англіи быть приверженцомъ Брадло значитъ объявить себя открыто безбожникомъ и человѣкомъ самыхъ крайнихъ политическихъ убѣжденій. Но этимъ все сходство между ними и ограничивается. Уже огромная разница существуетъ въ ихъ относитель-

ной величинѣ: въ то время какъ Вольтеръ — колоссъ, имѣвшій громадное вліяніе на развитіе мысли въ цѣлой Европѣ, Брадло имѣетъ лишь мѣстное, національное значеніе, обусловливаемое особенностями англійской общественной жизни. Этотъ человѣкъ владѣетъ одной весьма почтенной чертой характера, которой обязанъ въ значительной степени нѣкоторымъ своимъ успѣхомъ; это—то воловье упрямство, непреклонная настойчивость въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли, которая доставила англійскому народу вообще его національную кличку Джонъ Булль (Bull — быкъ). Но лучше всего въ данномъ случаѣ обратиться къ исторіи жизни Брадло и познакомиться изъ нея съ личностью человѣка, сосредоточившаго теперь, до нѣкоторой степени, на себѣ вниманіе всей своей страны.

Брадло родился въ 1833 году, 26 сентября, въ отдаленной части Лондона и въ очень бѣдномъ семействѣ: отецъ его былъ писецъ (клеркъ), служившій за ничтожное жалованье въ конторѣ одного адвоката и отличавшійся, по словамъ сына, двумя достоинствами — большимъ трудолюбіемъ и хорошимъ почеркомъ. Очень естественно, что, благодаря бѣдности, юный Брадло не могъ получить хорошаго воспитанія: все его образованіе ограничилось пребываніемъ трехъ съ половиною лѣтъ въ начальной школѣ, и такимъ образомъ всѣмъ, что онъ знаетъ, Брадло обязанъ исключительно лишь себѣ самому и своему

личному труду [1]). Ему еще не было двѣнадцати лѣтъ отъ роду, какъ отецъ взялъ его уже изъ школы и опредѣлилъ разсыльнымъ въ контору адвоката, гдѣ самъ служилъ писцомъ; въ этой незавидной должности Брадло пробылъ цѣлыхъ два года, разнося дѣловыя бумаги и письма своего патрона. Затѣмъ онъ постепенно достигъ званія писца и конторщика и нѣсколько разъ мѣнялъ мѣста, оставаясь все тѣмъ же ничтожнымъ бѣднякомъ, боровшимся уже такъ рано въ громадномъ городѣ за свое существованіе. Бѣдность преслѣдовала его до такой степени, что вынудила въ 1850 году на весьма крайнюю мѣру—продаться въ солдаты, и Брадло семнадцати лѣтъ надѣлъ красную куртку и сдѣлался гвардейскимъ драгуномъ! Три года прослужилъ онъ въ военной службѣ и только случайность — маленькое наслѣдство послѣ тетки—дало ему возможность откупиться отъ службы и воротиться къ частной жизни. Но, употребивши для этой цѣли всѣ полученныя деньги, онъ опять очутился такимъ же бѣднякомъ

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія мы заимствуемъ главнымъ образомъ изъ краткой автобіографіи Брадло, изданной имъ по просьбѣ его друзей еще въ 1873 году и теперь совершенно вышедшей уже изъ продажи. Кромѣ того имѣется его новѣйшая біографія, написанная Гединли, вышедшая въ свѣтъ въ 1880 г.: The Biography of Charles Bradlaugh by Adolphe G. *Headingly* London, 1880. См. также: Eminent Radicals out of Parliament by J. Morrison *Davidson* (Reprinted from the „Weeckly Dispatch"). London, 1880.

какъ прежде и былъ весьма доволенъ судьбой, пріискавши себѣ вторично мѣсто писца въ конторѣ одного адвоката.

Еще мальчикомъ Брадло обнаруживалъ задатки сдѣлаться хорошимъ ораторомъ: 16 лѣтъ отъ роду онъ уже участвовалъ въ преніяхъ на народныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ это время очень часто, по случаю чартистскаго движенія. Темы для разговоровъ были большею частію религіознаго и общественнаго характера, и его убѣжденія подверглись постепенному измѣненію: изъ числа горячихъ сторонниковъ церкви онъ перешелъ въ ряды ея ярыхъ противниковъ.... Находясь даже на военной службѣ и связанный дисциплиной, онъ имѣлъ всетаки исходъ и упражненіе для своего краснорѣчія, а именно—проповѣдь противъ пьянства. Брадло рано сдѣлался членомъ общества воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ и, поддерживаемый въ этомъ своимъ начальствомъ и другими членами общества, онъ громилъ пьянство на сходкахъ своихъ товарищей и на публичныхъ собраніяхъ. По выходѣ въ отставку, онъ получилъ возможность болѣе развернуть свой ораторскій талантъ и не пропускалъ почти ни одного вечера, чтобы не участвовать на томъ или другомъ митингѣ преимущественно анти-религіознаго направленія. Къ этому же почти времени (хотя впрочемъ дѣлались попытки и раньше) слѣдуетъ отнести и начало его литературной дѣятельности, которая

выразилась сперва лишь въ формѣ брошюръ или памфлетовъ, главнѣйшимъ образомъ по разнымъ религіознымъ вопросамъ (напр., «Толкованіе на Пятикнижіе», «Полчаса съ свободомыслящими» и пр.). Чтобы быть достаточно сильнымъ въ критикѣ этихъ вопросовъ, Брадло не только изучилъ солидно Библію, какъ это видно изъ его летучихъ произведеній и публичныхъ преній, въ которыхъ онъ принималъ участіе, но даже познакомился нѣсколько съ древнимъ еврейскимъ языкомъ. Въ 1858 году произошли въ жизни Брадло два важныхъ событія. Во-первыхъ, его извѣстность какъ «свободомыслящаго» (Freethinker) оратора сдѣлалась настолько велика, что онъ былъ выбранъ президентомъ Лондонскаго Общества Секуляристовъ (свободомыслящихъ); во-вторыхъ, онъ сдѣлалъ попытку выступить на издательскую арену, начавши въ компаніи съ другимъ лицомъ выпускать газету «Investigator» («Изслѣдователь»), которая однако не пошла въ ходъ и прекратилась въ слѣдующемъ же году, но имѣетъ значеніе для Брадло какъ первая, въ этомъ отношеніи, проба его силъ. Въ этомъ же, 1858 году, Брадло въ первый разъ выступилъ въ качествѣ оппонента на публичномъ богословскомъ диспутѣ съ однимъ священникомъ, и съ тѣхъ поръ не проходило года, чтобы онъ не устраивалъ такого состязанія по какому-нибудь морально-религіозному вопросу, привлекавшему массы посѣтителей, но не

всегда сходившему съ рукъ благополучно. Такъ, въ 1861 году, въ Гёрнзеѣ, зала, гдѣ происходило собраніе, была буквально осаждена бушующей толпой, кричавшей: «убьемъ безбожника!». Всѣ окна были перебиты, и Брадло едва избѣжалъ жестокой народной расправы; то же самое повторилось также и въ первое его посѣщеніе Вигана, гдѣ онъ былъ спасенъ отъ ярости фанатиковъ, лишь благодаря мужеству и присутствію духа одной женщины. Эти диспуты и чтенія Брадло терпѣли иногда другое неожиданное фіаско, а именно отказъ, подъ вліяніемъ большею частію постороннихъ внушеній, въ помѣщеніи со стороны хозяевъ зданій, гдѣ предполагалось собраніе, а разъ даже, въ Плимутѣ, Брадло былъ заарестованъ полиціей, въ началѣ самой лекціи, и продержанъ въ кустодіи до слѣдующаго утра. Но въ такихъ именно случаяхъ и сказывалась та черта характера Брадло, которой онъ обязанъ своимъ успѣхомъ, о чемъ было уже упомянуто: стоя на легальной почвѣ, онъ съ настойчивостью по всѣмъ инстанціямъ преслѣдовалъ немедленно судомъ домовладѣльцевъ, нарушившихъ условія, и полицію, его заарестовавшую, и устраивалъ вновь чтеніе или диспутъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ былъ встрѣченъ враждебно; и вотъ, въ концѣ концовъ, напуганные судомъ и наказанные штрафами и судебными расходами, виновные оставляли его въ покоѣ и давали возможность въ будущемъ читать и спорить, о чемъ ему

угодно. Такъ, въ Плимутѣ, освобожденный изъ подъ стражи, Брадло объявилъ, что, во-первыхъ, онъ прочтетъ немедленно въ Плимутѣ же прерванную арестомъ лекцію и, во-вторыхъ, будетъ преслѣдовать судомъ начальника плимутской полиціи за арестъ, произведенный безъ всякаго повода и основанія. Но исполнить это торжественное заявленіе было дѣломъ весьма труднымъ, по многимъ причинамъ, и вотъ какъ оригинально выпутался Брадло изъ затрудненія, по собственному разсказу. «Одинаково невозможно было, разсказываетъ онъ, найдти охотниковъ отдать въ наймы залъ для лекціи, точно также и устроить ее на открытомъ воздухѣ; дѣло въ томъ, что нѣкоторыя площади въ городѣ, удобныя для народныхъ собраній, находятся въ вѣдѣніи военныхъ властей. Тѣмъ не менѣе я выполнилъ обѣщаніе и прочелъ лекцію, несмотря на соединенное сопротивленіе полиціи и военнаго начальства. Слѣдуетъ замѣтить, что Плимутъ, Стонхаузъ и Давенпортъ составляютъ одинъ укрѣпленный городъ, раздѣленный на части рѣкой Тамаръ, и имѣющій общую юрисдикцію, за исключеніемъ этой рѣки, которая вплоть до самаго моря течетъ въ другомъ судебномъ округѣ городка Сальтамъ, находящагося въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія оттуда. Этимъ-то обстоятельствомъ я и воспользовался. Я нанялъ большую лодку, устроилъ на ней временную платформу и распорядился причалить лодку близь Давенпорта.

Выпущенныя въ свѣтъ объявленія гласили, что я приглашаю всѣхъ желающихъ собраться и выслушать мою прерванную лекцію, которая имѣетъ быть близъ воротъ Давенпортскаго парка. И вотъ давенпортская полиція, въ усиленномъ составѣ, съ поспѣшностью собирается на берегу, около этихъ воротъ, чтобы дать мнѣ начать лекцію, воспользоваться ради суда ея непозволительнымъ содержаніемъ и, затѣмъ, немедленно арестовать. Но, увы, какъ они обманулись! Я спокойно прошелъ черезъ ворота парка, мимо нихъ и большой толпы народа, собравшейся меня слушать, къ ужасу полиціи—подошелъ къ рѣкѣ, сѣлъ на маленькую лодку и, причаливши къ большой, взошелъ на платформу, которой до тѣхъ поръ не замѣчали, и спокойно началъ мою лекцію передъ слушателями, усыпавшими берегъ, и въ 9 футахъ разстоянія внѣ юрисдикціи Давенпорта и Плимута! Я до сихъ поръ, добавляетъ Брадло, не могу вспомнить безъ смѣха вытянутое лицо мэра и начальника полиціи, съ его двадцатью восемью подчиненными, такъ разочаровавшихся въ надеждѣ вновь меня заарестовать и, вмѣсто того, принужденныхъ спокойно выслушивать мою лекцію».

Той же настойчивостью и энергіей, въ стремленіи къ поставленной имъ цѣли, отличался Брадло и во многихъ другихъ случаяхъ своихъ многочисленныхъ столкновеній съ обветшалыми остатками англійскаго законодательства, не соотвѣтствовавшими

болѣе требованіямъ современности. Особенной извѣстностью пользуются два случая, относящіеся къ одному времени (1868 году) и много способствовавшіе популярности Брадло. Первый случай имѣетъ весьма много общаго съ теперешнимъ его столкновеніемъ въ парламентѣ и касается свидѣтельской присяги на судѣ. Всѣ лица, отказывавшіяся давать присягу, тѣмъ самымъ лишались права быть свидѣтелями; когда въ одномъ дѣлѣ, на этомъ основаніи, было отвергнуто свидѣтельство Брадло, то онъ затѣялъ дѣло и повелъ его черезъ всѣ инстанціи; единовременно онъ агитировалъ въ народѣ своими рѣчами по этому поводу; болѣе двухъ сотъ петицій, по его иниціативѣ, подано было въ парламентъ, который, въ 1869 и 1870 годахъ, двумя актами уничтожилъ обязательность такой присяги для невѣрующихъ, и, слѣдовательно, Брадло добился своего.

Другой случай изъ дѣятельности Бредло имѣлъ еще большее общее гражданское значеніе, такъ какъ касался свободы прессы, и вызвалъ къ нему сочувствіе даже со стороны лицъ, не принадлежащихъ къ его партіи (напр., Д. С. Милля). Въ шестидесятыхъ годахъ Брадло основалъ, наконецъ, свой прочный органъ «Національный Реформаторъ» (National Reformer), существующій и по сіе время. По старому закону, еще тогда существовавшему, каждая газета обязана была внести залогъ въ 8,000 ф. ст., въ обезпеченіе того, что въ ней не появится ничего бо-

гохульнаго или мятежнаго. Брадло издавалъ нѣсколько времени свою газету, не внося залога, отчасти стѣсняясь деньгами, отчасти потому, конечно, что навѣрное черезъ мѣсяцъ потерялъ бы залогъ, въ видѣ штрафовъ. Министерство Дизраэли, въ 1868 году (т.-е. спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія газеты), настоятельно потребовало отъ Брадло или внесенія залога, или остановки изданія; Брадло не сдѣлалъ ни того, ни другаго и продолжалъ выпускать «Національный Реформаторъ», присоединивши къ нему надпись: «печатано вопреки правительственному распоряженію». Тогда дѣло о неповиновеніи закону поступило въ судъ, но Брадло началъ опять агитацію, довелъ до парламента и, вообще, съумѣлъ выставить все свое дѣло настолько общимъ для всей прессы, что правительство, видя общественное неудовольствіе, взяло обвиненіе назадъ, и преслѣдованіе Брадло было прекращено, хотя и на время. Слѣдующее затѣмъ министерство Гладстона предложило опять Брадло то же самое—прекратить газету; онъ вторично воспротивился, и дѣло о газетныхъ залогахъ вновь поступило на судъ присяжныхъ и общественнаго мнѣнія. Брадло велъ дѣло на судѣ самъ и своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе и сочувствіе. Вся эта исторія кончилась для него полнѣйшей побѣдой: подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія правительство вынуждено было, наконецъ, уничтожить самый

законъ о залогахъ, и такимъ образомъ Англія до извѣстной степени настойчивости и мужеству Брадло обязана окончательнымъ освобожденіемъ своей прессы отъ послѣднихъ старыхъ путъ, задерживавшихъ ея развитіе. Весьма естественно, что этотъ процессъ очень выдвинулъ Брадло въ общественномъ мнѣніи и къ нему посыпалась со всѣхъ сторонъ куча сочувственныхъ писемъ: «Вы пріобрѣли, писалъ къ нему, напр., Джонъ Стюартъ Милль, весьма почтенный успѣхъ, добившись, вашимъ настойчивымъ сопротивленіемъ, уничтоженія этого вреднаго закона».

Послѣдній по времени процессъ Брадло, надѣлавшій также не мало шуму, но отнюдь не возбуждавшій къ нему тѣхъ же симпатій, имѣлъ мѣсто въ 1877 году, по поводу изданной имъ вмѣстѣ съ г-жей Анной Безантъ книги д-ра Нольтона (Knowlton) «Плоды Философіи» (Fruits of Philosophy). Эта книга и самый процессъ съ его послѣдствіями представляютъ крайне любопытное и знаменательное явленіе въ исторіи англійской мысли, и мы будемъ говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ. Скажемъ теперь лишь, что книга эта, трактовавшая вопросы народонаселенія въ духѣ Мальтуса, судомъ присяжныхъ была объявлена безнравственной, а потому подлежащей извлеченію изъ продажи. Тѣмъ не менѣе издатели продолжаютъ и послѣ этого постановленія продавать книгу, которая, разумѣется, благодаря суду, начала расходиться въ усиленномъ количествѣ. Тогда

Брадло и Безантъ вновь вызываются судомъ и за сопротивленіе закону на нихъ налагается весьма тяжелое наказаніе: шестимѣсячное тюремное заключеніе, 200 ф. ст. штрафу и 500 ф. ст., какъ обезпеченіе или ручательство въ ихъ хорошемъ поведеніи, въ теченіи двухъ лѣтъ по выходѣ изъ тюрьмы. Но и тутъ счастіе не измѣнило Брадло: по небрежности судьи въ оригиналѣ приговора вкралась грубая ошибка — мотивировка приговора или названіе преступленія употреблено не то, за которое Брадло съ своей товаркой привлечены къ суду—и вотъ этого обстоятельства, по англійскимъ законамъ, было достаточно, чтобы признать все судопроизводство и приговоръ недѣйствительными, а виновныхъ свободными отъ всякаго по этому поводу новаго судебнаго преслѣдованія [2]).

Уже около 20 лѣтъ какъ Брадло почти исключительно (если не считать особо его многочисленные спичи, диспуты и лекціи) посвятилъ себя литературному труду, начавши изданіе еженедѣльной газеты «Національный Реформаторъ» (National Reformer). Главное мѣсто въ этой газетѣ, имѣющей въ настоящее время уже большой кругъ читателей, особенно между рабочими классами, занимаетъ трактованіе въ отрицательномъ, конечно, направленіи вопросовъ ре-

---

[2]) См. дальше статью „Возрожденіе Мальтузіанства въ современной Европѣ“.

лигіозныхъ, преимущественно же критика библіи. Но рядомъ съ ними, тамъ встрѣчается, конечно, и множество статей по самымъ разнообразнымъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, изъ которыхъ притомъ значительная часть принадлежитъ перу самого издателя—редактора Чарльса Брадло. Тѣ изъ нихъ, которыя были перепечатаны впослѣдствіи брошюрами, имѣли большой успѣхъ и, выдерживая по нѣсколько изданій, упрочивали извѣстность Брадло и подготовляли тѣмъ почву для его прохожденія въ парламентъ. Въ этомъ смыслѣ онѣ заслуживаютъ нашего знакомства. Мы оставляемъ въ сторонѣ теологію и передадимъ лишь вкратцѣ содержаніе наиболѣе громкихъ политическихъ памфлетовъ Брадло, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о складѣ убѣжденій и воззрѣній современнаго англійскаго радикала.

Прежде всего Брадло—рѣшительный республиканецъ, какъ это видно изъ его сочиненій, а равно изъ его образа дѣйствія, по случаю различныхъ событій внѣшней политики. Такъ, въ продолженіе франко-прусской войны, Брадло не выражалъ никакихъ симпатій ни въ ту, ни въ другую сторону, до тѣхъ поръ, пока не было учреждено послѣ Седана временное республиканское правительство; немедленно за тѣмъ онъ началъ всѣми средствами агитировать въ пользу Франціи: многочисленные и неоднократно собираемые Брадло митинги въ Лондонѣ и

провинціи выражаютъ свои симпатіи къ бѣдственному положенію Франціи, высказываютъ надежду на благополучный для нея исходъ и посылаютъ неоднократно собранныя по подпискѣ деньги въ пользу пострадавшихъ отъ бѣдствій войны. Хотя Брадло дважды былъ арестованъ въ бытность во Франціи, по подозрѣнію въ принадлежности къ коммунѣ, новымъ республиканскимъ правительствомъ, но тѣмъ не менѣе его симпатіи въ пользу французской республики остались неизмѣнны и получили, наконецъ, публичное признаніе. Французское правительство изъ Тура въ длинномъ и лестномъ письмѣ, подписанномъ Гамбеттой, Кремье и другими, благодарило за братскія усилія помочь Франціи въ несчастіи, и сверхъ того Тиссо, французскій chargé d'affaires въ Англіи, и извѣстный Эммануилъ Араго—адресовали къ нему по этому же поводу особыя письма, причемъ послѣдній закончилъ письмо слѣдующими словами: «M-r Bradlaugh est et sera toujours dans la République notre concitoyen». Подобное же повторилось и въ 1873 году, когда Брадло послалъ поздравленіе скоротечному республиканскому правительству Испаніи, отъ имени многолюднаго митинга радикаловъ, собраннаго имъ въ Бирмингэмѣ, и былъ за это чествованъ особымъ обѣдомъ, который республиканцы давали въ его честь въ Мадридѣ, когда онъ его посѣтилъ.

Республиканскія убѣжденія Брадло наилучшимъ образомъ выразились въ его извѣстнѣйшемъ пам-

флетѣ, выдержавшемъ въ короткое время семь изданій: «Обвиненіе Брауншвейгскаго дома» (The Impeachment of the House of Brunswick). Какъ уже отчасти показываетъ самое названіе, памфлетъ этотъ есть не что иное, какъ обвинительный актъ противъ царствующей династіи. Пользуясь, между прочимъ, въ значительной степени извѣстной книжкой Текерея о четырехъ Георгахъ, Брадло прослѣживаетъ за полтораста слишкомъ лѣтъ домашнюю и официальную жизнь англійскихъ королей и не находитъ въ ней ничего, кромѣ ошибокъ и преступленій и самаго разительнаго доказательства, будто бы, ихъ бездарности, безнравственности и не только полнѣйшей неспособности къ дѣлу, къ которому они были призваны, но даже огромнаго и разнообразнаго вреда, который эта династія до настоящаго времени принесла для Великобританіи. Но лучше всего, мы сообщимъ сущность его выводовъ, которые вмѣсто конца книги онъ почему то помѣщаетъ въ началѣ, резюмируя въ слѣдующихъ положеніяхъ тѣ резоны, по которымъ «Брауншвейгскій домъ» заслуживаетъ той же участи, какъ и Стюарты: 1) Въ продолженіе ста шестидесяти трехъ лѣтъ царствованія этой фамиліи, политика и поведеніе большинства ея членовъ и особенно царствовавшихъ, за исключеніемъ настоящей королевы, были всегда враждебны благополучію массы народа (что̀ и старается Брадло доказать своимъ длиннымъ очеркомъ исторіи за этотъ

періодъ). 2) Въ теченіе этихъ же ста шестидесяти трехъ лѣтъ созданы $^{15}/_{16}$ всего государственнаго долга Великобританіи и притомъ большею частію какъ результатъ вредной національно-ганноверской политики Брауншвейгскаго дома. 3) Вслѣдствіе несостоятельности или недостатка желанія къ выполненію правительственныхъ обязанностей, со стороны царствующихъ членовъ Брауншвейгскаго дома, власть по управленію страной практически перешла въ руки немногихъ аристократическихъ фамилій, которыя употребляютъ ее, какъ показываютъ многіе примѣры, лишь для обезпеченія выгодныхъ мѣстечекъ себѣ и своимъ союзникамъ. 4) За этотъ періодъ времени созданъ длинный списокъ пенсіонеровъ въ государственномъ бюджетѣ, изъ которыхъ владѣльцы наиболѣе крупныхъ пенсій нерѣдко принадлежатъ къ богатѣйшимъ фамиліямъ королевства и которые не сдѣлали ровно ничего такого, чтобы оправдать свое праздное существованіе на народный счетъ; въ то время какъ земледѣльческіе рабочіе Англіи находятся постоянно въ состояніи голоданія, многочисленные фабричные труженики въ Уэльсѣ, Шотландіи и нѣкоторыхъ частяхъ Англіи—въ постоянномъ долгу и зависимости, въ то время, наконецъ, когда большая часть ирландскаго народа лишена своего права и вынуждена отправляться въ поиски средствъ существованія за океанъ, когда собственная плодородная земля могла бы прокормить ихъ дома... 5) Пра-

вители Брауншвейгской фамиліи, за исключеніемъ немногихъ, которые отличались преступнымъ индеферентизмомъ,—были всегда не болѣе какъ игрушками въ рукахъ аристократіи и средствомъ скрывать отъ народа истинныхъ виновниковъ многочисленныхъ золъ. 6) Брауншвейгская фамилія оказала себя въ высшей степени неспособной къ иниціативѣ или даже поощренію разумнаго законодательства. 7) При Брауншвейгскомъ домѣ государственные расходы возросли до страшной высоты, а между тѣмъ англійскія лучшія колоніальныя владѣнія въ Америкѣ были потеряны, а Ирландія постоянно недовольна и волнуется, благодаря ошибкамъ и страшному безпорядку управленія при четырехъ Георгахъ. 8) Наконецъ, за этотъ періодъ времени, поземельная аристократія переложила возрастающую постоянно тягость налоговъ съ своей земли на плечи средняго и низшаго классовъ и, мало того, еще очень даже недавно, пользовалась практической монополіей и при взиманіи налоговъ.

Въ другомъ мѣстѣ, въ брошюрѣ «Земля, народъ и грядущая борьба» (Land, people and the coming struggle), Брадло мечетъ громы противъ аристократіи, захватившей въ свои руки всю землю страны, и сравниваетъ былое и настоящее время къ невыгодѣ послѣдняго. Вспоминая о томъ отдаленномъ времени, когда вся земля находилась въ общинномъ землевладѣніи, онъ переходитъ къ двумъ послѣднимъ столѣтіямъ, указывая, какъ общинныя земли посте-

пенно захватывались, земля поднималась въ цѣнѣ, а государственныя тягости на землѣ не только пропорціально не увеличивались, но, наоборотъ, весьма быстро уменьшались, т.-е. аристократія перелагала съ себя тягость налоговъ на другіе классы. «Изъ государственныхъ налоговъ въ этой странѣ», говоритъ Брадло, «менѣе одной семьдесятъ седьмой части падаетъ на землю»; между тѣмъ во Франціи, до послѣдней франко-прусской войны, земля носила на себѣ одну шестую всѣхъ налоговъ, въ Индіи же почти половина всѣхъ налоговъ падаетъ на землю. «Чтобы сдѣлать контрастъ болѣе сильнымъ, мы можемъ указать, что за двадцать пять лѣтъ передъ восшествіемъ на британскій престолъ Брауншвейгскаго дома земля платила почти двѣ трети всѣхъ государственныхъ налоговъ, а ренты, получавшіяся аристократіей, составляли лишь одну десятую своей настоящей величины. И за что же именно уплачиваются эти ренты, увеличившіяся въ десять разъ втеченіе двухсотъ лѣтъ? Онѣ платятся за естественное плодородіе почвы, которому собственники рѣдко или вовсе не помогаютъ, т.-е. за пользованіе воздухомъ, влажностью, тепломъ и другими естественными силами, за которыя воздѣлыватель земли платитъ, а получатель предъявляетъ права собственности. Но теперь народу настолько плохо живется, что настала уже пора предъявить ему свои права на самую жизнь, на существованіе,—права, которыя долж-

ны быть признаны, даже еслибы признаніе ихъ подразумѣвало уничтоженіе настоящей поземельной аристократіи. Кто не знаетъ, къ тому же, что эти гг. получатели рентъ были всегда противниками прогресса, ставили препятствія всякой реформѣ, удерживали налогъ на знаніе (на писчую бумагу), издавали законы противъ всякихъ коалицій и сдѣлали весь механизмъ парламентскихъ выборовъ цѣннымъ и сложнымъ, чтобы воспрепятствовать прохожденію въ парламентъ людей изъ народа. Они препятствовали всегда развитію образованія въ народѣ, а теперь смѣются надъ его невѣжествомъ: всякій прогрессъ въ производительной силѣ труда увеличиваетъ цѣнность земли, и однако же землевладѣлецъ, который не прилагаетъ къ ней лично никакого труда, имѣетъ смѣлость толковать о рабочемъ классѣ, какъ о какомъ-то стадѣ, которое должно быть обуздываемо и сдерживаемо». «Вы монополизируете землю и между тѣмъ сбрасываете тяжесть налоговъ на плечи другихъ сословій; вы заставляете этимъ самихъ рабочихъ платить налоги, которые гораздо легче могли бы уплачиваться съ земли. Вы требуете, чтобы права собственности на землю уважались, а между тѣмъ разнородными запрещеніями и ограниченіями ухищряетесь удерживать землю въ рукахъ одного своего класса и такимъ образомъ какъ бы препятствуете землѣ выполнять ея обязанности, какъ предмета собственности; мало того, вы нерѣдко просто грабили

торговый и промышленный классъ, такъ какъ эти ограниченія, основанныя еще на старыхъ законахъ, дѣлаютъ землю свободной отъ притязаній вашихъ кредиторовъ и, слѣдовательно, даютъ вамъ легальную возможность живиться на чужой счетъ. Вы нетерпимы при вашей власти, гоните, какъ скотъ, вашихъ фермеровъ къ выборному ящику, чтобы выбирать членовъ парламента, вамъ угодныхъ, вы держите вашихъ рабочихъ въ невѣжествѣ и деморализаціи и однако рѣшаетесь выставлять невѣжество, какъ предлогъ, чтобы не давать имъ политическихъ правъ!»... Далѣе Брадло въ краткихъ чертахъ указываетъ тѣ требованія, которыя слѣдуетъ предъявить поземельной аристократіи, относительно измѣненія поземельныхъ законовъ. Въ Великобританіи и Ирландіи считается не менѣе 29.000,000 акровъ земли въ необработанномъ состояніи, изъ которой притомъ 11.000,000 акровъ могли бы съ выгодой быть воздѣлываемы. Много тысячъ работниковъ могли бы воздѣлывать эту землю, вмѣсто того, чтобы умирать съ голода, наполнять тюрьмы и рабочіе дома. Чтобы устранить это зло, пусть законодательство объявитъ, что всякая годная для культуры земля, которая осталась необработанной, будетъ считаться за фактъ преступной воли, въ наказаніе за который правительство получаетъ право вступить во владѣніе такой землей, вознаградивши собственника (вмѣсто истинной стоимости) суммой, равной доходу съ

земли за послѣднія пять лѣтъ, выдаваемой въ выкупныхъ $3^3/_4$ процентныхъ свидѣтельствахъ; земля, такимъ образомъ отобранная у нерадивыхъ собственниковъ, не должна быть правительствомъ отчуждаема, а лишь раздаваема въ аренду лицамъ, желающимъ заняться ея обработкой, съ обязательствомъ вмѣсто всякихъ другихъ сборовъ и налоговъ, уплачивать ежегодно въ государственное казначейство извѣстную часть ежегоднаго дохода. Такимъ образомъ земли, занятыя парками съ дичью, для увеселенія поземельной аристократіи, получили бы настоящее свое значеніе и доставили прокормленіе многимъ тысячамъ тружениковъ, теперь голодающихъ.

Въ заключеніе Брадло взываетъ къ благоразумію поземельныхъ собственниковъ, предлагаетъ имъ одуматься и заблаговременно уступить, по доброй волѣ, въ томъ, что̀ иначе будетъ силой у нихъ отнято грядущей борьбой. «Борьба эта, пророчитъ онъ, если вы только вынудите къ ней, гг. поземельные собственники Великобританіи и Ирландіи, будетъ такой, въ которой безземельный до сихъ поръ классъ потребуетъ политической власти и употребитъ ее какъ оружіе, какъ это сдѣлали наши французскіе собратья 85 лѣтъ тому назадъ. Сегодня рѣшеніе— въ вашихъ рукахъ, и мы просимъ о справедливомъ его направленіи; завтра, если вы не сдѣлаете ничего, будетъ вашъ чередъ просить, между тѣмъ какъ ваши судьи будутъ съ неохотой васъ выслушивать...

Сегодня вы творите законъ, а потому пользуйтесь этимъ съ должной гуманностью и признаніемъ человѣческихъ правъ; завтра, если вы ничего до тѣхъ поръ не сдѣлаете, законъ не только не будетъ въ рукахъ у васъ, но будетъ противъ васъ и строго васъ покараетъ за то, что вы допускаете нынѣ существованіе столь многихъ несправедливостей, въ отношеніи къ вашей бѣдной братіи».

Къ тому же самому мотиву Брадло возвращается въ другой спеціальной брошюрѣ, подъ многозначительнымъ названіемъ: «Реформа или революція» (Reform or Revolution), въ которой онъ требуетъ расширенія права парламентскаго представительства и, слѣдовательно, допущенія рабочихъ въ парламентъ, по мнѣнію Брадло, отнюдь не имѣющій права въ настоящее время считать себя солидарнымъ съ народомъ, которымъ онъ управляетъ. Въ этомъ рѣзкомъ и желчномъ памфлетѣ, имѣющемъ форму адреса къ палатѣ лордовъ и общинъ, онъ въ прежнемъ тонѣ нападаетъ на аристократію, припоминаетъ ея старые грѣхи и угрожаетъ ей, въ случаѣ упорства реформѣ, призракомъ близкой революціи. «Цѣль моего адреса, говоритъ онъ, обращаясь къ лордамъ, заключается въ томъ, чтобы показать вамъ невыгоду сопротивляться народному требованію, которое пока выражалось съ большою умѣренностью, и что если вы откажетесь прислушаться къ этому народному запросу политической жизни, то вы рискуете

быть вынуждены къ тому силой. Впрочемъ, продолжаетъ Брадло, я не на столько тщеславенъ, чтобы ожидать, что большая часть членовъ палаты лордовъ подаритъ своимъ вниманіемъ настоящій адресъ; зная хорошо то, что̀ начинаетъ въ Англіи понимать и весь простой народъ,—истинную исторію британской аристократіи, происхожденіе пышныхъ титуловъ, которые въ большинствѣ случаевъ имѣютъ въ своемъ корнѣ или что-нибудь безчестное, или недостойное—зная все это, естественно, я не могу ждать отъ аристократіи многаго.... Конечно, напр., нельзя ожидать, чтобы человѣкъ, который сдѣлался пэромъ потому лишь, что его дѣдушка имѣлъ столько денегъ, что купилъ четыре мѣстечка, могъ интересоваться серьезно реформой парламентскаго представительства. Точно также индивидъ, баронскій титулъ котораго пожалованъ во времена безчестной администраціи Питта за то, что предокъ этой фамиліи помогалъ вотировать противъ всякой мудрой и либеральной мѣры, не можетъ быть очень возвышенныхъ воззрѣній на свои законодательныя права. Одинаково съ ними пэръ, маркизатъ или герцогство котораго имѣетъ свое происхожденіе въ распущенности короля или въ красивой физіономіи и недостаткѣ добродѣтели какой-нибудь женщины, можетъ быть извиненъ за свое невѣдѣніе того, что̀ составляетъ истинное благородство націи. Точно также и графъ, титулъ котораго относится къ тѣмъ отдаленнымъ

временамъ, когда можно было обходиться безъ помощи закона и сила была поставлена вмѣсто права, едва-ли имѣетъ современныя понятія о долгѣ и справедливости....

Во всѣхъ этихъ случаяхъ Брадло возлагаетъ мало надежды на плодотворность дѣятельности палаты лордовъ и желалъ бы видѣть ее въ другомъ видѣ и составѣ. Мѣсто наслѣдственныхъ пэровъ, по его мнѣнію, должны замѣнить пожизненные, выбираемые за ихъ мужество, за ихъ интеллектъ, храбрость, патріотизмъ и самопожертвованіе общему благу. «Наша палата пэровъ или лордовъ отнюдь не должна быть позолоченной выставкой, смѣшной по ея внѣшнимъ претензіямъ и малоцѣнной по ея внутреннему достоинству; палата эта должна бы была состоять изъ людей облагороженныхъ своимъ геніемъ и титулованныхъ ихъ стараніемъ облегчить человѣческую нищету и уменьшить человѣческую несправедливость: здѣсь должны бы засѣдать люди, составившіе себѣ, напр., извѣстность въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ, и украшенные, вмѣсто всякихъ крестовъ, звѣздъ и лентъ, неувядающей славой, которая сохраняетъ о нихъ память въ народѣ долго послѣ ихъ смерти».

Современный составъ палаты общинъ также мало удовлетворяетъ Брадло и вызываетъ одинаково рѣзкія реплики: «Съ вами, джентльмены палаты общинъ, я буду говорить съ большей свободой (!!): вы дол-

жны быть представителями народа и потому обязаны, хоть иногда, прислушиваться къ говору простаго народа. Настоящая борьба ведется не между народомъ и тори, а противъ тори и виговъ вмѣстѣ; это есть борьба между вами — парламентомъ — и народомъ, такъ какъ вы не только не представляете націи, но являетесь классомъ ему враждебнымъ. Нѣкоторые изъ васъ прямо могутъ быть названы попавшими въ парламентъ по назначенію различныхъ герцоговъ, графовъ, маркизовъ и бароновъ отъ такихъ мѣстечекъ, гдѣ избиратели—политическіе рабы. Подобныхъ вамъ я безъ околичностей называю стыдомъ и позоромъ нашей страны и несчастіемъ для палаты общинъ. Развѣ это не крайняя и возмутительная ложь, что подобные господа безстыже заявляютъ себя представителями какого-нибудь мѣстечка и толкуютъ въ дебатахъ о своихъ избирателяхъ, въ то же время сознавая очень хорошо въ глубинѣ души, что они въ дѣйствительности представляютъ собой лишь какого-нибудь маркиза или герцога, что жители мѣстечка, ихъ выбравшіе, фактически имѣли не болѣе голоса при избраніи, чѣмъ при выборѣ своего землевладѣльца, маркиза или герцога NN. Другіе изъ васъ пріобрѣли свои мѣста въ палатѣ деньгами, подкупомъ разныхъ жалкихъ лавочниковъ и питейныхъ торговцевъ, и такимъ я скажу не стѣсняясь, что вы—худшіе преступники, хуже тѣхъ воровъ, дѣянія которыхъ заносятся на

столбцы ежедневныхъ газетъ. Негодяи, которые, подобно вамъ, и въ добавокъ еще принадлежа къ образованнымъ классамъ, портятъ государственныя учрежденія страны, подкупая избирателей, заслуживаютъ самаго строгаго наказанія.... Третья категорія изъ васъ пріобрѣла свои мѣста точно также не свободными вотами избирателей, а благодаря разнороднымъ вліяніямъ. Угроза, напр., землевладѣльцемъ изгнанія фермера съ его участка съ наступленіемъ срока также могущественно вліяетъ, какъ и взятка, на голосъ избирателя, и нельзя не удивляться странному понятію о чести человѣка, представляющаго себя избирателямъ, вынужденнымъ вотировать за него подъ угрозой лишиться своихъ фермъ!... Нѣкоторые изъ васъ изображаютъ собой интересы банковъ, нѣкоторые — интересы обществъ страхованія, другіе — адвокаты желѣзнодорожныхъ интересовъ, газовыхъ и строительныхъ компаній, вообще многіе избираются съ цѣлью сторожить и защищать интересы какихъ-либо родовъ промышленныхъ предпріятій. Наконецъ, большинство изъ васъ состоитъ изъ младшихъ сыновей благородныхъ фамилій, изъ военныхъ людей и изъ адвокатовъ, жаждущихъ успѣха, и лишь небольшая доля, увы, желаетъ представлять народъ; эти же немногіе изъ васъ, которыхъ можно, по справедливости, назвать настоящими парламентскими представителями, достаточны лишь для того, чтобы рѣзче оттѣнить негодный характеръ цѣлаго состава па-

латы. Вы—палата общинъ по имени, а вовсе не на дѣлѣ, и если вы будете стараться предупредить реформу, которая сдѣлаетъ нашу конституцію чѣмъ-то реальнымъ, то лишь вызовете революцію, которая смятетъ васъ прочь»....

Этихъ краткихъ, но любопытныхъ выдержекъ достаточно, чтобы понять причины какъ той популярности, которой Брадло пользуется въ рабочемъ классѣ, такъ и той рѣшительной непріязни, которую выказываютъ въ отношеніи къ нему лица другихъ классовъ общества. Для первыхъ Брадло является представителемъ ихъ интересовъ и горячимъ защитникомъ народа во всѣхъ его отношеніяхъ къ аристократіи и существующимъ формамъ общественнаго строя. Онъ отстаиваетъ всегда права народа, разумѣя его массу, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ видитъ ихъ нарушеніе, и рѣзко протестуетъ при этомъ противъ всякой предполагаемой или дѣйствительной несправедливости и насилія. Свобода духа отъ всякаго давленія или вліянія представителей религіи и самой религіи, экономическое преуспѣяніе массы народа, расширеніе политическаго значенія и власти рабочихъ, въ связи и вслѣдствіе республиканской реформы,—составляетъ тотъ идеалъ, къ которому стремится Брадло и на который указываетъ народу, завѣряя въ его близкомъ осуществленіи. «Брадло, по вѣрному замѣчанію одного изъ его біографовъ, является *новымъ типомъ радикализма* на англійской почвѣ.

Брадло — вожакъ и глава той партіи англійскихъ радикаловъ, далеко болѣе могущественной, нежели вообще предполагается, которая выставила на своемъ знамени лозунгомъ: атеизмъ, мальтузіанизмъ и республиканизмъ. Эти три страшныхъ *изма*, къ которымъ до сихъ поръ относиться съ сочувствіемъ дозволялось лишь въ кабинетѣ ученаго философа и и то шепотомъ, были провозглашены Брадло громкимъ голосомъ на улицѣ и неустанно повторяются на разные лады, не стѣсняясь правилами прежней сдержанности» [3]).

Чтобы понять политическое значеніе дѣятельности Брадло, необходимо напомнить о той господствующей чертѣ англійскаго общества, которая въ значительной степени отличаетъ его отъ континентальной Европы и особенно отъ общества русскаго. Въ политическомъ отношеніи, нѣтъ сомнѣнія, Великобританія представляетъ самую свободную страну въ Европѣ: нигдѣ такъ личность и личныя права не обезпечены, какъ въ Англіи, но въ то же самое время нигдѣ не существуетъ такого давленія общественнаго мнѣнія, т.-е. господствующихъ воззрѣній надъ отдѣльной личностью и, въ силу того, нигдѣ нѣтъ и такого рабства личной инициативы, какъ въ той же Англіи. Вы должны жить, одѣваться, рабо-

---

[3]) Eminent Radicals out of Parliament by *J. Morrison Davidson*. London, 1880.

тать и если не мыслить, то, по крайней мѣрѣ, высказывать и выражать эти мысли не иначе и въ томъ же направленіи, какъ велитъ всесильное общественное мнѣніе, т.-е. точно также, какъ это дѣлаютъ ваши сосѣди. Всякое отступленіе въ этомъ отношеніи считается «нереспектабельнымъ» (not respectable) и строго наказывается общественнымъ мнѣніемъ, особенно, когда дѣло касается антирелигіозныхъ убѣжденій; здѣсь общество неумолимо, преслѣдуетъ всякаго протестанта и даетъ ему почувствовать тысячами способовъ всю непріятность держаться «нереспектабельныхъ» воззрѣній. До какихъ геркулесовыхъ столбовъ наивности доходятъ въ этомъ случаѣ лица необразованныя, можетъ служить хорошимъ образцомъ слѣдующій случай изъ жизни Брадло. Въ дни его юности, еще до поступленія на военную службу, между прочими иными профессіями, Брадло пытался сдѣлаться угольнымъ торговцемъ: безъ копѣйки въ карманѣ это предпріятіе представлялось весьма труднымъ; прежде всего, конечно, ни одинъ угольный складъ не захотѣлъ повѣрить бѣдному мальчику, какимъ былъ Брадло, даже одинъ куль угля въ долгъ. Чтобы разрѣшить эту проблему, необходимо было сначала заручиться заказами угля — покупателями и получить съ нихъ впередъ хоть часть денегъ, а затѣмъ уже отправляться въ складъ за углемъ. И эта операція была, конечно, не легка, но Брадло посчастливилось съ ней справиться: онъ

нашелъ нѣсколько заказовъ, получилъ деньги и началъ ежедневно таскать кули съ углемъ по своимъ давальцамъ, зарабатывая тѣмъ себѣ скудное пропитаніе. Главной опорой всей новой профессіи Брадло, его главной покупательницей была одна булочница, забиравшая у него для своего заведенія уголь на цѣлыхъ 10 шиллинговъ въ недѣлю. Но вотъ добрые пріятели и пріятельницы начинаютъ ей нашептывать о вольнодумствѣ юнаго Брадло, о томъ, что его видали на сходкахъ секуляристовъ-безбожниковъ, что онъ даже произносилъ на этихъ собраніяхъ рѣчи и т. д. Все это задѣло за живое набожную душу доброй булочницы, и она рѣшилась было первоначально обратить заблудшую овцу на путь истинный. Нѣсколько разъ, поэтому, она закидывала косвенные вопросы, когда Брадло являлся съ углемъ; но тотъ каждый разъ уклонялся отъ прямаго отвѣта, заговаривая о погодѣ или о своемъ занятіи. Наконецъ, ею былъ поставленъ вопросъ о справедливости сообщенныхъ слуховъ; и тутъ, вмѣсто прямаго отвѣта, Брадло попытался перевести разговоръ на уголь; послѣ этого булочница, съ тономъ твердаго убѣжденія, уже прямо заявила, что она не можетъ имѣть никакого дѣла, даже относительно угля, съ человѣкомъ невѣрующимъ. «Я боюсь, что мой хлѣбъ будетъ пахнуть «адской смолой», закончила свои объясненія благочестивая булочница». Это рѣшеніе нанесло смертельный ударъ новой профессіи Брадло, и

бѣдный малый очутился снова безъ средствъ пропитанія на улицѣ. Нѣтъ сомнѣнія, между тѣмъ, что набожная булочница, подавая камень вмѣсто хлѣба бѣдняку, просившему даже не о немъ, а о трудѣ, заснула въ эту ночь спокойно, съ чувствомъ исполненнаго долга, какъ прекратившая всякія сношенія съ человѣкомъ «нереспектабельныхъ» воззрѣній!...

Такая крайняя нетерпимость всего англійскаго общества къ свободѣ личныхъ убѣжденій, какъ скоро они отступаютъ на шагъ отъ общепринятыхъ и господствующихъ, служитъ лучшимъ оправданіемъ нѣкоторой односторонности, которая замѣчается въ писательской дѣятельности Брадло, направленной преимущественно къ борьбѣ за эту свободу и главнымъ, притомъ, образомъ въ сферѣ религіозныхъ воззрѣній (большинство его сочиненій написано на разныя теологическія темы). Житель всякой иной страны не легко можетъ себѣ представить ту страшную силу, которою пользуется въ Великобританіи духовенство и тѣ воззрѣнія, которыхъ оно считается представителемъ. Сила образованія, богатства и наконецъ политической власти стоитъ на сторонѣ этой могущественной партіи, которая всѣми легальными, а иногда и нелегальными средствами удерживаетъ за собою господство. Приведемъ еще два примѣра изъ новѣйшаго времени этой нетерпимости и силы англиканскаго духовенства, равно какъ и господствующихъ

воззрѣній въ публикѣ. Кто бы, напр., могъ подумать, что въ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка иновѣрецъ, умершій въ Англіи, не можетъ быть часто похороненъ по обряду своей церкви или согласно своимъ убѣжденіямъ. Между тѣмъ это—фактъ и только «похоронный актъ» (Burial Act) нынѣшней сессіи измѣнилъ его, тогда какъ даже гражданскіе похороны уже давно имѣютъ мѣсто въ другихъ странахъ Европы, обладающихъ гораздо меньшей долей гражданской свободы. Другой случай: какъ извѣстно, всякія увеселенія въ Англіи, какъ и большая часть занятій, по воскресеньямъ строго запрещены. Компанія, которой принадлежитъ извѣстный акваріумъ въ Брайтонѣ, вздумала нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлать нововведеніе, а именно пригласила оркестръ, который исполнялъ по воскресеньямъ въ этомъ заведеніи духовную музыку, доставляя немалое утѣшеніе посѣтителямъ его въ этотъ день, преимущественно изъ рабочихъ классовъ. Духовенство нашло такое нововведеніе оскорбленіемъ «господняго дня», подняло сильную агитацію, и вотъ уже два года труженики лишены возможности послушать въ единственный свободный для нихъ день хорошую музыку, любуясь чудесами природы, созданными рукою того самаго Творца, которому это духовенство служитъ!..

Такимъ образомъ борьба Брадло и его партіи въ «National Reformer» противъ духовенства имѣетъ

огромное значеніе въ странѣ, не только нравственное, но и политическое. Ослабляя противную партію, Брадло завоевываетъ поле для индивидуальной свободы и свободы мысли, находящихся до сихъ поръ, несмотря, повторяемъ, на огромную политическую свободу, подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія, въ рукахъ господствующихъ классовъ. Тотъ, кто читалъ извѣстное сочиненіе Джона Стюарта Милля «О Свободѣ», тотъ пойметъ всю важность дѣятельности Брадло и его ближайшихъ сторонниковъ. Брадло стремится осуществить на практикѣ и наконецъ распространить въ массѣ народа сознаніе той свободы личности, на недостатокъ которой въ англійскомъ обществѣ такъ горько жаловался Милль: недостатокъ этотъ ведетъ часто даже лучшіе умы Англіи къ лицемѣрію и двуличности, какъ это можно видѣть на примѣрѣ извѣстнаго Бокля, и отчасти даже на самомъ Миллѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о политической карьерѣ Брадло. Онъ ни передъ кѣмъ не скрывалъ своего давнишняго желанія попасть въ парламентъ, едва всталъ на ноги и пріобрѣлъ значительное число сторонниковъ. Нельзя не сказать правду, что изо всѣхъ путей въ палату общинъ уже самымъ характеромъ своей дѣятельности Брадло выбралъ самый тернистый и трудный путь. Онъ дѣйствовалъ всегда только честнымъ путемъ, не имѣя впрочемъ для подкупа, такъ часто практикуемаго до

сихъ поръ при выборахъ, и достаточнаго количества денегъ. Его могло выдвинуть лишь имя и извѣстность, а въ этомъ отношеніи онъ вооружилъ противъ себя почти все, что̀ сильно въ странѣ. «Всѣ великіе интересы страны, замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ его біографовъ,—королевская власть, аристократія, плутократія, церковь и даже всесильный союзъ кабатчиковъ (Брадло—членъ общества воздержанія),—все противъ него». Три раза Брадло являлся кандидатомъ отъ Нортгемптона, пока наконецъ въ четвертый разъ, въ 1880 году, не смотря на всѣ препятствія, не былъ выбранъ въ парламентъ. Очевидно, Брадло популяренъ въ низшихъ классахъ народа и, лишь опираясь на массу, онъ могъ достигнуть парламента, чтобы защищать съ удвоенной энергіей интересы народа и ратовать за дѣло свободы личности.

Конечно, этотъ самый фактъ говоритъ уже о значеніи новой радикальной партіи въ Англіи, весьма различной отъ той, которая слыла подъ этимъ именемъ въ этой странѣ до послѣдняго времени. Кобденъ, Брайтъ и самъ Гладстонъ—вотъ тѣ лица, которыхъ прежде въ Англіи называли радикалами, не смотря на всю умѣренность ихъ либерализма и представительство почти исключительно интересовъ одного лишь средняго класса. Очевидно, новая радикальная партія не даромъ держится «нереспектабельныхъ» воззрѣній: она состоитъ изъ членовъ, принадлежа-

щихъ къ другимъ слоямъ народа, преимущественно изъ лицъ рабочаго класса, имѣющихъ наименѣе сословныхъ традицій и поэтому легче откликающихся на пропаганду Брадло.

Мистриссъ Безантъ, дѣятельная сподвижница Брадло, на международной конференціи «свободомыслящихъ» (Freethinker), въ Брюсселѣ, происходившей осенью 1880 года, заявляла въ торжественной рѣчи о быстрыхъ успѣхахъ своей партіи въ Великобританіи: «Богатые не желаютъ присоединиться къ намъ, потому что это «нереспектабельно», бѣдные не могутъ, потому что иначе лишатся своего заработка; но мы удвоили свои усилія и пріобрѣли много сторонниковъ. Число ихъ ростетъ день-ото-дня. Пять лѣтъ тому назадъ мы имѣли всего лишь 300 членовъ; теперь ихъ 6,000; но это—записанные и открыто объявившіе себя, и эти сторонники не могутъ служить мѣрой власти нашей партіи, такъ какъ на одного явнаго члена приходится не менѣе сотни единомыслящихъ приверженцевъ, еще не записанныхъ. Такъ, двѣ недѣли тому назадъ въ Бирмингэмѣ, напр., гдѣ мы имѣемъ только 90 человѣкъ членовъ, 4,000 — усердно посѣщали лекцію Брадло и устраивали ему овацію.... Мы имѣемъ теперь свыше 60 побочныхъ обществъ въ нашей національной организаціи; мы имѣемъ исполнительный совѣтъ, избираемый ежегодно конгрессомъ; каждое общество имѣетъ непремѣнно одного члена, который по праву

состоитъ членомъ исполнительнаго совѣта, засѣдающаго въ Лондонѣ; каждое общество самостоятельно само по себѣ, но всѣ они тѣсно связаны. Отсюда слѣдуетъ, что мы можемъ быстро организовать митинги во всѣхъ частяхъ страны по первому почину. Когда м-ръ Брадло былъ посаженъ подъ арестъ за отказъ отъ парламентской присяги, мы лишь увѣдомили нашихъ провинціальныхъ сочленовъ и 140 митинговъ по всей странѣ, собравшіеся въ теченіе 24 часовъ послѣ полученія нашего увѣдомленія, потребовали его немедленнаго освобожденія. Точно также недавно мы послали въ парламентъ 600 петицій, покрытыхъ 60,000 подписями, требующихъ равенства передъ закономъ, права гражданскихъ похоронъ и уничтоженія палаты лордовъ. Другая петиція, направленная противъ цивиль-листа, была покрыта 140,000 подписями».... [4]).

Такимъ образомъ новая партія замѣтно крѣпнетъ и ростетъ, а съ ней, конечно, долженъ рости и интересъ знакомства съ личностью и дѣятельностью ея основателя—Брадло. Ни одинъ англійскій журналъ въ послѣднее время не обошелся безъ статей, посвященныхъ этому, во всякомъ случаѣ, замѣчательному человѣку. Въ послѣдней же книжкѣ, напр.,

---

[4]) The National Reformer, Radical Advocate and Free-thought Journal, edited by Charles Bradlaugh. September 5—th. 1880.

«Westminster Review», за октябрь мѣсяцъ (1880 г.), помѣщены двѣ статьи, трактующія о томъ же самомъ предметѣ, и притомъ послѣдняя трактуетъ о дѣлѣ Брадло съ парламентской присягой въ смыслѣ крайне благопріятномъ для Брадло, и съ большимъ уваженіемъ къ его личности.

Все это указываетъ на важность этого новаго типа англійскаго радикализма и на запросъ публики ближе познакомиться съ ними и оцѣнить всѣ сильныя и слабыя стороны новой партіи, имѣющей за себя столькихъ сторонниковъ въ массѣ англійскаго народа.

Возрожденіе Мальтузіанства въ современной Европѣ *).

Je ne propose rien,
j'expose!

Глава первая.

28-го іюня 1877 года въ Лондонѣ происходилъ рѣдкій процессъ по дѣламъ печати, привлекшій общее вниманіе публики: въ главномъ судѣ Королевиной Скамьи судился Чарльзъ Брадло, столь извѣстный нынѣ членъ радикальной партіи въ Англіи, не допускаемый въ парламентъ за первоначальный отказъ отъ присяги, и г-жа Анна Безантъ, извѣстная своею литературною дѣятельностью того же направленія. Оба эти литератора судились за изданіе небольшой книги (или, точнѣе, брошюры въ пятьдесятъ шесть страницъ) одного американскаго доктора Нольтона, называющейся: «Плоды Философіи. Опытъ по вопросу

*) Статья была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1882 годъ.

о народонаселеніи»[1]). Приговоръ суда былъ очень строгій: Брадло и Безантъ приговорены къ шестимѣсячному тюремному заключенію, къ двумъ стамъ фунтамъ штрафа каждый; и сверхъ того, согласно постановленію суда, оба обвиненные, по отбытіи срока тюремнаго заключенія, обязаны были еще представить по пяти-сотъ фунтовъ стерлинговъ, какъ «ручательство за хорошее поведеніе ихъ въ теченіи двухъ лѣтъ». Къ счастію, впрочемъ, для подсудимыхъ приговоръ этотъ, вслѣдствіе одной ошибки въ постановленіи и благодаря характерной особенности англійскаго судопроизводства, былъ отвергнутъ апелляціоннымъ судомъ и согласно обычаю подсудимые не были притянуты къ отвѣтственности въ другой разъ, и отъ перваго приговора въ силѣ осталось лишь запрещеніе продажи книги.

Прошло всего полгода съ небольшимъ, какъ въ томъ же судѣ происходилъ другой аналогичный процессъ по дѣламъ печати, а именно судился извѣстный книгопродавецъ Эдвардъ Трюловъ за изданіе книги «Нравственная Физіологія» Роберта Дэль Оуэна[2]). Если въ этомъ случаѣ не послѣдовало осу-

---

[1]) *Fruits of Philosophy.* An Essay on the Population Question. By *Charles Knowlton.* M. D. New edition, with Notes. One Hundred and Eighty—Fifth Thousand. London.

[2]) *Moral Physiology*; or a Brief and Plain Treatise on the Population Question. By *Robert Dale Owen.* New edition. London E. Truelove, 256 High Holbórn.

жденія и одинаково строгаго приговора, какъ относительно Брадло и Безантъ, то не было собственно и оправданія, ибо голоса присяжныхъ раздѣлились, и никакъ не могло составиться единогласіе, требуемое по англійскому закону для постановленія приговора.

Оба эти процесса весьма интересны и характерны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, какъ было уже упомянуто, между ними существуетъ полнѣйшая аналогія. Обѣ книги—однороднаго содержанія, принадлежатъ къ категоріи такъ-называемыхъ серьезныхъ или научныхъ книгъ и трактуютъ одинаково вопросъ о народонаселеніи, вопросъ, повидимому, самый безобидный, даже и не въ странѣ съ хваленой свободой прессы, какова Англія. Затѣмъ оба сочиненія, какъ «Плоды Философіи», такъ и «Нравственная Физіологія» — книги старыя: вышли въ свѣтъ еще въ тридцатыхъ годахъ, т. е. около 50 лѣтъ обращались безвозбранно, безнаказанно въ публикѣ; авторы обоихъ сочиненій были американцы и оба давно уже умерли и, слѣдовательно, въ обоихъ процессахъ помянутыя лица судились лишь за переизданіе книгъ, уже существующихъ въ публикѣ и ей извѣстныхъ. Тѣмъ не менѣе оба процесса надѣлали достаточно шума и привлекли, какъ мы видѣли, довольно строгое отношеніе суда. Первая книжка: «Плоды Философіи» Нольтона до сихъ поръ запрещена для продажи и ее можно получить лишь тайкомъ и, разумѣется, за увеличенную цѣну.

Читателю, конечно, извѣстна широкая свобода англійской прессы, которою эта страна такъ гордится, а потому каждый невольно придетъ въ изумленіе послѣ сообщенныхъ фактовъ, что̀ значитъ такая несообразность общихъ принциповъ съ даннымъ случаемъ, и чѣмъ объясняется это непонятное привлеченіе къ отвѣтственности новыхъ издателей—сочиненій, обращающихся въ публикѣ уже пятьдесятъ лѣтъ?! Очевидно, что если эти сочиненія безусловно вредны, то онѣ должны были бы быть давно изъяты изъ обращенія и уже первые издатели, если не сами авторы, привлечены къ судебной отвѣтственности; если же нѣтъ, т. е. если вредъ этихъ сочиненій подверженъ еще сомнѣнію, то остается одно изъ двухъ предположеній: или Англія въ смыслѣ свободы печати пятится назадъ, запрещая сочиненія, прежде дозволенныя, или же, наконецъ, въ этихъ процессахъ преслѣдовались собственно не двѣ названныя книги, а извѣстное ученіе, признанное вреднымъ лишь въ настоящее время. Говоря иначе, можно предположить, что эти два сочиненія выхвачены случайно и привлечены къ отвѣтственности изъ кучи другихъ однороднаго направленія, которое, во-первыхъ, противно существующему порядку или общественнымъ воззрѣніямъ, и, во-вторыхъ—и это главное — сказанное направленіе настолько усилилось, имѣетъ столько приверженцевъ, что невольно привлекаетъ вниманіе цѣлаго общества, возбуждаетъ

уже безпокойство и находитъ своихъ ревностныхъ и добровольныхъ обвинителей, что̀ прежде, при ничтожности означеннаго движенія, не могло имѣть мѣста. Какъ извѣстно, въ Англіи до самыхъ послѣднихъ лѣтъ не существовало публичнаго обвинительнаго о̀ргана, и оба процесса были возбуждены по частной инициативѣ «Общества для преслѣдованія и подавленія порока» (Society for the Prosecution and Suppression of Vice»).

Чтобы рѣшить, которое изъ этихъ предположеній вѣрнѣе и болѣе согласно съ истиной, необходимо, конечно, знать не только содержаніе обѣихъ книгъ, послужившихъ поводомъ къ сказаннымъ процессамъ, но и всю исторію новѣйшаго умственнаго движенія въ области вопроса о народонаселеніи, представителями котораго два указанныя сочиненія служатъ. Цѣль настоящей статьи и заключается именно въ томъ, чтобы познакомить читателей съ характеромъ этого новѣйшаго направленія мысли, при обсужденіи и рѣшеніи этого капитальнаго вопроса, обусловливающаго все будущее человѣчества. Что направленіе это, къ которому принадлежатъ въ Европѣ люди самаго различнаго общественнаго положенія, заслуживаетъ вниманія мыслящаго читателя, что оно имѣетъ тысячи приверженцевъ и сотни изданій не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ Европы, въ этомъ читатель убѣдится далѣе изъ самой статьи. Можно допустить, что направленіе это, представляя

собой крайній логическій выводъ изъ извѣстнаго ученія Мальтуса, носитъ на себѣ печать болѣзненности и скорѣе принадлежитъ къ области патологіи человѣческой мысли, нежели къ нормальнымъ и здоровымъ явленіямъ европейской культуры. Но разъ такое направленіе существуетъ, является фактомъ и имѣетъ многочисленныхъ представителей въ образованномъ классѣ одной изъ передовыхъ странъ Европы, оно—какъ бы ни казалось дико—заслуживаетъ безпристрастнаго изслѣдованія и ознакомленія съ нимъ русской публики. Если самыя страшныя болѣзни тѣла и аномаліи общественнаго устройства подлежатъ въ настоящее время одинаково настойчивому изученію, то, конечно, съ не меньшимъ правомъ заслуживаетъ того же самаго и изученіе аномалій человѣческой мысли, выражающихся въ одностороннемъ, какъ увидитъ читатель, рѣшеніи столь важнаго и основнаго общественнаго вопроса, каковъ вопросъ о народонаселеніи и причинахъ происхожденія бѣдности. Читатель не долженъ во всякомъ случаѣ забывать, что даже самое вѣрное и безспорное положеніе, если проводить его логически, послѣдовательно до конца, упуская изъ вниманія всѣ другія стороны вопроса, можетъ легко привести къ абсурду; тѣмъ болѣе это правило приложимо къ вопросу, еще далеко не рѣшенному и даже спорному. Ознакомленіе съ новымъ направленіемъ является такимъ образомъ важнымъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, само по себѣ,

какъ способъ узнать и подвергнуть надлежащей оцѣнкѣ новое и весьма странное теченіе человѣческой мысли, и, во-вторыхъ, какъ средство познакомиться съ нѣкоторыми особенностями и аномаліями общественной жизни современной Европы.

Чтобы легче понять и усвоить сущность новаго направленія въ вопросѣ о народонаселеніи, необходимо въ краткихъ чертахъ напомнить читателю содержаніе знаменитаго закона Мальтуса о народонаселеніи, уже болѣе восьмидесяти лѣтъ время отъ времени занимающаго европейскихъ ученыхъ и публицистовъ, несмотря на всю критику и оппозицію, противъ него направленную.

Еще д-ръ Франклинъ въ прошломъ вѣкѣ замѣтилъ, что размноженіе растеній и животныхъ задерживается только вслѣдстіе соперничества и взаимной борьбы ихъ за средства существованія. Еслибы, говорилъ онъ, на поверхности земнаго шара не росло другихъ растеній, то вся она могла бы постепенно засѣяться и покрыться однимъ какимъ-нибудь растительнымъ видомъ. Точно также, еслибы на земной поверхности не было другихъ обитателей, то по прошествіи немногихъ вѣковъ вся она могла бы заселиться одной только націей. Вообще и въ животномъ и въ растительномъ царствѣ природа обильно разсѣяла повсюду сѣмена жизни; но она была экономна относительно мѣста и пищи для развитія этой

жизни. Еслибы эти сѣмена жизни, находящiяся на нашей землѣ, могли всѣ развиваться свободно, то черезъ нѣсколько тысячелѣтiй они наполнили бы собой цѣлые миллiоны мiровъ, подобныхъ нашему. Только нужда, этотъ повелительный всеобщiй законъ природы, сдерживаетъ развитiе жизни въ опредѣленныхъ границахъ. Растенiя и животныя подчиняются одинаково ограниченiю этого великаго закона и никакими усилiями своего разума, утверждаетъ Мальтусъ, человѣкъ не можетъ освободиться отъ его влiянiя.

У животныхъ инстинктъ размноженiя не сдерживается никакими заботами о средствахъ существованiя. Поэтому вездѣ, гдѣ только способность размножаться можетъ проявляться, она проявляется; излишекъ въ размноженiи уничтожается впослѣдствiи отъ недостатка мѣста и пищи. На человѣка это ограниченiе оказываетъ гораздо болѣе сложное дѣйствiе. Инстинктъ, такой же могущественный, какъ и у животныхъ, побуждаетъ его къ размноженiю своего вида, а разсудокъ останавливаетъ его и задаетъ ему вопросъ: не произведетъ-ли онъ на свѣтъ существъ, которымъ не въ состоянiи будетъ доставить средства къ существованiю? Если онъ послушается этого естественнаго внушенiя, то само побужденiе сдѣлается источникомъ пороковъ, если же не послушается, то потомство будетъ постоянно стремиться размножаться быстрѣе, чѣмъ станутъ уве-

личиваться средства къ существованію. Но какъ по законамъ нашей природы пища существенно необходима для поддержанія нашей жизни, то населеніе въ дѣйствительности никогда не можетъ возрости до такой степени, чтобы выдти изъ границъ, которыя опредѣляются наименьшимъ количествомъ пищи, потребной для существованія; недостатокъ ея неизбѣжно ощущается гдѣ-нибудь и неизбѣжно заявляется въ какой-нибудь формѣ бѣдствія или страхѣ нищеты.

На основаніи статистическаго обзора разныхъ странъ и особенно Соединенныхъ Штатовъ Америки, Мальтусъ пришелъ къ убѣжденію, что если населеніе не встрѣчаетъ препятствій къ своему размноженію, то оно удваивается въ каждые двадцать пять лѣтъ и возростаетъ *въ геометрической прогрессіи*. Въ то же самое время онъ приходитъ также, на основаніи изслѣдованія разныхъ странъ, къ заключенію, что средства для продовольствія этого населенія или количество продуктовъ земли въ данный періодъ возрастаетъ гораздо медленнѣе, а именно *въ прогрессіи ариѳметической*; и такимъ образомъ весьма быстро, хотя и постепенно, наступаетъ перевѣсъ населенія надъ средствами къ его существованію и появляется, слѣдовательно, на сцену голодъ— самое могущественное и конечное препятствіе къ размноженію человѣчества. Этой конечной причинѣ пріостановки размноженія предшествуютъ, впрочемъ, непосредственныя препятстія, которыя состоятъ во

всѣхъ тѣхъ обычаяхъ, привычкахъ и болѣзняхъ, которыя происходятъ отъ недостатка средствъ къ существованію и также во всѣхъ тѣхъ причинахъ моральнаго или физическаго свойства, которыя стремятся преждевременно разслабить или разрушить человѣческій организмъ.

Всѣ эти препятствія къ возрастанію населенія, которыя постоянно дѣйствуютъ съ большею или меньшею силою въ каждомъ обществѣ и удерживаютъ населеніе на уровнѣ средствъ къ существованію, можно раздѣлить на двѣ главныя категоріи—на препятствія предупредительныя и положительныя. *Положительныя* препятствія къ возростанію населенія чрезвычайно разнообразны; къ числу ихъ слѣдуетъ отнести всѣ тѣ причины, которыя стремятся сократить естественную продолжительность человѣческой жизни, будутъ-ли эти причины отъ бѣдности или порока. Къ этой категоріи, слѣдовательно, должны быть отнесены всѣ нездоровыя занятія, тяжелая работа, вредный климатъ, дурное обращеніе съ дѣтьми, городская жизнь, излишества всякаго рода, цѣлый рядъ болѣзней и эпидемій, война, зараза и голодъ. *Предупредительныя* препятствія по своей произвольности свойственны только человѣку и зависятъ отъ отличительнаго превосходства его умственныхъ способностей, которое заставляетъ его разсчитывать *отдаленныя послѣдствія* его дѣйствій. Препятствія къ безпредѣльному развитію растеній и

животныхъ всѣ положительныя, а если онѣ и предупредительныя, то не произвольны. Другое у человѣка: прежде нежели слѣдовать естественному инстинкту, онъ задумывается и соображаетъ, можетъ-ли онъ связать свою судьбу съ особой другаго пола. Оглядываясь вокругъ себя и видя нужду, часто гнетущую многочисленную семью, и соображая, что̀ расходуетъ на себя и что̀ у него останется, если придется свой доходъ раздѣлить на нѣсколько частей, человѣкъ не можетъ не задаться вопросомъ, будетъ-ли онъ въ состояніи поддерживать существованіе потомства, которое, вѣроятно, произведетъ на свѣтъ, если послѣдуетъ своимъ наклонностямъ. Отсюда, изъ такихъ-то и подобныхъ имъ соображеній, возникаетъ сильное препятствіе къ браку, и нѣтъ сомнѣнія, что эти соображенія способны удержать и, дѣйствительно, удерживаютъ значительное число людей всѣхъ цивилизованныхъ націй отъ естественнаго влеченія связать рано свою судьбу съ женщиной. Это-то воздержаніе отъ брака, если оно не ведетъ къ пороку, пока человѣкъ не имѣетъ возможности содержать будущей семьи, называется Мальтусомъ «нравственнымъ обузданіемъ»; оно составляетъ наименьшее зло, могущее истекать изъ принципа населенія и потому рекомендуется имъ какъ главнѣйшее средство противъ развитія бѣдности и нищеты.

Сумма всѣхъ этихъ предупредительныхъ и поло-

жительныхъ препятствій, взятыхъ вмѣстѣ, составляетъ непосредственную преграду къ возрастанію населенія. Двѣ категоріи этихъ препятствій находятся до извѣстной степени въ обратномъ отношеніи другъ къ другу, т. е. напримѣръ, въ странахъ отъ природы нездоровыхъ или почему-либо подверженныхъ большой смертности, предупредительныя препятствія рѣдко дѣйствуютъ; напротивъ того въ странахъ здоровыхъ или культурныхъ предупредительныя причины преобладаютъ, положительныя ослабѣваютъ и смертность относительно незначительна.

Изъ этого краткаго ремюзè сущности ученія Мальтуса видно, что для счастія и благополучія человѣчества желательно возможно медленное его возрастаніе; а единственнымъ желательномъ средствомъ для того должно служить нравственное обузданіе, т. е. половое воздержаніе. «Всякое благоразумное удовлетвореніе, говоритъ онъ, всѣхъ нашихъ похотей имѣетъ дурныя послѣдствія. Если мы неумѣренно ѣдимъ или пьемъ, то страдаемъ; если мы даемъ волю гнѣву, то вредимъ самимъ себѣ и своимъ ближнимъ. Если мы слишкомъ быстро размножаемся, то умираемъ отъ нищеты и заразительныхъ болѣзней».

«Бѣдствія отъ слишкомъ быстраго размноженія, къ сожалѣнію, не такъ непосредственны или очевидны, какъ въ другихъ случаяхъ, чѣмъ и объясняется, почему люди такъ мало обращали на это вниманіе... Такъ какъ нравственное воздержаніе, выводитъ онъ

отсюда, представляетъ единственно добродѣтельный способъ избѣгать золъ, обусловленныхъ принципомъ населенія, то наша обязанность соблюдать его основана на одномъ и томъ же принципѣ добродѣтели— на пользѣ. Какъ бы снисходительно мы ни смотрѣли на случайное нарушеніе тягостнаго долга, мы не можемъ, однако же, сомнѣваться въ томъ, что этотъ долгъ слѣдуетъ исполнять. Наша обязанность не вступать въ бракъ до тѣхъ поръ, пока у насъ нѣтъ надежды на возможность содержать своихъ дѣтей, должна бы обратить, повидимому, вниманіе моралистовъ, если можно доказать, что исполненіе этой обязанности предупредитъ развитіе нищеты. Еслибы вошло въ общее обыкновеніе слѣдовать первому побужденію природы и вступать въ бракъ въ раннюю пору половой зрѣлости, то господство даже всевозможныхъ добродѣтелей было бы не въ состояніи спасти общество отъ самой отчаянной нищеты, болѣзней и голода, которыя обыкновенно появляются».

Во всѣхъ старыхъ и населенныхъ странахъ, по мнѣнію Мальтуса, только ограничивая предложеніе труда, можно разсчитывать на существенное и постоянное улучшеніе въ положеніи бѣдныхъ. «Находя, что при всевозможной быстротѣ производства число потребителей возрастаетъ еще быстрѣе, мы должны наконецъ убѣдиться, что наши усилія, направленныя въ одну только эту сторону, никогда не достигнутъ своей цѣли; мы должны, слѣдователь-

но, попробовать привести населеніе въ соотвѣтствіе съ количествомъ пищи, такъ какъ нельзя сдѣлать обратнаго вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія». «Надо одновременно стремиться къ обѣимъ цѣлямъ и такимъ образомъ добиться двухъ желаемыхъ результатовъ, большаго народонаселенія и такого состоянія общества, при которомъ нищета и зависимость были бы сравнительно мало извѣстны. Еслибы мы всѣ захотѣли жениться въ молодости, надѣясь быть въ состояніи преодолѣть всѣ несчастія, всякія болѣзни и нищету, то убѣдились бы скоро, что всѣ усилія будутъ напрасны. Природа не хочетъ, не можетъ быть обойденною, побѣжденною. Необходимая смертность должна явиться въ той или другой формѣ; если человѣческое искусство искоренитъ одну болѣзнь, то это будетъ только началомъ зарожденія другой, можетъ быть, болѣе губительной».

Примѣнительно къ Англіи Мальтусъ приводитъ еще нѣсколько мѣръ второстепеннаго значенія, которыя могутъ также отчасти регулировать населеніе и способствовать уменьшенію нищеты, но главнымъ и универсальнымъ средствомъ, имъ рекомендуемымъ для задержанія быстраго размноженія, является все таки *нравственное обузданіе* (moral restraint), которое выражается въ строгомъ цѣломудріи до брака и позднемъ, по крайней мѣрѣ, для большинства населенія, вступленіи въ него. «*Не въ порядкѣ вещей*, *говоритъ онъ*, *чтобы возможно было какое-нибудь*

постоянное и общее улучшеніе въ положеніи бѣдныхъ безъ усиленія предупредительнаго препятствія къ увеличенію населенія».

Ученіе Мальтуса въ наше время, какъ извѣстно, получило еще подкрѣпленіе въ трудахъ знаменитаго Чарльза Дарвина, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о происхожденіи видовъ, цѣликомъ даже примѣняетъ къ борьбѣ за существованіе Мальтусовскій принципъ геометрической прогрессіи размноженія живыхъ существъ. «Въ этой борьбѣ за существованіе, говоритъ онъ, напримѣръ, выражается ученіе Мальтуса въ примѣненіи ко всему растительному царству, но въ примѣненіи страшномъ, которое не допускаетъ уже ни искуственнаго увеличенія средствъ къ существованію, ни благоразумнаго воздержанія отъ брака. Хотя въ настоящее время нѣкоторые виды и могутъ размножаться съ большей или меньшей скоростью, однако же, такое размноженіе возможно не для всѣхъ видовъ, потому что для нихъ не достало бы мѣста». Наконецъ къ числу приверженцевъ Мальтуса принадлежатъ нѣсколько и другихъ не менѣе знаменитыхъ натуралистовъ, каковы Лайель, Гёкслей, Оуэнъ и Уоллесъ. Что касается до экономистовъ Англіи, то принятіе ученія Мальтуса ими можно признать почти всеобщимъ. Д. С. Милль, напримѣръ, болѣе другихъ англійскихъ экономистовъ свободный отъ всѣхъ предразсудковъ ортодоксальной доктрины, былъ тѣмъ не менѣе боль-

шимъ почитателемъ Мальтусовой теоріи народонаселенія. «Попытки отвергнуть ученіе Мальтуса о народонаселеніи, говоритъ Милль въ своей «Логикѣ» напримѣръ, были большею частію примѣрами ignoratio elenchi (т. е. заключеніемъ, не относящимся къ вопросу). Думали, что ученіе Мальтуса будетъ опровергнуто, если докажется, что въ какихъ-нибудь странахъ или въ какія-нибудь времена населеніе не размножалось; но Мальтусъ никогда не утверждалъ, что населеніе всегда возростаетъ въ данной прогрессіи, а доказываетъ только, что оно стремится размножиться въ томъ случаѣ, если не сдерживается благоразуміемъ или не ограничивается нищетой и болѣзнію. Выставляютъ на видъ также факты, что народъ живетъ лучше, если размножается больше, или, что та страна богаче, гдѣ населеніе гуще. Но Мальтусъ вовсе не доказывалъ, что при густомъ населеніи народъ не можетъ жить хорошо; напротивъ того, сущность его ученія состоитъ въ томъ, что въ странѣ, гдѣ много капитала, можетъ быть и больше населенія безъ развитія нищеты».

Уже одно лишь признаніе ученія Мальтуса столькими современными авторитетами науки указываетъ на всю его важность и даетъ право заключить, что это ученіе еще съ начала появленія книги Мальтуса [3]), несмотря на всю его односторонность, должно

---

[3]) Книга Мальтуса о народонаселеніи появилась въ 1798

было произвести необычайно сильное впечатлѣніе на умы большей части его современниковъ. Это впечатлѣніе, нѣтъ сомнѣнія, и дало толчокъ многимъ изъ приверженцевъ новаго ученія, обладавшихъ болѣе послѣдовательностью, нежели, можетъ быть, высокою умственною силою, къ дальнѣйшему развитію принциповъ Мальтуса и доведенію ихъ даже до крайняго предѣла. Къ категоріи такихъ крайнихъ послѣдователей Мальтуса, число которыхъ было велико въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, принадлежатъ почти во всѣхъ странахъ Европы изобрѣтатели разнородныхъ проэктовъ, иногда странныхъ, иногда прямо дикихъ, для уменьшенія размноженія народонаселенія, и къ этому же самому періоду (къ тридцатымъ годамъ) относится появленіе въ свѣтъ двухъ сочиненій: «Нравственная Физіологія» Роберта Дэль Оуэна и «Плоды Философіи» д-ра Нольтона, переизданіе которыхъ вызвало въ современной Англіи два судебныхъ процесса, о которыхъ мы говорили. Сочиненія эти, совершенно однородныя по своей цѣли и характеру, не заключали въ себѣ, строго говоря, ничего такого, что̀ было бы вполнѣ новымъ, даже для тридцатыхъ годовъ. Еще раньше въ книгѣ Франсиса Плэса, а глав-

---

году и за первые шесть лѣтъ уже выдержала пять изданій, породивши массу противниковъ, а еще болѣе приверженцевъ.

ное Ричарда Карляйля (Every Woman's Book) [4]) высказывались въ сущности тѣ же самыя соображенія о законѣ народонаселенія и въ томъ же самомъ направленіи, какъ и въ двухъ книгахъ, съ содержаніемъ которыхъ мы будемъ теперь знакомить читателей. Разница лишь та, что сочиненія Роберта Дэль Оуэна и Нольтона гораздо лучше и полнѣе (особенно же—Оуэна) оформили и выразили тѣ же воззрѣнія крайнихъ мальтузіанцевъ, и, во-вторыхъ, что имъ посчастливилось появиться на свѣтъ вновь въ настоящее время, когда ученіе Мальтуса видимо опять оживилось и крайніе мальтузіанцы составляютъ сильную и многочисленную партію не въ одной даже Англіи, а самыя ученія ихъ, повидимому, переходятъ въ жизнь.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ книги Мальтуса, по поводу «нравственнаго обузданія», имъ рекомендуемаго, и позднихъ браковъ, нѣкоторые изъ его приверженцевъ упоминали уже въ печати о широко распространенномъ будто бы во Франціи «супружескомъ благоразуміи», которое можетъ де замѣнить мѣсто позднихъ бракосочетаній или допустить браки болѣе ранніе; объ этомъ, между прочимъ, много распространяется въ своей книгѣ уже упомянутый нами Франсисъ Плэсъ. Однажды, разсказываютъ

---

[4]) За книгу эту авторъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности.

мальтузіанцы, знаменитый филантропъ Робертъ Оуэнъ, готовясь основать свою извѣстную промышленную ассоціацію Нью-Ланаркъ, бесѣдовалъ съ Франсисомъ Плэсомъ о ея будущемъ. Въ разговорѣ Плэсъ поставилъ въ тупикъ Оуэна своимъ замѣчаніемъ, что его планъ навѣрное рухнетъ, какъ скоро работники новой ассоціаціи, достигнувъ благосостоянія, начнутъ быстро жениться и наплодятъ кучу дѣтей, благодаря чему опять впадутъ въ бѣдность и ассоціація распадется. «Неужели противъ этого не существуетъ никакого средства?» спросилъ Оуэнъ. «Да, отвѣчалъ Плэсъ:—французы, когда женятся, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы у нихъ было не болѣе двухъ или трехъ дѣтей». Услышавши это, Оуэнъ немедленно отправился во Францію и старался изучить у парижскихъ родителей средства, употребляемыя ими для ограниченія ихъ семействъ. По возвращеніи своемъ оттуда, онъ основалъ Нью Ланаркъ, который, какъ извѣстно, имѣлъ значительный успѣхъ, и, какъ утверждаютъ по этому поводу мальтузіанцы, этимъ де Оуэнъ обязанъ въ значительной степени тѣмъ совѣтамъ, которые онъ давалъ сочленамъ на основаніи опыта изъ своей поѣздки во Францію [5]).

Еще болѣе отца обратилъ вниманіе на ученіе Мальтуса сынъ его Робертъ Дэль Оуэнъ, извѣстный

---

[5]) См. Der Neo-Malthusianismus, das Heilmittel des Pauperismus. Von d-r *G. Stille*. Berlin, 1880. См. стр. 76.

въ Америкѣ, какъ литераторъ и политическій дѣятель, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Робертъ Дэль Оуэнъ, человѣкъ весьма недюжинныхъ способностей, въ теченіи своихъ многочисленныхъ путешествій по Европѣ, гдѣ онъ въ разныхъ странахъ занималъ постъ посланника американской республики, заинтересовался серьезно вопросомъ о народонаселеніи и въ 1830 г. выступилъ въ свѣтъ уже рѣшительнымъ мальтузіанцемъ, съ книгой: «Нравственная Физіологія», которая можетъ считаться самымъ крупнымъ, по своему значенію, произведеніемъ новой партіи [6]).

Появленіе въ свѣтъ «Нравственной Физіологіи» Оуэна вызвано было чистымъ случаемъ. Вотъ какъ онъ передаетъ объ этомъ, въ предисловіи своей книги. Нѣсколько времени передъ этимъ одинъ пріятель автора, пріѣхавшій въ Америку изъ Англіи, передалъ ему нѣсколько англійскихъ книгъ, врученныхъ ему издателемъ съ цѣлью представить ихъ какому-либо американскому типографскому обществу, какъ образчикъ англійскаго типографскаго искусства. Исполняя просьбу пріятеля, Робертъ Дэль Оуэнъ препроводилъ эти книжки въ типографское общество въ Нью-Іоркъ при соотвѣтственнаго содержанія формальной запискѣ. Къ его величайшему изумленію, спустя короткое время, онъ получилъ эти образчики

---

[6]) Moral Physiology or a Brief and Plain Treatise on the Population Question. By *Robert Dale Owen.*

англійскаго типографскаго дѣла обратно съ приложеніемъ длиннаго и весьма гнѣвнаго письма, подписаннаго тремя членами общества, обвиняющими Оуэна, приславшаго эти книги, «въ принципахъ, противныхъ всякой добродѣтели, стремящихся нарушить всѣ десять заповѣдей», а спеціально же обвиняющихъ его за то, что онъ «далъ де свою санкцію сочиненію, имѣющему стремленіе совращать и соблазнять въ распутство нашихъ дочерей, сестеръ и женъ». Этотъ неожиданный аффронтъ обратилъ вниманіе Оуэна на самое содержаніе посланныхъ имъ книгъ и между ними оказалось уже упомянутое нами сочиненіе Ричарда Карляйля (Every Woman's Book), одно изъ первыхъ Мальтузіанскихъ твореній въ томъ же духѣ, какъ и тѣ, которыя мы будемъ излагать въ нашей статьѣ. Робертъ Дэль Оуэнъ внимательно прочелъ ее и хотя нашелъ ее, какъ о томъ заявилъ въ New-Harmony Gazette, можетъ быть неудобной для чтенія незрѣлымъ читателямъ, но тѣмъ не менѣе книгой нетолько не безнравственной, но крайне важной и полезной. Мало того, живя въ Индіанѣ, два года спустя, онъ предполагалъ даже переиздать книгу Карляйля въ Америкѣ, но затѣмъ послѣ нѣкотораго размышленія, принявши во вниманіе нѣкоторые ея недостатки, рѣшился написать свой собственный трудъ по тому же предмету о населеніи, и такимъ-то трудомъ и явилась означенная «Нравственная Физіологія».

«Нравственная Физіологія» состоитъ изъ семи коротенькихъ главъ, написанныхъ весьма сжатымъ языкомъ, и приложенія. Глава 1-я играетъ роль вступленія къ главному предмету книги. Прежде всего автора видимо озабочиваетъ мысль, чтобы его трактатъ не причислили, какъ это сдѣлало нью-йоркское типографское общество относительно Карляйля, къ категоріи той распространенной литературы, которая бьетъ на низменные инстинкты человѣка. Поэтому онъ изслѣдуетъ первоначально понятіе о томъ, что̀ слѣдуетъ называть приличнымъ и что̀ неприличнымъ предметомъ изслѣдованія, и, сопоставляя выдержки изъ разныхъ путешествій по этому предмету, показывающія какъ понятія о приличіи разнообразятся по странамъ, Оуэнъ приходитъ къ заключенію совершенно справедливому, что приличіе или неприличіе содержанія извѣстной книги опредѣляется намѣреніемъ, съ которымъ она написана, а вовсе не предметомъ изслѣдованія и затѣмъ дѣлаетъ такое краснорѣчивое воззваніе къ своимъ будущимъ читателямъ, которое мы приводимъ почти цѣликомъ:

«Молодые люди и женщины! вы, которые, если и находитесь еще о многомъ въ невѣдѣніи, то, по крайней мѣрѣ, не испорчены; вы, въ умахъ которыхъ честныя и простыя слова не вызываютъ ничего, кромѣ честныхъ же и простыхъ мыслей; вы, не имѣющіе въ виду никакого зла, вы, еще вѣрующіе въ человѣческую добродѣтель и человѣческое

счастіе; вы, которые, подобно вашимъ прародителямъ въ раю, одинаково не посвящены въ лицемѣрныя приличія и страшные пороки псевдо-цивилизаціи; вы, у которыхъ любовь сильнѣе страха и для которыхъ законъ совѣсти могущественнѣе всякаго писаннаго закона; вы, чувства которыхъ еще не притуплены и симпатіи которыхъ все еще горячи и безкорыстны; вы, которые принадлежите къ лучшей части вашего рода и которые составляете свое представленіе о человѣчествѣ по такимъ же незлобнымъ сердцамъ, какъ ваши собственныя,— молодые люди и женщины! къ вашимъ чистымъ чувствамъ я желалъ бы обратиться; я желалъ бы, чтобъ мой трактатъ и мои мотивы обсуждались вашими не искаженными еще софизмомъ сердцами».

«Люди развращенные и люди распутные! эта книга не для васъ! Вы не способны оцѣнить предметъ, о которомъ она трактуетъ. Прилагая къ обсужденію ея, какъ вы не преминете это сдѣлать, недовѣріе и презрѣніе къ человѣческой расѣ и, къ несчастію, вслѣдствіе привычки смѣшивать свободу съ распутствомъ и удовольствіе съ дебоширствомъ, ваши притупленныя чувства и оживотненныя ощущенія окажутся уже неспособными познать нравственную истину въ ея чистотѣ и простотѣ. Я никогда не обсуждаю этого предмета съ подобными вамъ, потому что считаю это безполезнымъ и знаю, насколько это непріятно. Уже замѣчено, что ничто

такъ не подозрительно въ женщинѣ, какъ сильная претензія на особо строгую цѣломудренность, но не менѣе вѣрно и то, что наиболѣе настойчивые и чувствительные приверженцы ортодоксальной нравственности очень часто въ то же время являются самыми безсердечными негодяями. То небольшое знакомство, какое я имѣлъ съ вашимъ обществомъ, заставляетъ меня избѣгать обсужденія съ вами какого-либо рода нравственной ереси. Вы приступаете къ такимъ предметамъ въ тонѣ и духѣ одинаково возмущающемъ хорошій вкусъ и доброе чувство. Вы, повидимому, впередъ предполагаете изъ вашего личнаго, собственнаго опыта, можетъ быть, что сердца всѣхъ людей, а спеціально же женщинъ, прежде всего обманчивы и коварны; что насиліе и порокъ свойственны и прирожденны человѣческой натурѣ и что ничто, кромѣ законовъ и церемонныхъ обычаевъ, не удерживаетъ свѣтъ отъ того, чтобы сдѣлаться обширной бойней и универсальнымъ публичнымъ домомъ... Вы склонны судить о вашемъ собственномъ и о другомъ полѣ по тѣмъ образцамъ, съ которыми вы встрѣчаетесь въ притонахъ продажности и распутства; и съ такимъ мѣриломъ передъ глазами, я не удивляюсь, что вы неисправимо продолжаете не вѣрить въ какую-либо добродѣтель, кромѣ той, которая выращена въ теплицѣ предразсудковъ, свѣтскихъ приличій и церемоній. Вы никогда не довѣритесь естественной почвѣ, орошаемой дождемъ подъ откры-

тымъ небомъ и согрѣваемой животворящимъ солнцемъ. И не можетъ быть это иначе! Для васъ на ней выростаютъ лишь сорныя и ядовитыя травы. Распутники и развратники! отбросьте мою книгу въ сторону. Вы не найдете въ ней ничего, могущаго удовлетворить ваше болѣзненное любопытство; а если вы прочтете ее, вы, вѣроятно, предположите съ моей стороны мотивы и побужденія, лишь подобныя вашимъ».

«И вы, поклонники свѣтскихъ приличій, фарисеи и лицемѣры, вы, которыхъ Христосъ сравнилъ съ гробами повапленными, красивыми снаружи, но наполненными всякою мерзостью внутри; вы, которые краснѣете, когда въ обществѣ употребляется слово «щиколка» (!) и готовы читать въ своей комнатѣ, съ запертыми дверями, всякія непристойности; вы, которые за обѣдомъ избѣгаете употребить слово «грудинка», чтобы не вызвать неприличную ассоціацію идей; вы, которые скромно опускаете глаза при всякомъ намекѣ днемъ и назначаете rendez-vous ночью... Фарисеи и лицемѣры! я обращаюсь съ своей книгой вовсе не къ вамъ! Даже если вы искренны въ вашемъ крайнемъ поклоненіи внѣшнему приличію, ваши идеи о правомъ и неправомъ во всякомъ случаѣ такъ искусственны и спутаны, что вы ничего не можете вынести полезнаго изъ моего разсужденія; если же вы безчестны, то я не желаю подавно имѣть никакого дѣла съ вами».

Затѣмъ авторъ въ своемъ оригинальномъ обращеніи къ читателямъ проситъ всѣхъ лицемѣровъ и людей распутныхъ оставить и не читать его книгу, такъ какъ ея чтеніе не удовлетворитъ ихъ ни въ какомъ отношеніи. Лицемѣрные поклонники приличія, пожалуй, будутъ крайне шокированы, а люди развращенные найдутъ его книгу слишкомъ скромною.

Но, не довольствуясь этимъ пышнымъ вступленіемъ съ цѣлью оградить себя отъ всякихъ подозрѣній и попрековъ въ дурныхъ мотивахъ и побужденіяхъ, Робертъ Дэль Оуэнъ находитъ даже нужнымъ повѣдать съ видимою искренностью читателю и нѣкоторыя подробности о своей собственной личности и своемъ моральномъ обликѣ, какъ лишнюю рекомендацію добропорядочности его сочиненія. Своимъ родителямъ, напримѣръ, онъ обязанъ привычкою къ строгой во всемъ умѣренности; никогда въ жизни онъ не пилъ вина или иного возбуждающаго напитка, а въ послѣднее время пересталъ даже есть животную пищу; никогда его нога не вступала въ домъ терпимости и никогда онъ не касался продажной женщины. Однимъ словомъ, нѣтъ никакого де основанія заподозрить его настоящій трактатъ въ дурныхъ, безнравственныхъ цѣляхъ...

«Теперь, читатель, заключаетъ онъ такъ свое введеніе: — если я только успѣлъ пробудить ваше вниманіе и убѣдить въ своей искренности, мы обратимся къ предмету моего изслѣдованія, крайне инте-

ресному и важному, какъ для меня, такъ и для васъ и для всѣхъ нашихъ собратій — людей. Если вы женщина, забудьте, что я мужчина; если вы мужчина, то слушайте меня, какъ вашего брата; будемъ бесѣдовать не какъ мужчина и не какъ женщина, но какъ человѣческія существа — съ общими желаніями, интересами, инстинктами и слабостями, будемъ бесѣдовать, если возможно, безъ предубѣжденія и безъ страстности»... [7]).

Между многоразличными инстинктами, которые способствуютъ благополучію и сохраненію человѣка на землѣ, выдающееся мѣсто занимаетъ инстинктъ воспроизведенія себѣ подобныхъ. Онъ населяетъ землю, онъ продолжаетъ родъ; находясь подъ контролемъ разума и очищаемый добрыми чувствами, онъ сообщаетъ соціальнымъ отношеніямъ много прелести и очарованія. Въ то же время, однако, управляемый себялюбіемъ или подъ господствомъ силы, этотъ инстинктъ служитъ источникомъ несчастія и разнообразнаго страданія. Такъ или иначе, вліяніе этого инстинкта составляетъ господствующій принципъ, окрашивающій въ темныя или свѣтлыя краски всю судьбу человѣка Нѣкоторые говорятъ объ этомъ инстинктѣ, какъ о низкой и себялюбивой наклонности и секта шэкеровъ, напримѣръ, окрещиваетъ инстинктъ именемъ «плотской, чувственной страсти».—«Я не вижу

[7]) См. «Moral Physiology», p. 10—12

ничего, возражаетъ имъ Оуэнъ: — въ самомъ инстинктѣ, что̀ бы заслуживало эти эпитеты: подобно другимъ инстинктамъ и этотъ можетъ имѣть себялюбивый, продажный или животный характеръ; но самъ по себѣ онъ является, можетъ быть, наиболѣе соціальнымъ и наименѣе себялюбивымъ изъ всѣхъ нашихъ инстинктовъ. Доставляя наслажденіе, онъ сообщаетъ его и другому лицу, и культурными существами послѣднее его свойство цѣнится гораздо выше, чѣмъ первое. Ни одинъ изъ нашихъ инстинктовъ не даетъ столь обширнаго поля или мѣста для обнаруженія душевнаго безкорыстія и лучшей выставки нравственнаго чувства нашей расы. Ни одинъ инстинктъ не порождаетъ отношеній болѣе деликатныхъ, болѣе гуманизирующихъ и болѣе сближающихъ людей; ни одинъ инстинктъ, наконецъ, не лежитъ болѣе непосредственно въ основаніи благой взаимной помощи между людьми и самыхъ благородныхъ импульсовъ, которые дѣлаютъ честь и составляютъ лучшее украшеніе человѣческой натуры».

Что касается, по мнѣнію автора, до убѣжденія, что этотъ инстинктъ составляетъ лишь низкое себялюбивое свойство, изслѣдованіе котораго лучше избѣгать, то такія воззрѣнія, думаетъ онъ, служатъ лишь доказательствомъ развращенности нашего вѣка и недостаточной чистоты псевдо-цивилизованнаго духа. Я воображаю, говоритъ онъ, что еслибы всѣ мужчины и всѣ женщины были обжорами и пьяни-

цами, то нѣтъ сомнѣнія, подобнымъ же образомъ у насъ стыдились бы говорить о воздержаніи въ пищѣ и умѣренности въ напиткахъ!...

Но инстинктъ воспроизведенія обусловливается или желаніемъ потомства, или удовольствія.

На языкѣ оптимистовъ замѣчаетъ Оуэнъ, «удовольствіе здѣсь дано какъ бы въ придачу»; но это послѣднее обстоятельство (само по себѣ счастливое, такъ какъ увеличиваетъ сумму человѣческаго счастія) служитъ часто, къ сожалѣнію, и причиной несчастія и изъ благословенія обращается въ проклятіе. Удовольствіе ведетъ къ излишеству, а часто къ тиранніи и варварской несправедливости. Еслибы инстинктъ воспроизведенія не былъ связанъ ни съ какимъ удовольствіемъ, то онъ одинаково не доставлялъ бы наслажденія, но и не велъ бы къ злоупотребленію. Это, разумѣется, возлагаетъ на насъ обязанность спеціально заботиться объ его регулированіи, дабы великое благо не обращалось въ великое зло.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Оуэна, этотъ инстинктъ можно разсматривать въ двоякомъ свѣтѣ: *первое*, какъ дающій силу воспроизведенія, и, *второе*, какъ доставляющій удовольствіе. На этомъ то различіи инстинкта, такъ сказать, на двухъ его сторонахъ, и покоится все разсужденіе Оуэна. Большею частью случается, говоритъ онъ, что человѣчество повинуется предписаніямъ инстинкта отнюдь не изъ разсчета послѣдствій, но слѣдуя лишь животному им-

пульсу; отсюда происходитъ, слѣдовательно, что многія дѣти появляются на свѣтъ не вслѣдствіе сознательнаго убѣжденія ихъ родителей, что ихъ рожденіе желательно, но просто благодаря необдуманному инстинкту, которому люди въ массѣ не выучились ни сопротивляться, ни контролировать.

Итакъ, является на сцену весьма важный вопросъ, можетъ-ли человѣкъ получить этотъ контроль и будетъ-ли отсюда польза, т.-е., говоря другими словами, желательно-ли, чтобы этотъ инстинктъ никогда не удовлетворялся безъ увеличенія населенія? или желательно-ли, чтобы, удовлетворяя его, человѣкъ былъ способенъ сказать себѣ, должно-ли быть потомство непремѣннымъ результатомъ удовлетворенія этого инстинкта или нѣтъ [8])?

Чтобы отвѣчать на эти вопросы удовлетворительно, надо, разумѣется, имѣть въ виду, чтобы такой контроль могъ быть полученъ безъ вреда физическому здоровью, безъ насилія моральнымъ чувствамъ и безъ серьёзнаго также пожертвованія удовольствіемъ. Такимъ образомъ, выставленный тезисъ распадается на двѣ части: *желательность* такого контроля и затѣмъ *возможность* его. Первая часть тезиса тѣсно связана съ вопросами экономическими, моральными и иными, а потому авторъ и посвящаетъ ей наи-

---

[8]) *R. D. Owen.* Moral Phisiology, Chapter II, Statement of the Subject, pp. 14—16.

большее вниманіе въ своей книгѣ, разсматривая необходимость такого контроля, во-первыхъ, in abstracto (глава III), во-вторыхъ, связь вопроса съ политической экономіей (глава IV) и, въ-третьихъ, вопросъ разсматривается въ его соціальныхъ отношеніяхъ (глава V).

При изслѣдованіи вопроса о желательности или нежелательности контроля человѣка надъ его инстинктомъ воспроизведенія выдвигается на сцену тотъ фактъ, что уже такой контроль въ дѣйствительности существуетъ относительно различныхъ человѣческихъ инстинктовъ. Ежедневный опытъ и сравненіе человѣка въ этомъ отношеніи съ животнымъ убѣждаетъ насъ въ этомъ. Ничто притомъ такъ не возвышаетъ человѣка надъ животнымъ, какъ такой контроль. Низшія животныя слѣдуютъ инстинктамъ слѣпо, не размышляя, и неспособны къ самоусовершенствованію. Только люди имѣютъ власть культивировать себя, совершенствовать и возвышать свою натуру отъ поколѣнія къ поколѣнію. Только люди могутъ контролировать свои инстинкты, принимая во вниманіе послѣдствія имѣющаго совершиться факта и могутъ регулировать свои страсти предписаніями мудрости. Уже поэтому, конечно, какъ это ни странно можетъ казаться, замѣчаетъ Оуэнъ, приходится повторять избитый афоризмъ и напоминать людямъ, что всякое знаніе фактовъ полезно, а по меньшей степени не можетъ быть вредно. Правда, знаніе нѣко-

торыхъ фактовъ можетъ быть не важно, но никакое знаніе не приноситъ ущерба. Человѣческое существо было бы куклой, рабомъ, еслибы его невѣжество было стражемъ его добродѣтели. Трудно было бы на чемъ-нибудь остановиться, еслибы признать противный принципъ за вѣрный. Допустить хоть разъ, что знаніе вредно, значило бы его отвергнуть. Напримѣръ, должны-ли мы учить нашихъ сыновей механикѣ? Но вѣдь съ знаніемъ ея, они могутъ легко научиться ломать замки и поддѣлывать ключи. Должны-ли мы учить ихъ читать? Но они тогда получатъ широкій доступъ къ обману и разнаго рода продѣлкамъ, предусмотрѣннымъ закономъ. Должны-ли мы учить ихъ писать? Но вѣдь они легко могутъ поддѣлать вексель!?

Такимъ образомъ, времена, когда какое либо незнаніе допускалось оправдывать, прошли безвозвратно и на всякое знаніе нужно смотрѣть прежде всего какъ на пользу; и знаніе, поэтому, инстинкта воспроизведенія, со всѣми его послѣдствіями и сторонами, должно необходимо не задерживаться, а распространяться свободно въ человѣческомъ обществѣ.

Разбирая отношеніе трактуемаго вопроса къ политической экономіи, Оуэнъ повторяетъ законъ Мальтуса, подвергая его въ то же время критикѣ, мѣстами довольно остроумной, что́, впрочемъ, не мѣшаетъ ему, тѣмъ не менѣе, оставаться горячимъ приверженцемъ своего великаго учителя.

Въ двухъ словахъ, теорію Мальтуса, какъ говоритъ Оуэнъ, можно выразить въ слѣдующемъ положеніи: «Народонаселеніе, ни чѣмъ не задерживаемое, стремится опередить средства къ существованію, что въ нѣкоторыхъ странахъ уже совершается, а въ другихъ еще нѣтъ, хотя тѣмъ не менѣе тенденція и продолжаетъ существовать. Какъ на главное средство противъ возрастающаго зла, Мальтусъ указываетъ на цѣломудріе до поздняго возраста, напримѣръ, до 30 лѣтъ, и утверждаетъ, что до тѣхъ поръ, пока это нравственное обузданіе не будетъ принято и распространено, бѣдность, нищета и порокъ будутъ по прежнему служить главнѣйшимъ препятствіемъ къ размноженію, со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями.

Признавая книгу Мальтуса источникомъ великаго добра для человѣчества, Оуэнъ тѣмъ не менѣе рѣшительно высказывается противъ реакціонной тенденціи такихъ принциповъ, находя ихъ въ данномъ отношеніи весьма опасными по возможнымъ изъ нихъ выводамъ. «Я слышалъ уже, говоритъ онъ:—какъ нѣкоторые изъ его учениковъ открыто объявляли, что они смотрятъ на преступленія и нищету общества, какъ на необходимыя, какъ на своего рода велѣнія Провидѣнія, съ цѣлью предупредить избыточность населенія на землѣ. Я слышалъ дальше отъ людей съ положеніемъ, богатствомъ и вліяніемъ, что различіе богатаго и бѣднаго, нравственнаго и безнравственнаго, богатство и нужда будутъ и должны су-

ществовать до конца міра; что тотъ, кто пытается уничтожить это, тотъ борется противъ Бога и природы, и если онъ частью въ этомъ успѣваетъ, то черезъ это доставитъ только человѣческой расѣ случай увеличиться, пока земля окажется опять неспособной ихъ прокормить и люди принуждены будутъ пожирать другъ друга».

Оуэнъ съ большимъ негодованіемъ возражаетъ противъ такихъ выводовъ и толкованій Мальтусова ученія, порожденныхъ классовымъ себялюбіемъ. «Нельзя не сознаться, замѣчаетъ онъ: — что такая доктрина крайне комфортабельна для богатыхъ лѣнтяевъ; она представляетъ своего рода цѣлительный бальзамъ для больной совѣсти, своего рода усыпительное снадобье, чтобы заглушить и безъ того скромный голосъ справедливости и гуманности, который взываетъ къ каждому человѣку стоять на стражѣ и принимать свою долю участія въ дѣлѣ облегченія человѣческихъ страданій, которыя колятъ всѣмъ глаза» [9]).

Далѣе Оуэнъ яснѣе констатируетъ свое отношеніе къ ученію Мальтуса, не оставляя въ то же время его критику. Онъ считаетъ вполнѣ доказаннымъ его основное положеніе о возрастаніи населенія, *ничѣмъ не ограничиваемаго*, быстрѣе средствъ существованія, и что оно удвоивается примѣрно въ періодъ отъ

---

[9]) Moral Phisiology, стр. 19.

двадцати до двадцати пяти лѣтъ. Это положеніе, по его словамъ, неоспоримо и раньше или позже должны быть приняты какія-нибудь ограниченія для того, чтобы задержать размноженіе; иначе, такимъ ограниченіемъ и препятствіемъ послужитъ порокъ и нищета. Но тутъ начинается фактъ крупнаго несогласія Оуэна съ Мальтусомъ и особенно съ его аристократическими толкователями, образцы сужденій которыхъ мы только-что видѣли. Мальтусъ видѣлъ необходимость выдумать какое-нибудь препятствіе или ограниченіе размноженію, которое бы не было такимъ зломъ, какъ бичъ человѣчества—нищета, и рекомендовалъ для того, какъ мы знаемъ, цѣломудріе и вступленіе въ бракъ примѣрно не раньше 28—30 лѣтъ. Но въ этомъ предложеніи и состоитъ главный пунктъ Мальтуса и оружіе, которымъ воспользовались его аристократическіе приверженцы, какъ ихъ Оуэнъ называетъ. Въ самомъ дѣлѣ, Мальтусъ можетъ проповѣдовать хоть до конца свѣта такой способъ воспрепятствованія размноженію; могутъ найтись, конечно, индивиды, которые, заглядывая въ будущее, въ отдаленныя послѣдствія, и согласятся пожертвовать своимъ настоящимъ благомъ ради будущаго блага человѣчества и подѣлаются безбрачными шэкерами, но нѣтъ ни малѣйшаго основанія вѣрить, чтобы масса человѣчества согласилась отказаться въ теченіи десяти лучшихъ лѣтъ жизни отъ любви, этой наиболѣе нѣжной и каждому дорогой формы человѣ-

ческихъ отношеній, ради предполагаемыхъ и возможныхъ въ будущемъ катастрофъ. Ожиданіе это требуетъ такой вѣры, которой, конечно, никакой благоразумный изслѣдователь человѣчества не обладаетъ.

Слабость этого, рекомендуемаго Мальтусомъ, ограниченія его аристократическіе приверженцы весьма скоро смекнули, а затѣмъ, если, конечно, такое ограниченіе не можетъ привести ни къ какимъ серьёзнымъ послѣдствіямъ и поздніе браки, съ полнымъ цѣломудріемъ до нихъ, не могутъ пріостановить размноженіе, то остаются одни лишь положительныя препятствія, пороки и нищета, которые и объявляются ими вѣчными и неизлѣчимыми спутниками человѣчества. Но здѣсь именно и заключается фактъ глубокаго несогласія Оуэна и всѣхъ за тѣмъ новѣйшихъ мальтузіанцевъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ нашихъ статьяхъ, съ его первыми аристократическими приверженцами. Оуэнъ именно, какъ скоро увидимъ, отнюдь не считаетъ позднее вступленіе въ бракъ единственно возможнымъ и желательнымъ средствомъ задержки населенія и, напротивъ, даже поздніе браки считаетъ зломъ, а не благомъ, глубоко въ этомъ различаясь, слѣдовательно, отъ Мальтуса и первыхъ его послѣдователей. Какое же именно средство они рекомендуютъ въ замѣнъ позднихъ браковъ, о томъ мы будемъ говорить на своемъ мѣстѣ.

Кромѣ этого важнаго факта несогласія весьма

любопытно указать его воззрѣнія на относительное значеніе цѣлаго закона Мальтуса, причемъ, по его словамъ, онъ будто бы нисколько не отступаетъ отъ самого духа и сущности его ученія, давая ему лишь нѣсколько иную постановку, болѣе откровенную, чѣмъ сдѣлалъ-де самъ Мальтусъ. «Я убѣжденъ, говоритъ онъ: — что въ этотъ моментъ нѣтъ ничего приближающагося къ излишку населенія, абсолютно говоря, ни въ одной странѣ Европы. Несправедливые законы, дурное воспитаніе и ненормальный порядокъ всѣхъ вещей постоянно производятъ дѣйствія, которыя ошибочно приписываются переселенію; дѣйствія, которыя на дѣлѣ происходятъ не отъ численности, а отъ невѣжества людей. Монополіи благопріятствуютъ богатымъ, налоги гнетутъ бѣдныхъ, коммерческое соперничество выжимаетъ соки изъ жертвъ непомѣрно выросшей системы конкурренціи. Причинамъ такимъ, какъ эти, а отнюдь не избытку населенія въ данное время слѣдуетъ приписать нужду, чувствуемую всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Безпорно, что самая совершенная система политической и соціальной экономіи не можетъ сама по себѣ предупредить крайнія бѣдствія избыточнаго населенія, но не менѣе вѣрно, что въ то же время тяжесть содержанія большаго семейства сильно увеличиваетъ затрудненія рабочаго люда и часто лишаетъ его того досуга, который онъ могъ бы употребить на отыскиваніе средствъ улучшить свое состояніе,

вмѣсто того, чтобы всю общественную дѣятельность оставить въ рукахъ политическихъ шарлатановъ». Итакъ, по мнѣнію Оуэна (въ чемъ, какъ мы увидимъ дальше, отъ него отступаютъ нѣкоторые новые, болѣе усердные послѣдователи Мальтуса, равно какъ отступали старые), вопросъ о народонаселеніи отнюдь не есть единственный, разрѣшеніе котораго разрѣшитъ въ то же время и всѣ экономическія затрудненія будущаго человѣчества; а потому и средства, которыя онъ дальше предлагаетъ для регулированія населенія, въ его собственныхъ глазахъ являются лишь облегченіемъ существующихъ бѣдствій, а не излеченіемъ ихъ, не болѣе какъ палліативомъ. «Народонаселеніе можетъ быть, замѣчаетъ онъ,—равно лишь десятой части существующаго; но если все останется по старому, то несправедливое законодательство и порочные обычаи породятъ, какъ это дѣлается теперь, крайность и нужду. Это вѣрно, и должно помнить, заключаетъ онъ, что препятствія, которыя я предлагаю далѣе для ограниченія населенія, сдѣлаютъ трудъ болѣе рѣдкимъ и, слѣдовательно, болѣе высокой цѣны на рынкѣ, и въ этомъ его политическая важность значительна; но въ то же время нельзя сомнѣваться, что наша аномальная система торговой конкуренціи вновь можетъ привести, исключая отдѣльные случаи, рабочее населеніе къ тому же низкому предѣлу заработной платы. Я не ожидаю поэтому, скромно говорилъ авторъ, политическихъ чудесъ отъ моего маленькаго труда».

«Корень зла лежитъ глубже нежели тотъ, который трактуется, а потому и средство должно быть болѣе радикально»...

Вслѣдъ за этими доводами въ пользу важности и необходимости контроля человѣка надъ своей воспроизводительной способностью, или, говоря иначе, важности придумать новое препятствіе къ задержкѣ населенія, на мѣсто предлагаемаго Мальтусомъ, Оуэнъ переходитъ къ разсмотрѣнію того же вопроса въ его соціальныхъ отношеніяхъ. Общій его выводъ заключается въ томъ, что дѣйствіе, которое оказало бы подобный контроль, было бы спасительно и морально, что контроль предупредилъ бы многія несчастія, что онъ уменьшилъ бы невоздержанность и распущенность, смягчилъ бы нравы и улучшилъ бы моральное чувство, облегчилъ бы тягости бѣдныхъ и заботы богатыхъ, что наконецъ контроль этотъ былъ бы крайне благодѣтеленъ для юнаго, подростающаго поколѣнія, давъ родителямъ возможность вообще болѣе заботливо воспитывать и болѣе комфортабельно содержать свое потомство.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ числа многихъ, перечисляемыхъ имъ въ подтвержденіе этого общаго положенія. Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ, во-первыхъ, что семьи многихъ брачныхъ паръ очень часто возрастаютъ значительно далѣе того предѣла, который долженъ былъ бы полагаться благополучіемъ какъ дѣтей, такъ и родителей. Во сколькихъ

случаяхъ, восклицаетъ онъ, отецъ, обремененный тяжелымъ трудомъ и особенно мать бѣднаго семейства, остаются рабами всю свою жизнь и тянутъ лямку непрестаннаго труда, работая, чтобы жить, и живя только, чтобы умереть, въ то самое время, когда, еслибы число дѣтей ограничивалось двумя или тремя, они могли бы жить въ сравнительномъ комфортѣ и достаткѣ! Какъ часто здоровье матери отъ каждогодныхъ рожденій замѣтно слабѣетъ, давая существованіе все болѣе и болѣе слабымъ и болѣзненнымъ дѣтямъ и въ то же время ея собственныя силы и самая жизнь отъ тяжелаго труда, при быстро растущей семьѣ, приносятся въ жертву. Бѣдной матери въ этомъ случаѣ приходится нерѣдко браться за работу въ то самое время, какъ по законамъ естества ей требовался бы отдыхъ и спокойствіе. Возможность контроля надъ производительной способностью безъ сомнѣнія оказалась бы великимъ благомъ этимъ несчастнымъ труженикамъ.

Далѣе другой примѣръ. Каждый врачъ знаетъ, что организмъ многихъ женщинъ такого рода, что онѣ не въ состояніи родить здоровыхъ, а иногда даже живыхъ дѣтей. Спрашивается, желательно-ли и нравственно-ли, чтобы такія женщины становились беременны? Однако это—постоянно повторяющійся случай, несмотря на всѣ предостереженія врачей. Существуютъ такія лица, которыя никогда собственно не должны бы дѣлаться родителями, потому что, дѣ-

лая это, они переносятъ на свое потомство наслѣдственныя болѣзни; очень часто, напримѣръ,—худшую изъ болѣзней, сумасшествіе. Однако же они не ведутъ холостой жизни, а женятся и плодятъ дѣтей на несчастіе всего свѣта и своихъ ближнихъ.

Наконецъ, какъ могутъ быть разнообразны случаи, коихъ и предусмотрѣть нельзя, въ которыхъ можетъ оказаться безусловно желательнымъ для родителей навсегда или только на время пріостановить свою воспроизводительную способность! Кто можетъ потерять отъ этого? и сколько лицъ между тѣмъ могутъ выиграть! Прежде всего выиграютъ, конечно, дѣти, произведенныя уже на свѣтъ, которыя будутъ лучше воспитаны и вскормлены, и, слѣдовательно, выиграетъ все общество, а еще болѣе—сами родители: сколько ссоръ, спора, безпорядка, домашнихъ несогласій черезъ это были бы устранены изъ многихъ семействъ... [10]).

Но контроль этотъ, по мысли Оуэна, важенъ и въ другомъ отношеніи. Какъ извѣстно каждому, въ настоящее время довольно значительный процентъ населенія, особенно въ среднемъ классѣ, совсѣмъ не вступаетъ въ бракъ или вступаетъ въ него позднѣе, но, конечно, отнюдь не вслѣдствіе совѣтовъ и соображеній Мальтуса, а изъ опасенія имѣть семью, которую не въ состояніи будетъ содержать, или ради

[10]) Moral Physiology, Chap. V. стр. 26—28.

которой придется отказаться отъ многихъ привычекъ. «При настоящемъ порядкѣ свѣта, такъ объясняетъ этотъ вопросъ Оуэнъ:—когда общественное мнѣніе относится съ неодобреніемъ ко всякой внѣ брачной связи, почти всѣ молодые люди обоего пола, достигнувъ зрѣлаго возраста, желали бы сочетаться бракомъ; поэтому ранніе браки были бы почти всеобщими, еслибы тутъ не вмѣшивались соображенія благоразумія. Молодой человѣкъ думаетъ: «я не долженъ однако жениться, я не могу содержать семью, я долженъ сначала нажить денегъ и уже потомъ думать о брачномъ союзѣ». «И вотъ, рѣшившись вполнѣ искренно, рисуетъ картину Оуэнъ, поскорѣе наработать денегъ и затѣмъ сочетаться съ предметомъ своей любви, молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь; но страсти сильны, а искушенія велики. Любопытство, можетъ быть, приводитъ его въ компанію тѣхъ погибшихъ созданій, которыхъ общество первоначально довело до самой постыдной торговли, а затѣмъ проклинаетъ за то, что онѣ ею занимаются. Здоровье и нравственное чувство молодаго человѣка терпитъ кораблекрушеніе. Запасъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ думалъ раздѣлить съ своимъ первымъ предметомъ любви, охлаждается распутствомъ и разсѣвается излишествомъ. Онъ едва ли имѣетъ скоро какую-либо другую страсть, кромѣ алчности. Проходятъ года, года распущенности и погони за деньгами; его первое желаніе исполнено: онъ

сдѣлалъ состояніе. Но гдѣ же теперь его чувства и мечты юности? Увы, о нихъ сказалъ поэтъ»:

„Like the dew on the mountain
Like the foam on the river
Like ihe bubble on the fountain
They are gone—and for ever!“ [11]).

«И вотъ заключеніе весьма извѣстное: прежній молодой человѣкъ смѣется надъ романомъ своей юности и женится на богатомъ состояніи» [12]).

Отсюда Оуэнъ выводитъ несостоятельность рекомендуемаго Мальтусомъ препятствія къ задержанію населенія. Поздніе браки, не говоря уже о холостой жизни на весь вѣкъ, ведутъ лишь къ созданію страшнаго бича современнаго общества—разврата и проституціи съ одной стороны, съ другой — крупнаго диссонанса самой семейной жизни — къ бракамъ по разсчету, къ бракамъ неравнымъ по возрасту. Нѣтъ сомнѣнія, что во многомъ дѣло бы измѣнилось и все общество выиграло бы въ данномъ случаѣ, еслибы существовалъ извѣстный намъ контроль надъ инстинктомъ воспроизведенія. Каждый желающій жениться, имѣя возможность по произволу регулиро-

[11]) Какъ роса на горѣ,
Какъ пѣна рѣчная,
Какъ пузырь на водѣ
Навсегда, навсегда исчезая!

[12]) *Rob. D. Owen*: Moral Physiology, стр. 32.

вать число членовъ своего будущаго семейства, сообразно своимъ матеріальнымъ средствамъ, гораздо скорѣе могъ бы привести въ исполненіе свое желаніе, чѣмъ нынѣ. Ранніе браки увеличились бы въ числѣ и принесли бы съ собой неисчислимую пользу для общества, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Родители, напримѣръ, имѣли бы возможность, бо́льшую, конечно, чѣмъ при распространенныхъ теперь позднихъ бракахъ, слѣдить за развитіемъ ума и характера своихъ дѣтей, даже до ихъ возмужалости, и видѣть ихъ пристроенными, вмѣсто того, чтобы, умирая, оставлять ихъ на свѣтѣ юными и неопытными на жертву случая и руководство чужихъ людей, не говоря о худшемъ.

Итакъ, какъ мы видимъ, Оуэнъ, вопреки Мальтусу, является сторонникомъ раннихъ браковъ, признавая негоднымъ совершенно рекомендуемое имъ средство поздняго брака для задержанія населенія. Очевидно, по его мнѣнію, нужно другое средство въ видѣ изобрѣтенія способа контро́ля, о которомъ онъ столько толкуетъ. Этотъ контроль, слѣдовательно, является съ его точки зрѣнія, крайне желательнымъ, какъ по всѣмъ тѣмъ частнымъ причинамъ, которыя изложены, такъ и вообще для разрѣшенія вопроса о народонаселеніи. Если разъ будетъ найденъ наукой такой вѣрный способъ регулированія человѣкомъ его воспроизводительной способности, тѣмъ самымъ будутъ разрѣшены всѣ разнообразныя, пере-

численныя затрудненія въ соціальной жизни человѣка.

Но тутъ выдвигается на сцену одно изъ многочисленныхъ возраженій (значительную часть которыхъ, трактуемыхъ Оуэномъ, мы обходимъ молчаніемъ): можно ли считать естественнымъ и справедливымъ самое стремленіе человѣка управлять своей производительной силой? Найдутся лица, говоритъ Оуэнъ, которыя станутъ утверждать, что сама природа объявляетъ свойственнымъ и цѣлесообразнымъ, чтобы мы размножались безъ всякаго разсчета и обузданія.

«Я спрошу въ отвѣтъ на это, уже не объявляетъ ли природа справедливымъ и цѣлесообразнымъ, что когда термометръ указываетъ жаръ въ крови, то мы должны пить жадно холодную воду и падать мертвыми на улицѣ? Весь свѣтъ долженъ знать, что если природа даетъ намъ страсти и извѣстныя наклонности, то она даетъ намъ и власть мудро контролировать ихъ; и что, когда мы колеблемся проявить эту власть, то спускаемся до уровня низшихъ созданій, становимся игрою фортуны и рабами случая». Ни къ чему, можетъ быть, не относятся въ такой степени слова нѣмецкаго поэта, какъ къ данному предмету разсужденія:

Tapfer ist der Löwensieger
Tapfer ist der Weltbezwinger,
Tapferer—wer sich selbst bezwang [13]).

Итакъ первая часть тезиса, выставленнаго Оуэномъ въ началѣ его книги, *желательность* контроля надъ извѣстною способностью, имъ посильно разрѣшена: контроль такой, какъ онъ старался доказать читателю, былъ бы не только полезнымъ и, слѣдовательно, желательнымъ, но во многихъ случаяхъ жизни даже положительно необходимымъ для благополучія человѣка. Когда мы получимъ такой контроль, говоритъ онъ, мы получимъ возможность сберечь себя, и что еще выше и похвальнѣе—нашихъ женъ и дѣтей отъ нищеты и страданія; съ знаніемъ такого контроля молодежь будетъ вступать въ брачные союзы, вмѣсто того, чтобы пускаться въ распутство, или дѣлаться аскетами. «Благодаря ему, ранніе браки лишатся своихъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій, а обольщеніе и обманъ—своей побудительной причины; благодаря ему, мужчина можетъ себя сберечь отъ нравственнаго упадка, а женщина отъ сокрушающаго ее безчестія; первая, чистая любовь можетъ получить законное удовлетвореніе, вмѣсто того, чтобы быть отвергнутой и заглушенной [14]).

---

[13]) Храбръ тотъ, кто укротилъ льва,
Храбръ тотъ, кто побѣдилъ весь свѣтъ
Въ сто разъ храбрѣе тотъ, кто укротилъ себя.

[14]) Moral Phisiology, стр. 44.

Такова вся важность для человѣка, по мнѣнію Оуэна, владѣть контролемъ надъ его инстинктомъ воспроизведенія.

Теперь предстоитъ разрѣшеніе второй наиболѣе существенной части тезиса, выставленнаго Оуэномъ въ началѣ его книжки и намъ знакомой — *возможность такого контроля.* Положеніе это весьма существенно по многимъ причинамъ: во-первыхъ, въ немъ именно и заключается главное отличіе новыхъ мальтузіанцевъ, нынѣ многочисленныхъ въ Европѣ и отцомъ которыхъ можетъ считаться разсматриваемый авторъ, отъ самаго Мальтуса. Первую часть тезиса, желательность контроля in abstracto — Мальтусъ вполнѣ допускалъ, какъ Оуэнъ и ново-мальтузіанцы; но за то онъ рѣшительно отступаетъ отъ своихъ послѣдователей *въ самыхъ способахъ этого контроля.* Кромѣ того вопросъ этотъ важенъ и въ другомъ отношеніи: онъ касается крайне щекотливыхъ отношеній двухъ половъ; противорѣча въ извѣстномъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ существующему нравственному кодексу, какъ показываетъ опытъ нѣсколькихъ судебныхъ процессовъ современной мальтузіанской партіи, описаніе способовъ этого контроля именно и привлекло преслѣдованіе на ихъ изданія.

И между тѣмъ эта, столь важная, вторая часть тезиса, на которой главнымъ образомъ и покоится весь центръ тяжести какъ книги Оуэна, такъ и всей агитаціи нынѣ возрожденнаго мальтузіанства, изло-

жена у него весьма кратко, слаба и не обработана, представляя лишь результатъ нѣкоторыхъ эмпирическихъ наблюденій. Способъ этого контроля — столь важный, опять напоминаемъ читателю, заключительный пунктъ мальтузіанской школы, повторяемый всѣми ея писателями лишь съ небольшими варіантами — заключается въ разныхъ правилахъ «супружескаго благоразумія» и нѣкоторыхъ пріемахъ, большею частію механическаго свойства, предупреждающихъ фактъ зачатія. Почти всѣ эти способы, которые, мы, конечно, излагать не будемъ, давно извѣстны и практикуются медициной для тѣхъ или иныхъ цѣлей здоровья человѣка; здѣсь же они рекомендуются исключительно для воспрепятствованія къ проявленію его воспроизводительной способности.

Книга Оуэна имѣла большой успѣхъ, опередившій всѣ его ожиданія: въ теченіи *семи мѣсяцевъ* «Нравственная Физіологія» выдержала *пять* изданій въ Америкѣ, а въ 1832 г., т.-е. менѣе нежели черезъ два года, появилась *восьмымъ* изданіемъ въ Лондонѣ (Англіи). Точно также, вопреки предположеніямъ автора, его книга не вызвала отнюдь слишкомъ рѣзкаго нападенія критики, или осужденія со стороны строгихъ моралистовъ; напротивъ, нѣтъ сомнѣнія, благодаря ея скромному тону и обаянію имени Мальтуса, пріемъ книги былъ не только снисходительный, но и сопровождался большими похвалами многихъ представителей прессы. Со всѣхъ сторонъ Робертъ

Дэль Оуэнъ получилъ кучу писемъ: нѣкоторыя—съ выраженіемъ сочувствія, другія — благодарности за указанный имъ путь къ разрѣшенію труднаго житейскаго вопроса и, наконецъ, третьи—съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями или дополненіями и указаніями на опытъ, или новыя предупредительныя средства.

Уже болѣе сорока лѣтъ книга Оуэна обращалась въ американской и англійской публикѣ и выдержала множество изданій, какъ вдругъ въ 1878 г. «Общество для уничтоженія порока» (Society for the Suppression of Vice) въ Лондонѣ привлекло ея англійскаго издателя, книгопродавца Эдварда Трюлова къ судебной отвѣтственности за ея, будто бы, безнравственность. Трудно понять, принимая во вниманіе общій скромный характеръ книги, а также ея долгое обращеніе въ публикѣ, причину ея привлеченія къ суду: существуетъ и обращается въ Англіи, безъ сомнѣнія, много иныхъ книгъ, которыя съ точки зрѣнія морали гораздо болѣе заслуживаютъ уголовнаго преслѣдованія, нежели произведеніе Оуэна; даже между сочиненіями ново-мальтузіанцевъ, какъ мы увидимъ дальше, встрѣчаются книги гораздо болѣе крайнихъ воззрѣній и болѣе противорѣчащія существующему кодексу нравственности. Очевидно, что здѣсь книга Оуэна сама по себѣ была не при чемъ, и лишь выбрана для судебнаго преслѣдованія случай-

но — какъ представительница воззрѣній извѣстной партіи, слишкомъ усилившейся въ народѣ... [15]).

Процессъ Трюлова за книгу Оуэна продолжался нѣсколько сутокъ и привлекъ большое вниманіе общественнаго мнѣнія. Адвокатъ обвиняемаго, извѣстный ораторъ профессоръ Хёнтеръ (Hunter), говорилъ съ перерывомъ болѣе двухъ дней; предсѣдательствовалъ знаменитый юристъ Лордъ — главный судья Кокбёрнъ. Хёнтеръ въ своей длинной рѣчи болѣе защищалъ «Нравственную Физіологію» отъ обвиненія ея въ какихъ-либо безнравственныхъ цѣляхъ, нежели собственно самого издателя [16]). Онъ подробно изложилъ ученіе Мальтуса и указалъ на его огромную важность спеціально для Англіи и подтвержденіе его новѣйшей теоріей Дарвина, выставлялъ на видъ невозможность обойтись въ вопросѣ народонаселенія безъ предупредительныхъ препятствій, распространенность мнѣній подобныхъ Оуэну и ихъ невинность, сравнительно съ криминальными случаями воспрепятствованія дѣторожденію, воспре-

[15]) Въ процессѣ, впрочемъ, встрѣчается неблаговидный намекъ еще, что цѣлью привлеченія Трюлова къ суду могло быть также желаніе представителей „Общества для подавленія порока" обратить на себя вниманіе публики, ради пополненія опустѣвшаго фонда общества.

[16]) См. обо всемъ этомъ отчетъ процесса: In the High Court of Justice etc... The Qneen v. Edward Truelove for publishing The Hon. R. D. Owen's „Moral Phisiology" etc. London. 1878.

щенными всѣми законодательствами, ссылался наконецъ на высокое общественное положеніе Роберта Дэль Оуэна (сенатора и посланника Соединенныхъ Штатовъ), а также его безупречную жизнь, равно и его знаменитаго отца, какъ косвенное доказательство его неспособности къ созданію литературнаго произведенія, которое могло бы счесться безнравственнымъ [17]). Предсѣдатель Кокбёрнъ въ своей заключительной рѣчи, несмотря на весь объективизмъ изложенія, тѣмъ не менѣе высказывался въ значительной степени въ пользу обвиняемаго: «Нѣтъ сомнѣнія, говорилъ онъ, между прочимъ, о «Нравственной Физіологіи»:—не слѣдуетъ терять изъ виду, что эта книга не принадлежитъ къ числу сочиненій, предназначенныхъ распалять воображеніе и страсти. Тутъ нѣтъ никакого непристойнаго или неприличнаго описанія, разсчитаннаго на возбужденіе извѣстныхъ инстинктовъ... Это просто сухой физіологическій трактатъ».

---

[17]) Знаменателенъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, имъ переданный изъ жизни Роберта Дэль Оуэна: въ 1851 г., дамы въ штатѣ Индіана, желая выразить ему свою глубокую благодарность за ту пользу, которую Оуэнъ принесъ ихъ полу своей дѣятельностью (т.-е. изданіемъ „Нравственной Физіологіи“), поднесли ему роскошный подарокъ на многолюдномъ собраніи, которое происходило въ его честь въ зданіи судебныхъ учрежденій штата (!!) подъ предсѣдательствомъ одного изъ судей высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, полнаго оправданія не послѣдовало: мнѣнія присяжныхъ, отъ которыхъ по англійскому закону требуется единогласіе, раздѣлились, и такъ какъ по соображеніямъ предсѣдателя нельзя было надѣяться на общее соглашеніе, то засѣданіе было закрыто и самое дѣло прекращено.

Познакомившись довольно подробно съ содержаніемъ книги Оуэна, одного изъ первыхъ и важнѣйшихъ произведеній новой мальтузіанской партіи, мы тѣмъ легче и скорѣе можемъ сдѣлать обзоръ остальной ея литературы, вполнѣ однородной, прежде нежели перейдемъ къ оцѣнкѣ результатовъ ея дѣятельности и критики самого ученія. Скажемъ еще нѣсколько словъ о другомъ, современномъ Оуэну, произведеніи: «Плоды Философіи» доктора Нольтона и затѣмъ исключительно сосредоточимся на литературѣ ново-мальтузіанцевъ настоящаго времени [18]).

«Плоды Философіи» доктора Чарльса Нольтона появились на свѣтъ въ первый разъ также въ Америкѣ, годъ спустя послѣ извѣстной намъ книги Роберта Дэль Оуэна, т.-е. въ 1831 году; съ тѣхъ поръ эта небольшая книжка нѣсколько разъ перепечатывалась разными лицами въ Англіи и свободно обращалась въ публикѣ, пока предпослѣдній ея издатель Чарльсъ Ваттсъ (Watts) въ Бристолѣ не былъ въ

---

18) Fruits of Philosophy. An Essay on the Population. By *Charles Knowlton*, M. D. London.

1876 году привлеченъ къ отвѣтственности полиціей, и сама книга запрещена. Въ томъ же году два члена мальтузіанской партіи, нынѣ столь извѣстный и недопускаемый въ Парламентъ членъ его Чарльсъ Брадло и Анна Безантъ рѣшили вновь перепечатать книгу Нольтона по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, они имѣли въ виду, въ случаѣ дальнѣйшаго ея преслѣдованія, довести дѣло до суда присяжныхъ и выяснить, въ интересахъ гласности, вопросъ о свободѣ всесторонняго обсужденія ученія Мальтуса, и, во-вторыхъ, въ видахъ пропаганды самаго ученія. Съ первою цѣлью оба издателя сочли нужнымъ даже извѣстить судъ и полицейскія власти о своей перепечаткѣ для продажи въ публикѣ запрещенной книги. Вслѣдъ за этимъ извѣщеніемъ издатели «Плодовъ Философіи» немедленно были привлечены къ отвѣтственности; обвинителемъ, возбудившимъ преслѣдованіе, явился агентъ «Общества для уничтоженія порока», а на судѣ обвиненіе поддерживали со стороны правительства, три извѣстныхъ юриста: сэръ Гардинджъ Джиффардъ, Дугласъ Стрэйтъ (Straight) и Г. Мидъ (Mead); защищались подсудимые сами.

Обѣ цѣли были, дѣйствительно, достигнуты блестящимъ образомъ, хотя податели едва не поплатились за свою рѣшительность весьма жестоко. Дѣло тянулось довольно долго, отчеты о немъ печатались въ разныхъ газетахъ и вообще оно произвело много шуму, задѣвая чувствительную струну всѣхъ англи-

чанъ —уваженіе къ широкой свободѣ прессы, а потому возбуждая даже сочувствіе въ кружкахъ, очень далекихъ отъ направленія и воззрѣній обоихъ подсудимыхъ. Книга, какъ было уже раньше сказано, вновь была запрещена въ продажѣ, и дѣйствительно, ее нельзя было скоро найти въ магазинахъ, но за то тайная продажа на улицахъ разнощиками достигла огромныхъ размѣровъ, а при отсутствіи въ Англіи всякаго контроля за типографіями, она перепечатывалась множество разъ и многими тысячами за разъ, уже первый мѣсяцъ по выходѣ... [19]).

Между тѣмъ при всемъ этомъ огромномъ успѣхѣ книжки Нольтона, она не представляетъ ни по своему содержанію, ни по своей формѣ, чего-либо новаго, или выдающагося, напримѣръ, передъ извѣстной книгой Роберта Дэль Оуэна. Сами издатели ея Брадло и Безантъ въ предисловіи къ отчету о своемъ процессѣ выражаются весьма условно объ ея достоинствѣ: она не имѣетъ, по ихъ словамъ, существенной важности сама по себѣ и ея важность

---

[19]) Экземпляръ „Fruits of Philosophy", купленный авторомъ настоящей статьи въ Лондонѣ лѣтомъ 1880 года, уже носилъ на себѣ обозначеніе *сто восемьдесятъ пятой тысячи* (185,000), выпущенной въ свѣтъ!! Появилось даже множество фальсификацій этой книги, т. е. съ другимъ содержаніемъ, но подъ тѣмъ же названіемъ, а также нѣсколько пародій, что лучше всего указываетъ на огромную распространенность и спросъ на книгу.

заключается прежде всего въ томъ, что она осуждена судомъ. «Гораздо лучшія книги могутъ быть по этому вопросу теперь написаны, уже потому, что со времени выхода въ свѣтъ книги доктора Нольтона прошло болѣе 40 лѣтъ... но тѣмъ не менѣе доктора не хотятъ писать такихъ книгъ, а книгопродавцы—продавать, изъ опасенія попасть въ тюрьму. Книга эта и издана нами главнымъ образомъ ради полученія права свободнаго обсужденія даннаго вопроса... не столько ради защиты самаго сочиненія, сколько ради того, чтобы проложить путь изслѣдованія по данному предмету для всякаго желающаго, мы рискнули навлечь на себя судебную отвѣтственность со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями» [20])...

Книга Нольтона во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ является повтореніемъ книги Оуэна, лишь въ болѣе сжатой и сухой формѣ трактата по физіологіи и безъ той мѣстами страстности и наивной вѣры въ спасительность средствъ, предлагаемыхъ для задержки размноженія, которою отличается авторъ «Нравственной Физіологіи». Во многихъ мѣстахъ Нольтонъ цѣликомъ заимствуетъ у Оуэна по нѣскольку страницъ, отличаясь отъ него лишь тѣмъ, что часть вопроса, собственно относящаяся къ фи-

---

[20]) *In the High Court of Justice.* Queen's Bench Division. June 18-th, 1877, The Queen v. *Charles Bradlaugh* and *Annie Besant* (Specially reported). Съ портретами обоихъ подсудимыхъ.

зіологіи, обширнѣе у перваго, а относящаяся къ общественнымъ наукамъ,—у втораго писателя. Вообще передавать содержаніе «Плодовъ Философіи» уже безполезно потому, что это значило бы повторять въ сильной степени «Нравственную Физіологію» Оуэна.

Profession de foi по данному вопросу автора, равно какъ и издателей и вообще цѣлой партіи лучше всего выражена въ заключительныхъ словахъ предисловія къ новому изданію. «Мы вѣримъ вмѣстѣ съ Мальтусомъ, что народонаселеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе, нежели средства къ существованію, и что *нѣкоторыя* препятствія должны поэтому задерживать ростъ населенія, препятствія нынѣ существующія—голоданіе и болѣзни. Огромная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ бѣдныхъ классовъ между прочимъ составляетъ одно изъ важныхъ препятствій, которое задерживаетъ теперь народонаселеніе. Но тѣ препятствія или задержки, которыя мы проповѣдуемъ, имѣютъ научный характеръ. Мы думаемъ, что гораздо нравственнѣе предупреждать зачатіе дѣтей, нежели послѣ того, когда они уже родятся, умерщвлять ихъ недостаткомъ пищи, воздуха и одежды. Мы защищаемъ научныя препятствія къ размноженію по той причинѣ, что пока бѣдные люди имѣютъ большія семейства, до тѣхъ поръ бѣдность является необходимымъ послѣдствіемъ, а отъ бѣдности рождается преступленіе и болѣзнь. Заработокъ, который могъ бы поддержать родителей и двухъ или

трехъ дѣтей прилично и удовлетворительно, совершенно недостаточенъ, чтобы содержать семью изъ двѣнадцати или четырнадцати лицъ, и мы считаемъ за преступленіе производить на свѣтъ человѣческія существа, осужденныя лишь на несчастія и раннюю смерть» [21]).

Рѣчи подсудимыхъ въ процессѣ Брадло и Безантъ отличались своей продолжительностью; рѣчь перваго занимаетъ въ отчетѣ болѣе 60 страницъ мелкой печати in 8°; г-жи Безантъ—даже болѣе 120 страницъ [22]); содержаніе обѣихъ рѣчей заключалось въ аргументаціи существенныхъ положеній ново-мальтузіанства, защитѣ предлагаемыхъ ими средствъ задержанія или препятствій къ размноженію и доказательствѣ важности, полезности и нравственности рекомендуемыхъ для того мѣръ. Въ обѣихъ рѣчахъ приводится масса разнообразнѣйшихъ данныхъ, указывающихъ на избытокъ населенія въ англійскихъ городахъ, скученность и вредные для здоровья народа результаты; отсюда приводятся картины вопіющей нищеты рабочаго населенія, безнравственности, господствующей въ этомъ классѣ, какъ послѣдствія скученности и бѣдности, сильной смертности

---

[21]) Fruits of Philosophy. An Essay on the Population Question. By *Charles Knowlton*. Preface, p. V. VI.

[22]) *In the High Court of Justice*, Queen's Bench Division June 18-th, 1877. The Queen v. Charles Bradlaugh and Annie Besant (Specially reported).

въ дѣтскомъ возрастѣ и преступленій, направленныхъ съ цѣлью уменьшить излишнее дѣторожденіе. Брадло, между прочимъ, приводитъ страшный фактъ изъ Journal of Health доктора Ланкастера, что будто бы въ одномъ лишь только Лондонѣ ежегодно происходитъ не менѣе *шестнадцати тысячъ случаевъ* дѣтоубійства и вытравленія плода.

Въ виду всѣхъ этихъ бѣдствій, порождаемыхъ излишнимъ дѣторожденіемъ, подсудимые старались доказать законность и желательность распространенія въ бѣдномъ классѣ главнѣйшей идеи, на которой держится ихъ партія и которую преслѣдуетъ книга доктора Нольтона,—ранніе браки между молодежью и затѣмъ принятіе мѣръ, предупреждающихъ зачатіе, какъ единственнаго средства задержать быстрый ростъ населенія со всѣми его бѣдствіями. Эти мѣры, какъ утверждали подсудимые, значительно распространены на континентѣ Европы, особенно во Франціи, гдѣ родители никогда почти по собственному ихъ желанію не имѣютъ болѣе двухъ, много трехъ дѣтей, не прибѣгая притомъ ни къ какимъ противозаконнымъ средствамъ, вообще тамъ менѣе распространеннымъ, нежели въ Англіи. Кромѣ богатыхъ классовъ, масса народа въ Англіи знаетъ де одно лишь предупредительное средство, притомъ самое вредное и недѣйствительное: существуетъ именно предразсудокъ въ бѣдномъ населеніи, что въ періодъ кормленія грудью женщина, будто бы, не мо-

жетъ забеременить, почему не отнимаютъ ребенка нерѣдко по два года. Но, какъ доказываютъ многіе медицинскіе авторитеты по этому поводу, препятствіе это вполнѣ недѣйствительное и ведетъ лишь къ истощенію организма матери и болѣзненности дѣтей, какъ уже рожденнаго такъ и вновь зачатаго. Въ подтвержденіе означеннаго факта говорили вызванные защитою эксперты—женщина докторъ Алиса Викери (парижскаго университета и женскій врачъ многихъ лондонскихъ госпиталей) и докторъ Дриздэль (Drysdale); между прочимъ, они же подтверждали также и сильную распространенность во Франціи способовъ «супружескаго благоразумія», ограничивающихъ возможность имѣть большія семьи. Наконецъ Брадло и Безантъ въ своихъ рѣчахъ проводили множество указаній изъ медицинской литературы Англіи, что предупредительныя средства, этотъ главный пунктъ, за который книга Нольтона запрещена, а они привлечены къ отвѣту, по тому или другому поводу указываются во множествѣ капитальныхъ сочиненій по акушерству, женскимъ болѣзнямъ и т. д. и даже въ популярныхъ книгахъ по гигіенѣ, издаваемыхъ преимущественно для богатыхъ классовъ, которые уже давно и пользуются знаніемъ, оттуда извлекаемымъ... Вся разница-де, слѣдовательно, отъ нихъ памфлета Нольтона состоитъ лишь въ томъ, что онъ стоитъ всего six pence (около 25 коп.) и доступенъ для пріобрѣтенія каждому бѣдняку.

Резюме предсѣдателя Лорда—главнаго судьи было, какъ и въ первомъ случаѣ, довольно благопріятно для подсудимыхъ. Онъ явно высказалъ свое согласіе съ сущностью мальтузіанскихъ воззрѣній и даже привелъ одинъ новый аргументъ въ пользу «супружескаго благоразумія» и предупредительныхъ мѣръ. Человѣкъ отвѣчаетъ за всякое нарушеніе правъ или посягательство на жизнь лица существующаго, или имѣющаго существовать, поэтому всѣ законодательства одинаково строго караютъ за вытравленіе плода; но ни одинъ законъ, конечно, не можетъ покарать родителей за то только, что они не хотятъ имѣть дѣтей; точно также какъ холостыхъ людей за то, что они не хотятъ жениться и слѣдовательно плодиться. «Но если разъ согласиться съ этимъ положеніемъ, то слѣдуетъ считать равно ненаказуемымъ и нравственнымъ принятіе супругами мѣръ благоразумія, не нарушающихъ ничьихъ интересовъ, напримѣръ, полное воздержаніе ихъ, или воздержаніе въ тотъ періодъ, когда существуютъ наибольшіе шансы для зачатія, а равно и другія мѣры, регулирующія дѣторожденіе *до момента зачатія*».

Тѣмъ не менѣе присяжные признали «Плоды Философіи» книгой безнравственной, хотя и отвергли всякій дурной умыселъ со стороны издателей. Судъ, принимая во вниманіе, что издатели трактуемой книги, несмотря на ея запрещеніе, еще раньше повторенное при ихъ привлеченіи къ отвѣтственности, про-

должали ее распространять и, какъ высказался самъ подсудимый Брадло въ своей рѣчи, въ теченіи лишь времени процесса, продали ее до 125,000 экземпляровъ — постановилъ весьма строгое рѣшеніе, намъ извѣстное. Какъ мы знаемъ дальше, счастливая звѣзда благопріятствовала издателямъ и случайность избавила ихъ отъ суроваго наказанія: ошибка въ приговорѣ и недосмотръ англійскаго законодательства привелъ къ тому, что высшій судъ уничтожилъ все дѣло, оставивши въ силѣ лишь запрещеніе продажи самой книги, уже доставившей хорошій доходъ издателямъ.

Глава вторая.

Въ 1854 году появился на свѣтъ трудъ неизвѣстнаго автора, подъ названіемъ: «Физическая, половая и естественная религія. Объясненіе настоящей причины и средства противъ главныхъ общественныхъ золъ: нищеты, проституціи и безбрачія. *Доктора медицины*».

Послѣ нѣсколькихъ изданій, для которыхъ книга увеличилась въ объемѣ и прибавилась даже лишняя часть, названіе книги было нѣсколько измѣнено и въ заголовкѣ ея поставлено: «Начала соціальной науки»; и съ этимъ названіемъ она успѣла пережить уже шестнадцатое изданіе въ подлинникѣ и переводъ почти на всѣ европейскіе языки [23]).

---

[23]) Elements of Social Science or Physical, Sexual and Natural Religion by a *Doctor of Medicine*. London.

Трудно себѣ представить другое сочиненіе столь же откровенное по отсутствію у автора малѣйшаго стѣсненія въ выраженіи своихъ убѣжденій, столь сильное по языку и въ то же время такое страстное, показывающее у автора величайшую вѣру въ предметъ своего изслѣдованія, доходящую до непонятнаго въ наше время фанатизма. Авторъ до того глубоко вѣритъ въ тѣ пути, посредствомъ которыхъ, по его мнѣнію, человѣчество можетъ избавиться отъ многихъ золъ его нынѣ снѣдающихъ, что невольно увлекаетъ читателя и, несмотря на всѣ свои странности и крайности, доходящія мѣстами до абсурда, а иногда и просто поверхностность, вызываетъ невольное удивленіе и обусловливаетъ серьёзное къ себѣ отношеніе. Эпиграфъ книги, взятый у Милля («Нельзя ни излечивать, ни предупреждать болѣзни общественныя и физическія, если не говорить о нихъ открыто»), а также ея посвященіе («Бѣднымъ и страждущимъ») достаточно опредѣляютъ направленіе и главную мысль автора. Безспорно въ то же время «Начала соціальной науки» представляютъ самый важный трудъ новаго мальтузіанскаго направленія и надолго въ этомъ смыслѣ сохранятъ свое значеніе.

Въ этой книгѣ можно найдти изложеніе всѣхъ аргументовъ pro и contra, какіе только можно привести относительно рѣшенія вопроса о народонаселеніи въ томъ видѣ, въ какомъ это дѣлаетъ извѣстная

намъ партія читателей и поклонниковъ сочиненій Нольтона и Оуэна. Собственно по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ вопроса, анонимный авторъ высказываетъ тоже самое, что и его два предшественника, но съ гораздо бо̀льшей полнотой (обусловленной уже и величиной книги [21]) и въ то же время съ обширнымъ арсеналомъ доказательствъ въ пользу ихъ любимой и странной идеи—осчастливить такъ просто человѣчество съ помощью «предупредительныхъ мѣръ противъ размноженія». Конечно, мы должны ограничиться изъ этой обширной книги ознакомленіемъ лишь съ той частью ея содержанія, которая прямо относится къ вопросу народонаселенія, оставляя безъ вниманія многія даже весьма любопытныя страницы, но трактующія предметы побочные.

Отношеніе автора къ своей книгѣ уже видно, какъ сказали, изъ ея посвященія. Книга «посвящается бѣднымъ и страждущимъ». Очевидно, авторъ желалъ изобразить все то разнообразное зло, которое терпитъ человѣчество, изслѣдовать причины, его обусловливающія и, главное, указать тѣ способы, посредствомъ которыхъ возможно устраненіе если не всѣхъ, то большей части золъ, угнетающихъ современное человѣчество. Соотвѣтственно съ задачей, книга весьма разнообразна по содержанію и раздѣляется на

---

[21]) «Начала соціальной науки» заключаютъ въ себѣ 552 страницы мелкой печати in octavo.

четыре части (часть I—физическая религія, II—половая религія, III—естественная религія и IV—соціальная наука). Каждая часть содержитъ по нѣскольку главъ или самостоятельныхъ статей, трактующихъ разнообразные вопросы, входящіе въ кругъ изслѣдованія или даже связанные нерѣдко съ ними весьма слабою логическою нитью (какъ, напр., въ первой части статьи о призваніи мужчины-медика, о значеніи труда женщины-медика, о душевныхъ болѣзняхъ и т. д.). Для нашей цѣли наиболѣе существенную важность имѣетъ послѣдняя глава второй части («нищета, единственная ея причина и единственное средство противъ нея [рѣшеніе соціальнаго вопроса]»), въ которой сосредоточивается, такъ сказать, вся квинтэссенція изслѣдованія автора по вопросу о перенаселеніи и о способахъ устраненія его вредныхъ послѣдствій. Съ содержаніемъ другихъ частей книги мы познакомимъ читателя лишь мимоходомъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Вся первая часть «Началъ соціальной науки», имѣющая пышное названіе «Физической религіи», содержитъ въ себѣ изслѣдованіе авторомъ отношенія современнаго человѣчества къ физической и духовной сторонѣ его бытія. По мнѣнію его, вся физическая сторона культививируется и интересуетъ человѣчество, совершенно незаслуженно, гораздо меньше духовной. Это, напримѣръ, замѣтно на отношеніи людей къ вопросу о своемъ здоровьи: въ то время,

когда нарушеніе закона нравственнагѻ считается у всѣхъ народовъ преступленіемъ, влекущимъ за собой суровое наказаніе, нарушеніе законовъ физическихъ, напримѣръ, своего собственнаго тѣла, ведущее за собой его болѣзнь, считается лишь бѣдой и несчастіемъ. Люди также мало уважаютъ и понимаютъ законы, опредѣляющіе здоровье. На развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ обращено общее вниманіе, а на развитіе физическихъ силъ здороваго человѣческаго организма, на превосходство, напримѣръ, въ тѣлесныхъ упражненіяхъ смотрятъ равнодушно, даже съ презрѣніемъ. Правило древнихъ mens sana in corpore sano вовсе не находитъ себѣ примѣненія въ современной жизни.

Вообще весь матеріальный міръ осужденъ на пренебреженіе одинаково съ тѣломъ, которое въ человѣкѣ служитъ представителемъ этого міра. Физическія науки, съ ихъ неисчерпаемымъ сокровищемъ чудесъ и новыхъ знаній, изучаются весьма немногими: для большинства онѣ составляютъ terra incognita; кромѣ того, всѣ такъ называемыя ремесленныя занятія считаются гораздо ниже умственныхъ, которыя, подъ именемъ ученыхъ профессій, требуютъ себѣ главнѣйшаго мѣста въ уваженіи человѣка. «Изящныя искусства, скульптура и живопись, механическія искусства, которыя всѣ связаны съ предметами матеріальнаго міра, несмотря на то, что ихъ значеніе и серьёзное вліяніе съ каждымъ днемъ ста-

новится болѣе ощутительно — все же не занимаютъ еще того мѣста, которое должно бы принадлежать имъ».

«Короче сказать, куда мы ни взглянемъ, вездѣ увидимъ, что тѣло и вообще матерія занимаетъ весьма второстепенное мѣсто въ уваженіи человѣка. За исключеніемъ немногихъ, преданныхъ только занятіямъ въ области матеріальнаго міра, почти все человѣчество ростетъ, живетъ и умираетъ съ мыслями и стремленіями, обращенными совершенно въ другую сторону» [25]).

Спиритуализмъ, обнимающій такимъ образомъ всю жизнь человѣка и проникающій весь общественный строй, уменьшая уваженіе къ физическому міру, ведетъ за собою самыя разнообразныя, вредныя послѣдствія. Благодаря ему, люди мало знаютъ законы своего физическаго бытія, пренебрегаютъ ими и медленно прогрессируютъ и мало улучшаютъ свое благостояніе въ широкомъ смыслѣ. Примѣры такихъ послѣдствій разсѣяны, по мнѣнію автора, повсюду. Онъ указываетъ, между прочимъ, на ужасныя санитарныя условія городской жизни, на слабое, поэтому, развитіе медицинской науки и, наконецъ—что̀ особенно важно для его цѣли — на крайній непростительный пуританизмъ и пренебреженіе къ вопросу

---

25) «Начала соціальной науки». Часть I. Физическая религія; стр. 4.

о размноженiи и различнымъ сторонамъ половой и общественной жизни съ нимъ связаннымъ.

Какъ легко понять, относясь такъ критически къ спиритуалистической складкѣ всей современной жизни, авторъ для блага человѣчества требуетъ поднятія значенія и развитія, какъ онъ выражается, физической религіи, т.-е. одинаковой заботы и уваженія у современнаго человѣчества къ своему собственному тѣлу и вообще физическому міру наравнѣ съ умственнымъ и нравственнымъ. Лишь заботясь въ равной степени о тѣлѣ, какъ и о духѣ, человѣкъ можетъ достичь той мѣры благополучія, которая возможна на землѣ.

Опредѣляя затѣмъ болѣе спеціально и въ подробностяхъ всѣ разнообразныя бѣдствія и страданія человѣка при нынѣшнемъ ненормальномъ устройствѣ его быта, авторъ перечисляетъ сначала всѣ тѣ страданія и болѣзни, которыя терпитъ человѣчество вслѣдствіе недостаточнаго будто бы знакомства съ законами размноженія и неправильнаго устройства въ отношеніяхъ между собой обоихъ половъ, послѣ чего онъ уже переходитъ, изложивши между прочимъ (преимущественно по Паранъ дю Шателе), важный вопросъ о проституціи—къ закону Мальтуса и изслѣдованію главнѣйшаго бѣдствія, удручающаго человѣчество — нищеты, и на этой-то главѣ мы дольше остановимся.

Авторъ справедливо нищету считаетъ самымъ

важнымъ бѣдствіемъ для человѣчества, больше нежели, напримѣръ, войны или повальныя болѣзни. «Войны приходятъ и проходятъ, говоритъ онъ:—и наибольшее зло отъ нихъ состоитъ, можетъ быть, въ томъ, что они усиливаютъ нищету, возвышая цѣну на необходимые припасы. Зараза свирѣпствуетъ нѣкоторое время и потомъ пропадаетъ; но нищета, свирѣпая мучительница, остается въ средѣ насъ постоянно и при всякихъ обстоятельствахъ. На одну жертву, унесенную войной или чумой, и на одно сердце, измученное этими бѣдствіями, нищета убиваетъ милліоны и убиваетъ не сразу, но осуждаетъ сначала влачить жизнь рабства и униженія» [26]). Для иллюстраціи, авторъ дѣлаетъ обзоръ экономическаго положенія своего англійскаго народа, какъ городскаго, такъ и сельскаго населенія, и повсюду для его массы видитъ лишь нищету и страданія отъ нея проистекающія и приходитъ къ крайне безотрадному заключенію, что всѣ хвалебные гимны прогрессу человѣчества для бѣдняковъ, т.-е. для большинства человѣчества, только обманъ и ложь.

«Посмотрите, говоритъ онъ: — на жизнь нашихъ рабочихъ классовъ! Она хуже существованія большей части рабочаго скота. Они неустанно работаютъ по десяти, по двѣнадцати часовъ въ день; работа

---

[26]) „Начала соц. науки“, часть II, стр. 293.

ихъ тяжела, однообразна, а иногда и смертельно вредна для ихъ здоровья. Для нихъ нѣтъ никакой надежды на улучшеніе своего положенія, никакого личнаго интереса въ успѣхѣ дѣла, на которое тратится ихъ сила. Когда наступитъ ночь, надорванный организмъ ихъ слишкомъ утомленъ, чтобы могъ насладиться немногими часами свободнаго времени, а утромъ начинается опять такая же унылая, непрестанная работа. И такимъ-то образомъ бѣднякъ трудится, пока у него хватаетъ силъ. Наконецъ, какой-нибудь органъ не выдерживаетъ: желудокъ, глаза или мозгъ заболѣваютъ, и несчастный страдалецъ остается безъ работы, попадаетъ случайно въ госпиталь, а его женѣ и семейству грозитъ голодная смерть. Часто человѣкъ впадаетъ въ отчаяніе отъ своего безнадежнаго положенія, предается пьянству и гибнетъ. Иногда рабочіе классы, возбужденные до бѣшенства адскимъ положеніемъ, въ которомъ они находятся, рѣшаютъ, что они должны или добиться высшей заработной платы, или погибнуть; такимъ образомъ, является гибельная борьба между рабочими и капиталистами, разражаются страшныя соціальныя революціи, которыя въ послѣднее время такъ часто потрясали общество»...

Такое печальное положеніе массы народа, по мнѣнію автора, не можетъ не отражаться неблагопріятно, въ свою очередь, и на благополучіи даже достаточныхъ классовъ его. Вотъ что онъ говоритъ по этому

поводу: «Страшныя страданія, которыя приходится выносить бѣднѣйшимъ классамъ отъ недостатка въ пищѣ и отдыхѣ, все больше и больше возбуждаютъ къ себѣ общее вниманіе. Мы не можемъ пройтись по нашимъ улицамъ, даже избѣгая грязнѣйшихъ частей города и заставляя полицію удерживать бѣдняковъ въ ихъ притонахъ, безъ того, чтобы не сдѣлаться свидѣтелями сценъ такой нищеты, которая возмутитъ сердце каждаго, въ комъ оно только бьется. Нищета бѣдныхъ классовъ бросаетъ свою мрачную тѣнь на все общество и, какъ могильный призракъ, давитъ намъ грудь и возстаетъ среди пирующихъ. Кто можетъ ѣсть, пить, веселиться и наслаждаться жизнію при видѣ свирѣпыхъ, мрачныхъ, отчаянныхъ лицъ и завистливыхъ взглядовъ тѣхъ нашихъ несчастныхъ ближнихъ, которымъ судьба отказала во всѣхъ этихъ благахъ? Мы не можемъ веселиться, еслибы и хотѣли. Забота и горе бѣдныхъ въ соединеніи съ нашими собственными несчастіями, до такой степени омрачили наше общество, что, оглядываясь вокругъ себя, между всѣми нашими друзьями и знакомыми мы едва-ли найдемъ хоть одного человѣка, о которомъ можно было бы сказать, что онъ счастливъ въ жизни. Что касается меня, то я не знаю ни одного счастливца; и другіе говорятъ то же самое. Всѣхъ насъ съѣдаетъ безпокойство; всѣ мы задыхаемся въ атмосферѣ нищеты, которая окружаетъ все наше общество. Это до такой степени вѣрно,

что изреченіе «человѣкъ рожденъ для страданія» постоянно у насъ на устахъ и міръ обыкновенно называется «юдолью плача». Но не слѣдуетъ ни на одно мгновеніе предполагать, чтобы горе и страданіе было естественнымъ состояніемъ человѣка: оно только признакъ тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, съ которыми должно бороться наше общество; оно только доказательство, что не достаетъ пищи, любви и досуга. Абсолютно невозможно, чтобы какой-нибудь классъ общества наслаждался счастіемъ въ то время, когда другой несчастенъ. Рано или поздно, но симпатія соединитъ ихъ для общаго блага» [27]).

Ненормальный общественный строй не ограничивается страданіемъ отъ нищеты массы народа, а влечетъ за собой не меньшія бѣдствія и для достаточныхъ, обезпеченныхъ классовъ его, создавая зло, которое на языкѣ автора называется *недостаткомъ любви*. Авторъ разумѣетъ здѣсь всю совокупность тѣхъ условій, которыя лишаютъ въ современномъ европейскомъ обществѣ многихъ лицъ обоего пола возможности завести свой семейный очагъ или оттягиваютъ эту возможность до старшаго возраста, способствуя этимъ созданію проституціи, множества половыхъ болѣзней и мучительнаго неестественнаго лишенія для многихъ одной изъ необходимыхъ и важныхъ функцій животнаго организма. Въ Англіи и Вал-

---

[27]) „Начала соц. науки", стр. 296, 297.

лисѣ, по словамъ автора, средній возрастъ, когда мужчина вступаетъ въ первый бракъ, двадцать пять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, а для женщины этотъ возрастъ — двадцать четыре года и шесть мѣсяцевъ; между тѣмъ, какъ половое развитіе совершается гораздо раньше, и слѣдовательно много лѣтъ или сдерживается или находитъ себѣ лишь неестественный исходъ. Но мало того, громадное число женщинъ никогда не выходятъ замужъ: въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи и во многихъ графствахъ Шотландіи, пропорція незамужнихъ женщинъ доходитъ до 41% всѣхъ женщинъ, имѣющихъ возрастъ отъ двадцати лѣтъ и больше. Существуетъ 1.407,225 женщинъ отъ двадцати до сорока лѣтъ возраста, которыя никогда не были замужемъ, и 359,969 старыхъ дѣвъ, которымъ болѣе сорока лѣтъ. «Люди, которые понимаютъ, замѣчаетъ по поводу этихъ данныхъ авторъ:—какія несчастія и болѣзни происходятъ для этихъ милліоновъ людей отъ отсутствія брачной жизни, будутъ въ состояніи представить себѣ весь ужасъ ихъ положенія»...

Но гдѣ же заключается корень всѣхъ этихъ разнородныхъ бѣдствій, удручающихъ человѣчество? гдѣ лежитъ главная причина какъ недостатка пищи, такъ и недостатка любви, по терминологіи автора? Отвѣтъ уже извѣстенъ читателю: причина заключается въ принципѣ народонаселенія и въ законѣ его, открытомъ Мальтусомъ: народонаселеніе возростаетъ быст-

рѣе средствъ существованія. Пока, слѣдовательно, не будутъ найдены способы задержать быстрый ростъ населенія, до тѣхъ поръ будутъ имѣть мѣсто всѣ указанныя бѣдствія и окажутся болѣе или менѣе безполезны всѣ иныя мѣры, принимаемыя съ цѣлью уничтожить или смягчить страданія человѣчества, какъ отъ ненормальныхъ экономическихъ отношеній, такъ и отъ взаимныхъ отношеній двухъ половъ.

Впрочемъ, обѣ означенныя категоріи отношеній, по воззрѣнію автора, въ сущности составляютъ одно и то же. Избытокъ населенія надъ средствами существованія, т.-е. слишкомъ быстрое размноженіе создаетъ нищету и ненормальныя половыя отношенія. Устранить нищету, слѣдовательно, возможно лишь черезъ устраненіе быстраго размноженія, а это обусловливается регулированіемъ и болѣе правильной постановкой отношеній двухъ половъ. Всякіе иные способы бороться противъ зла бѣдности, на этомъ основаніи, или несущественны, думаетъ нашъ авторъ, или совершенно безполезны: онъ не вѣритъ ни въ образованіе народа, ни въ политическія реформы, какого бы радикальнаго сорта онѣ ни были. Ничто, по его мнѣнію, не прекратитъ бѣдствій нищеты, пока безконтрольно дѣйствуетъ инстинктъ размноженія. «Всякая самая благая реформа, предполагая размноженіе неизмѣннымъ, лишь дастъ новый стимулъ развитію воспроизводительной дѣятельности. Прибѣгать къ подобнымъ средствамъ такъ же напрасно

и безполезно, какъ желать осушить колодезь въ то время, когда источникъ, его наполняющій, течетъ въ него безпрепятственно. *Нищета есть половой вопросъ*, а не политическій или сердечный; разрѣшить его нельзя иначе, другимъ способомъ, кромѣ половаго»... «Нищета и всѣ нынѣшнія соціальныя затрудненія являются результатомъ компромисса, который теперь и прежде установило человѣчество между двумя неизбѣжными потребностями: въ пищѣ и любви. Скорѣе, чѣмъ отказаться отъ любви... и тѣмъ сдержать размноженіе рода, люди захотѣли довольствоваться такимъ ничтожнымъ количествомъ пищи и досуга, какое только безусловно необходимо для поддержанія организма»... [27*]).

Въ культурныхъ странахъ Европы, по мнѣнію автора, положительныя препятствія къ размноженію населенія, каковы голодъ, войны, сильная смертность дѣтей, въ значительной степени утратили свою силу; но за то наружу вызваны всѣ ужасы предупредительныхъ средствъ, каковы многочисленныя болѣзни, происходящія отъ воздержанія и злоупотребленія извѣстными отношеніями, проституція, возмутительная нищета и тяжелый трудъ. Быстрое дѣйствіе средневѣковыхъ голодовъ и варварскихъ нашествій уступило мѣсто медленному голоданію отъ недостатка пищи и любви: масса народа лишена

[27*]) Idem, 309.

вѣрнаго куска хлѣба и перебивается со дня на день, и цѣлые милліоны лишены единственно здоровой и правильной жизни человѣка—семейнаго очага. Люди достаточные и богатые не могутъ быть счастливы, видя себя окруженными страшною унизительною бѣдностью, доходящею до голодной смерти или преступленія. Въ свою очередь, говоритъ авторъ, женатымъ людямъ и счастливымъ любовникамъ неловко выказывать свое счастіе, когда вокругъ себя они видятъ столько горя и разочарованія отъ любви. Еслибы между нами не господствовали себялюбивыя воззрѣнія на любовь, то это чувство неловкости было бы еще обыкновеннѣе: неужели мы думаемъ, что тѣ, которые страдаютъ отъ недостатка любви, заслуживаютъ меньшаго сожалѣнія, чѣмъ бѣдняки, страдающіе отъ недостатка пищи»? [28]).

Изслѣдуя причины и проявленіе этого ненормальнаго строя, проистекающаго изъ безконтрольнаго дѣйствія закона размноженія, авторъ приходитъ къ крайне пессимистическому заключенію, что «по сіе время счастіе одного человѣка основано на бѣдствіи другаго». «Пока, никто еще не можетъ быть счастливъ, не причиняя неизбѣжно несчастія своимъ ближнимъ. Гдѣ всѣ находятся въ борьбѣ за пищу, любовь и другія блага жизни, тамъ никто не можетъ обладать ими, не лишая другихъ возможности

[28]) L. c. стр 297.

существовать. Человѣчество похоже на лѣсъ, въ которомъ деревья ростутъ слишкомъ густо. Всѣ деревья нуждаются въ воздухѣ и солнцѣ; тѣ, которыя сильнѣй, пробиваются вверхъ, уничтожая отпрыски болѣе слабыхъ. То же дѣлаемъ и мы: каждый изъ насъ, который обладаетъ большими талантами или другими качествами, кто одаренъ болѣе крѣпкимъ тѣломъ и сильнымъ умомъ, кто рожденъ въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, тотъ пробивается и захватываетъ себѣ лучшее мѣсто; въ этомъ боѣ сильные давятъ слабыхъ. Настоящій и всѣ прошлые вѣка были въ старыхъ странахъ вѣками *взаимнаго уничтоженія людей*. Мы питаемся пищею своихъ ближнихъ, дышемъ ихъ воздухомъ, наслаждаемся любовью, которую у нихъ отбили, мы сосемъ ихъ жизненные соки. Вотъ почему личные таланты и доблести, вмѣсто того, чтобы быть благомъ для окружающихъ, являются для нихъ настоящимъ зломъ, вотъ почему таланты и доблести не заслуживаютъ часто своего названія. Между бѣдными эта борьба на́смерть идетъ изъ-за перваго необходимаго условія жизни, изъ-за куска хлѣба; между богатыми она ведется изъ-за другихъ благъ жизни, а преимущественно изъ-за любви. Кто по своимъ талантамъ (!?) обезпечиваетъ себѣ жизнь, тотъ женится и монополизируетъ благо любви и семейства, лишая его другихъ. Въ настоящее время, когда, вслѣдствіе большаго средняго количества дѣтей въ

каждомъ семействѣ, только ограниченное число членовъ общества можетъ жениться, каждый вступающій въ бракъ долженъ знать, что онъ лишаетъ когонибудь возможности жениться и такимъ образомъ погружаетъ кого-либо изъ всѣхъ своихъ ближнихъ въ горе и страданіе холостой жизни». «Большое семейство, слѣдовательно, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ книги: — настоящая первичная причина какъ половыхъ золъ, такъ и нищеты».

Рисуя эту страшную картину внутренняго состоянія европейскаго общества, авторъ въ своемъ фанатическомъ поклоненіи Мальтусову закону, лишь строго логически, съ крайней послѣдовательностью, которой можно удивляться, строитъ изъ него обобщенія и выводъ за выводомъ. По своей послѣдовательности и неуклонности на разъ принятомъ пути построенія силлогизмовъ и нежеланіи обращать вниманіе на стороннія соображенія, онъ идетъ дальше всѣхъ ново-мальтузіанцевъ, съ которыми мы уже знакомы и познакомимся далѣе впереди. Все, кромѣ принципа населенія, для него въ разрѣшеніи соціальныхъ бѣдствій имѣетъ ничтожное значеніе. Для него постановка вопроса о размноженіи согласно стремленіямъ партіи не имѣетъ лишь частнаго значенія, какъ это мы видѣли у Роберта Дэль Оуэна (по мнѣнію котораго она одна отнюдь еще не устранитъ нетолько всѣхъ, но даже большей части человѣческихъ золъ); напротивъ, по убѣжденію автора «Соціальной

науки», если разъ будутъ приняты рекомендуемыя мальтузіанской партіей мѣры противъ размноженія, то тѣмъ самымъ быстро поднимется общее благополучіе и при томъ чуть ли не единственно благодаря этимъ мѣрамъ. Такъ, имѣя передъ своими глазами, съ односторонностью, свойственною всѣмъ британцамъ, исключительно лишь свою страну и существующій въ ней характеръ экономическихъ отношеній, онъ подробно объясняетъ неблагопріятное вліяніе быстраго размноженія на пониженіе заработной платы и приравниваетъ его къ нищетѣ; низкая плата для него—бѣдствіе для человѣчества, высокая—благополучіе; иного порядка вещей онъ, повидимому, представить себѣ не можетъ, и, оставаясь вѣрнымъ этой точкѣ зрѣнія, онъ вполнѣ послѣдовательно приходитъ къ заключенію согласно ей, что непропорціональность между населеніемъ и средствами къ существованію есть *единственная причина соціальной нищеты* [29]). Въ другомъ мѣстѣ, толкуя о необходимости поднять женскій заработокъ, представляемый имъ опять-таки исключительно въ формѣ заработной платы, онъ видитъ опять лишь прежнее средство, уменьшеніе населенія, а его увеличеніе считаетъ причиной печальнаго положенія женскаго труда.

Вообще регулированіе половыхъ отношеній въ духѣ

---

[29]) Стр. 334.

партіи, т.-е. контроль надъ производительной способностью или задержка народонаселенія составляетъ по его убѣжденію *единственное дѣйствительное* средство для рабочихъ классовъ избавиться отъ горя и несчастія. Указывая нѣсколько разъ на ученія соціализма и разныхъ вожаковъ рабочихъ о необходимости многихъ экономическихъ реформъ, авторъ твердитъ съ неуклонною послѣдовательностью одно и то же, т.-е. считаетъ всѣ эти обѣщанія и предложенія одними лишь неосуществимыми мечтами, ни къ чему де путному не ведущими. «*Рабочіе*, говоритъ онъ:—*должны бы вовсе не слушать тѣхъ предложеній, которыя не основаны на законахъ народонаселенія;* всѣ такія предложенія — просто блуждающіе огоньки: слѣдовать имъ, значитъ терять совершенно напрасно и время, и усилія; кромѣ того, они могутъ довести только до отчаянія. Рабочіе должны испытать на дѣлѣ и провѣрить дѣйствительность предлагаемыхъ нами (т.-е. партіей мальтузіанцевъ и авторомъ) мѣръ, затѣмъ убѣдиться самимъ въ необходимой обязанности имѣть ограниченное число дѣтей. Они должны сами себѣ помогать, а не ожидать запоздалой помощи отъ другихъ. Если сознаніе этой обязанности проникнетъ повсюду и она будетъ исполняться, то весьма скоро облегчится гнетъ нищеты, и со временемъ она совершенно искоренится».

Все дѣло сводится у автора, какъ и у предше-

ствовавшихъ писателей той же партіи, къ задержкѣ размноженія. Было бы желательно, говоритъ онъ, чтобы рождалось какъ можно менѣе дѣтей до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ нищета. Еслибы на свѣтъ не являлось «лишнихъ» дѣтей, а рождалось бы столько, сколько необходимо для физическаго здоровья матерей, то я убѣжденъ, что черезъ шесть лѣтъ бѣдствія нищеты значительно ослабѣли бы, а лѣтъ черезъ двѣнадцать или двадцать рабочіе классы могли бы предписывать свои условія и имѣть такую заработную плату и такія преимущества, о которыхъ теперь не смѣютъ даже мечтать.

Средства для задержки размноженія тѣ же самыя, какъ и у предшествовавшихъ ново-мальтузіанцевъ и сводятся къ различнымъ способамъ контроля надъ воспроизводительной способностью. Но не слѣдуетъ думать, чтобы авторъ желалъ совершенной пріостановки этой способности. «Быть беременной и рождать дѣтей, утверждаетъ онъ напротивъ: — очень важно для здоровья женщины. Но имѣть ихъ не болѣе двухъ или трехъ въ теченіи жизни совершенно достаточно для обезпеченія здоровья». Протестуя затѣмъ рѣшительно противъ криминальности рекомендуемыхъ ново-мальтузіанцами мѣръ, онъ въ то же время однако чувствуютъ нѣкоторую неловкость при замѣчаніи, что эти мѣры неестественны и не оправдываются нравственными соображеніями: авторъ очевидно не въ состояніи, какъ ни старается, опровер-

гнуть этотъ сильный аргументъ противъ своей школы. Ему приходится сознаться, что всякіе способы контроля надъ воспроизводительной способностью сами по себѣ неестественны и въ свою защиту лишь ссылаться на извѣстное положеніе, что изъ двухъ необходимыхъ золъ нужно выбирать меньшее... «Обстоятельства де, въ которыхъ мы живемъ, не оставляютъ намъ другого выбора; еслибы мы слѣдовали слѣпо всѣмъ нашимъ естественнымъ побужденіямъ и половымъ инстинктамъ, подражая животнымъ, то были бы принуждены, какъ они, уничтожать и пожирать другъ друга, чтобы помѣшать лишнему размноженію. Для насъ нѣтъ другого исхода, кромѣ выбора такого образа дѣйствія, который наносилъ бы какъ можно меньше физическаго и моральнаго зла»....

Этимъ мы можемъ ограничить наше изложеніе сущности безспорно самаго важнаго изъ современныхъ трудовъ ново-мальтузіанства.

Какъ читатели легко могли замѣтить, авторъ «Началъ соціальной науки», будучи схожъ въ существенныхъ чертахъ своихъ стремленій съ Оуэномъ и Нольтономъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, однако, значительно отъ нихъ отходитъ. Прежде всего «докторъ медицины» (какъ подписался авторъ «Соціальной науки») представляетъ собою типъ болѣе крайняго и послѣдовательнаго мальтузіанца; въ то время, какъ Оуэнъ, можетъ быть, благодаря вліянію отца, имѣ-

етъ отчасти соціалистическое направленіе и, при всемъ его уваженіи къ идеямъ мальтузіанства, отнюдь разрѣшеніе вопроса о населеніи не считаетъ равносильнымъ разрѣшенію вопроса о пауперизмѣ, а лишь только, устраненію нѣкоторыхъ золъ и бѣдствій, напротивъ, «докторъ медицины», какъ мы видѣли, нетолько возстаетъ противъ всѣхъ стремленій соціализма и осуждаетъ, какъ безполезныя, движенія рабочихъ, но *единственнымъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса считаетъ исключительно регулированіе размноженія.* Безъ этого, т.-е. безъ принятія рекомендуемыхъ ново-мальтузіанцами мѣръ, по мнѣнію «доктора медицины», спасенія для человѣчества нѣтъ. Какъ бы государственная организація ни была совершенна, какія бы политическія реформы ни произошли, какія бы измѣненія, насильственно или добровольно, экономическаго строя ни предлагались и выполнялись, все равно въ концѣ-концовъ все это ни къ чему не приведетъ: принципъ населенія возьметъ верхъ и уничтожитъ слѣды любой благодѣтельной реформы.

Несмотря на этотъ реакціонный заключительный пунктъ своего ученія, «докторъ медицины» является во многихъ частностяхъ разбираемаго вопроса большимъ радикаломъ даже не въ англійскомъ смыслѣ слова: онъ стоитъ за общую подачу голосовъ, за уравненіе женскихъ правъ, признаетъ ассоціаціи полезнымъ *вспомогательнымъ* средствомъ для борьбы

съ нищетой, хотя и не болѣе какъ добавленіемъ къ рекомендуемымъ партіей мѣрамъ. Авторъ сочувствуетъ возможно большему расширенію женскаго труда, а въ вопросѣ о брачной жизни, упуская совершенно изъ вида, что легальная форма брака наиболѣе существенна именно для интересовъ тѣхъ же женщинъ, онъ доходитъ до крайности, почти до отрицанія ея и чуть не проповѣдуетъ брачный коммунизмъ въ духѣ знаменитаго Нойеса въ его Онеидской коммунѣ [30]).

Что касается до его экономическихъ воззрѣній, то здѣсь авторъ не представляетъ ровно ничего оригинальнаго и является не болѣе какъ зауряднымъ излагателемъ началъ ортодоксальной доктрины политической экономіи. Онъ серьёзно, напримѣръ, между знаменитыми экономистами помѣщаетъ Бастіа, Жозефа Гарнье, считая ихъ очевидно самостоятельными изслѣдователями науки народнаго хозяйства на ряду съ Смитомъ и Рикардо.

Несмотря на всѣ указанные и многіе иные недостатки, «Начала соціальной науки» представляютъ безспорно, повторяемъ, самое крупное явленіе въ литературѣ ново-мальтузіанства и авторъ этой книги обладаетъ далеко не дюжинными способностями. Увлекательное изложеніе, глубокая вѣра въ предметъ изслѣдованія до того овладѣваютъ вниманіемъ чита-

---

[30]) См. «Начала соціальной науки», стр. 325 и сравн. съ катехизисомъ Онеидской коммуны въ «American Socialism» by Ch. Noyes, 1870.

теля во многихъ мѣстахъ его книги, что невольно, несмотря даже на несогласіе съ его принципами, приходится выразить удивленіе передъ замѣчательной логикой и послѣдовательностью автора и отдать справедливость его искренности. Эти-то причины, нѣтъ сомнѣнія, и обусловили рѣдкій ея успѣхъ въ публикѣ: въ подлинникѣ «Начала соціальной науки» выдержали до сихъ поръ уже шестнадцать изданій, четыре изданія въ нѣмецкомъ переводѣ, три во французскомъ, два въ итальянскомъ и переведены также на языки испанскій, португальскій, русскій. Журнальная критика въ разныхъ странахъ приняла эту книгу весьма различно, но въ цѣломъ—и это особенно замѣчательно—наиболѣе благопріятный пріемъ «Начала соціальной науки» встрѣтили въ спеціальной прессѣ, а именно медицинской, что̀ указываетъ, конечно, на профессіональныя познанія автора и на необходимость, несмотря на всѣ странности книги, относиться къ ней серьезно.

Другое сочиненіе современной ново-мальтузіанской партіи, подходящее къ только что разобранной книгѣ, если не по достоинству, то по успѣху, есть книга извѣстной намъ Анны Безантъ: «Законъ народонаселенія, его послѣдствія и вліяніе на человѣческое поведеніе и нравы». Книга эта появилась немедленно послѣ знаменитаго процесса г-жи Безантъ вмѣстѣ съ Брадло, о которомъ мы говорили въ первой статьѣ, и имѣла такой огромный успѣхъ, что еще

въ теченіе трехъ лѣтъ въ Англіи было выпущено въ свѣтъ до 40,000 экземпляровъ и въ Америкѣ до 25,000. Одна ужъ эта распространенность данной книги вынуждаетъ насъ сказать о ней нѣсколько словъ, хотя по существу она не представляетъ ничего новаго передъ тѣмъ, что намъ извѣстно, лишь съ нѣкоторыми, впрочемъ, любопытными варіаціями на данную тему.

Первая глава исключительно посвящена изложенію закона Мальтуса, съ нѣкоторыми иллюстраціями по вопросу о размноженіи, взятыми по части естественной исторіи у Дарвина и статистики — у Моро де Жоннеса. Слѣдующія затѣмъ двѣ главы включаютъ въ себѣ описаніе послѣдствій закона о населеніи и мѣръ, рекомендуемыхъ ново-мальтузіанской партіей, къ устраненію бѣдствій, проистекающихъ отъ быстраго размноженія. Послѣдствія, здѣсь описанныя, намъ извѣстны; это — тѣ положительныя препятствія, по Мальтусу, какъ войны, голодъ, заразительныя болѣзни, репрессивно дѣйствующія на слишкомъ быстро выросшее населеніе и стремящіяся низвести его до уровня существующихъ средствъ продовольствія. Г-жа Безантъ весьма краснорѣчиво при этомъ описываетъ постепенное ослабленіе или измѣненіе нѣкоторыхъ изъ положительныхъ препятствій подъ вліяніемъ хода цивилизаціи. Увлекаемая желаніемъ подыскать большее число подходящихъ историческихъ примѣровъ въ подтвержденіе Мальтусовой

теоріи, г-жа Безантъ, между прочимъ, указываетъ на Индію, въ которой будто бы «введеніе англичанами европейской цивилизаціи (уничтоженіе мѣстныхъ междуусобій, заразительныхъ болѣзней и т. д.) и слѣдовательно уничтоженіе или уменьшеніе нѣкоторыхъ естественныхъ препятствій къ размноженію *безъ введенія какихъ-либо иныхъ* (т.-е. предупредительныхъ) *на ихъ мѣсто* привело лишь за собой быстрый ростъ населенія и страшный голодъ, уносящій за собой цѣлые милліоны жертвъ». «Дары цивилизаціи такимъ образомъ, по ея мнѣнію, при забвеніи закона размноженія, превратились въ страшное зло». Другимъ примѣромъ она выставляетъ Ирландію, точно также близоруко, какъ и относительно Индіи, забывая или умалчивая о всѣхъ постороннихъ причинахъ и налегая лишь на быстрое размноженіе, какъ единственную причину всѣхъ бѣдствій этой несчастной страны.

Переполненіе жилищъ въ англійскихъ городахъ и нездоровыя гигіеническія условія жизни рабочихъ, болѣзненность и нравственная распущенность подростающихъ поколѣній—вотъ результатъ, по мнѣнію г-жи Безантъ, отсутствія въ англійскомъ рабочемъ классѣ «супружескаго благоразумія» и слишкомъ частыхъ вслѣдствіе этого дѣторожденій.

Далѣе г-жа Безантъ, какъ и всѣ ново-мальтузіанцы, критикуетъ способы, рекомендуемые самимъ Мальтусомъ для ограниченія населенія, т.-е. поздніе

браки, доказывая весь вредъ ихъ для общества, какъ и для самихъ лицъ, въ бракъ вступающихъ: развитіе проституціи, браки по разсчету, многочисленныя болѣзни и т. д. Весьма ловко Безантъ приводитъ отрывки изъ сочиненій Дж. Ст. Милля, проф. Леона Леви, г-жи Фосеттъ и др. лицъ, много толкующихъ подъ вліяніемъ вѣры въ Мальтуса о «благоразуміи» при вступленіи въ бракъ и недоговаривающихъ, что̀ подъ этимъ благоразуміемъ, послѣ вступленія уже въ бракъ, слѣдуетъ понимать. Она беретъ на себя трудъ объяснить это и приводитъ съ большой развязностью всѣ способы контроля надъ воспроизводительной силой человѣка, какъ это дѣлалъ Робертъ Дэль Оуэнъ и какъ повторяется это у всѣхъ ново-мальтузіанцевъ. Оригинально въ ея объясненіяхъ то, что въ одномъ случаѣ (а именно относительно проститутокъ, находящихся подъ контролемъ полиціи) самой врачебной полиціей рекомендуется одинъ изъ этихъ упомянутыхъ способовъ въ цѣляхъ санитарныхъ, что̀ лучше всего указываетъ на его безвредность. Мало того, г-жа Безантъ ловко пользуется даже изъ одного извѣстнаго медицинскаго сочиненія (д-ра Маріона Симса) однимъ механическимъ средствомъ, употребляемымъ для излеченія женщинъ отъ безплодія, и рекомендуетъ его для своихъ цѣлей, разумѣется противуположнаго характера, т.-е. какъ способъ воспрепятствованія зачатію.

Наиболѣе любопытною частью книжки Безантъ является послѣдняя глава ея, гдѣ она приводитъ возраженія противъ ново-мальтузіанскаго ученія и въ свою очередь опровергаетъ ихъ. Самымъ обыкновеннымъ возраженіемъ противъ предупредительныхъ или «научныхъ», какъ они ихъ называютъ, препятствій, рекомендуемыхъ ново-мальтузіанцами, является замѣчаніе, что они «неестественны и безнравственны». Безантъ горячо и весьма энергически оспариваетъ это возраженіе, указывая, что высшій продуктъ естества есть де человѣческій мозгъ и что усовершенствованіе тѣхъ или иныхъ нераціональныхъ сторонъ природы вполнѣ естественно, а предупредительныя препятствія потому и не болѣе неестественны, чѣмъ всякій другой обычай цивилизаціи. «Сырое мясо, нагота, жизнь въ пещерахъ суть *нераціональныя* естественныя привычки, говоритъ она:—пища приготовленная, платья, дома суть *раціональныя* естественныя привычки. Произведеніе потомства безъ разсчету, безъ заботы, слѣдуя лишь одному чувственному позыву, это—нераціональная естественность, и каждое животное дѣлаетъ то же самое; произведеніе же потомства съ предусмотрительностью, разсчетомъ и благоразуміемъ, это—раціональная естественность, представителемъ каковой является единственно человѣкъ». Говорятъ, что эти препятствія безнравственны, продолжаетъ авторъ; но что же такое нравственность, какъ не величайшее благо величайшаго

числа людей? Безнравственно давать жизнь, которую вы не можете поддержать; безнравственно производить на свѣтъ дѣтей, когда вы не можете ихъ одѣвать, кормить и воспитывать. Безнравственно, наконецъ, наполнять новыми жильцами переполненныя черезъ край помѣщенія нашихъ городовъ и давать жизнь дѣтямъ, которыя не имѣютъ никакихъ шансовъ на здоровое существованіе... Поэтому «супружеское благоразуміе» и является въ высшей степени моральнымъ, а лица, которыя утверждаютъ противное, видимо мало задумываются о той нравственной отвѣтственности, которую они на себя черезъ то навлекаютъ. Отвергать предупредительныя препятствія, значитъ въ дѣйствительности предпочесть другія три препятствія — бѣдность, проституцію и воздержаніе. Поэтому стараться распространить знаніе объ этихъ предупредительныхъ средствахъ составляетъ, по мнѣнію автора, великую заслугу передъ человѣчествомъ.

Далѣе возражаютъ, что знаніе контроля надъ воспроизводительной способностью сдѣлаетъ будто бы порокъ смѣлѣй и увеличитъ его, особенно между женщинами, обезпечивши незаконнымъ связямъ б льшую безопасность. Авторъ смѣется надъ такимъ утвержденіемъ и старается опровергнуть аналогическими сопоставленіями. «Разсуждая такъ, говоритъ она: — никакихъ ножей не слѣдовало бы употреблять по той причинѣ, что ими можно перерѣзать горло; никакія

спички не должны продаваться, потому, что результатомъ можетъ явиться поджогъ, а употребленіе пистолетовъ должно быть строжайше воспрещено, потому что они часто служатъ орудіемъ убійства! Полное незнаніе, разсуждаетъ авторъ:—конечно имѣетъ нѣкоторыя выгоды въ смыслѣ безопасности, и еслибы всѣ мужчины внезапно ослѣпли, то, конечно, никто бы не покушался соблазнять женщину за ея красоту; такъ будемъ же, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны въ данномъ разсужденіи: прикажемъ всѣмъ женщинамъ прикрыться покрываломъ и приставимъ стеречь ихъ евнуховъ и такимъ образомъ будемъ, по крайней мѣрѣ, постоянны въ нашемъ безуміи и въ нашемъ недовѣріи»!! «Англійскія женщины, замѣчаетъ авторъ въ заключеніе:—отнюдь не пали такъ низко, чтобы охранять ихъ вѣрность одному человѣку только страхомъ возможныхъ послѣдствій невѣрности; ихъ чистота, ихъ гордость, ихъ честь, ихъ женственность являются стражами ихъ добродѣтели и никогда изъ сердца англійской женщины не исчезнетъ дѣвичье и женское достоинство, которое защищаетъ ихъ любовь отъ всякаго пятна безчестія и запрещаетъ имъ отдаваться иначе, какъ вмѣстѣ съ своимъ сердцемъ. Да будетъ стыдно тѣмъ, которые клевещутъ на англійскихъ женъ и дѣвицъ своими грязными предположеніями, которыя могутъ проистекать изъ душъ и устъ лишь людей развращенныхъ» [31])!

[31]) The Law of Population... by *Annie Besant*. Стр. 37—38.

Другое любимое возраженіе противъ ново-мальтузіанскаго ученія болѣе кореннаго свойства и состоитъ въ томъ, что нѣтъ никакой нужды ограничивать народонаселеніе, по крайней мѣрѣ, еще на долгое время, что пищи еще достаточно на свѣтѣ для всѣхъ и что одна долина Миссиссипи можетъ прокормить населеніе всего земнаго шара. «Лица, утверждающія это, забываютъ, говоритъ Безантъ, что наличныя средства существованія—тѣ, съ которыми мы дѣйствительно должны считаться; хлѣбъ въ Небраскѣ и голодные рты въ Ланкаширѣ имѣютъ весьма малое значеніе другъ для друга, и если стоимость провоза превосходитъ покупательную силу нуждающихся въ хлѣбѣ, то для нихъ было бы также безразлично, еслибы хлѣбныя поля были бы не въ Америкѣ, а на лунѣ. Если будутъ изобрѣтены средства свести вмѣстѣ этотъ хлѣбъ и эти голодные рты, то, конечно, будетъ все хорошо, но до тѣхъ поръ, пока это не будетъ сдѣлано, неумѣренное размноженіе такихъ ртовъ должно считать неумнымъ по той причинѣ, что владѣльцы этихъ ртовъ будутъ умирать съ голода, а хлѣбъ будетъ оставаться по ту сторону океана»... Что касается до эмиграціи, какъ средства помочь этой бѣдѣ, то авторъ не вѣритъ въ практичность этой мѣры и представляетъ рядъ соображеній, съ которыми отчасти нельзя не согласиться. Во-первыхъ, чтобы переселеніе въ Америку для рабочаго было выгодно и успѣшно, какъ показываетъ

опыть, необходимо имѣть небольшой капиталъ для обзаведенія, по крайней мѣрѣ, въ триста, четыреста фунтовъ; а большинство переселяющихся въ Америку сельскихъ рабочихъ не имѣютъ ровно ничего, а поэтому бо̀льшею частію ничего не выигрываютъ отъ переселенія. Плата за неискусный трудъ въ Америкѣ, какъ показываютъ всѣ данныя, болѣе и болѣе падаетъ, а въ искусстномъ трудѣ эмигрантъ-англичанинъ встрѣчаетъ конкурренцію нѣмцевъ и другихъ переселенцевъ, во многихъ отношеніяхъ лучше его подготовленныхъ. Кромѣ того, такъ какъ эмигрируютъ преимущественно мужчины, то переселеніе производитъ для обѣихъ странъ новое зло, усложняющее еще больше вопросъ о народонаселеніи—неравномѣрность въ распредѣленіи половъ: въ Америкѣ много мужчинъ, не могущихъ найти себѣ женъ, а въ Англіи много женщинъ, для которыхъ нѣтъ мужей.

Наконецъ, говоритъ г-жа Безантъ, недавно явилось еще новое возраженіе противъ ново-мальтузіанской теоріи и притомъ со стороны человѣка, который своимъ авторитетомъ вновь подкрѣпилъ самую теорію Мальтуса. Знаменитый Чарльзъ Дарвинъ привелъ слѣдующій важный аргументъ противъ этого ученія: «Увеличеніе благосостоянія человѣчества является, конечно, самой сложной проблемой; должны воздерживаться отъ брака всѣ, кто не можетъ избѣжать крайней бѣдности для своихъ дѣтей, потому, что бѣдность нетолько является великимъ зломъ сама по

себѣ, но увеличиваетъ еще его, способствуя въ свою очередь легкомысленному вступленію въ бракъ. Съ другой стороны, какъ замѣтилъ г. Гальтонъ, если всѣ благоразумные люди будутъ избѣгать брака, между тѣмъ, какъ неразсчетливые—жениться, то худшіе члены общества вытѣснятъ лучшихъ». Въ виду своей теоріи борьбы за существованіе, Дарвинъ выводитъ отсюда, что воздержаніе отъ брака такимъ образомъ можетъ ухудшить грядущее поколѣніе, почему и выражаетъ желаніе, что какъ ни разнообразно зло, приносимое нынѣ съ собой неразсчетливымъ размноженіемъ, но что во всякомъ случаѣ по сказанной причинѣ не желательно его стѣсненіе. Г-жа Безантъ представляетъ противъ этого, повидимому, весьма вѣское соображеніе, а именно: Дарвинъ, увлекаясь наблюденіями исключительно надъ животными, забылъ разницу между ними и человѣкомъ. Если борьба за существованіе, говоритъ она, между человѣчествомъ происходила бы при тѣхъ же условіяхъ, какъ и между животными, тогда аргументъ Дарвина имѣлъ бы огромную силу, какъ бы намъ ни казалось ужасно это вѣчное осужденіе человѣчества на несчастіе; тогда сильнѣйшій, умнѣйшій и способнѣйшій стали бы переживать и передавать свои качества потомству; но Дарвинъ забываетъ, что люди имѣютъ качества, которыя чужды животнымъ, каковы состраданіе, справедливость, уваженіе къ правамъ другихъ и вообще всѣ тѣ высокія добродѣтели,

которыя абсолютно несовмѣстимы съ животной борьбой за существованіе. Левъ оставляетъ своихъ родителей умирать, а человѣкъ кормитъ ихъ; дикій олень убиваетъ своего больнаго сочлена, а человѣкъ помѣщаетъ его въ госпиталь и ухаживаетъ до выздоравленія. Слабые, уродливые, безпомощные между животными умерщвляются, а между людьми за ними ухаживаютъ, ихъ кормятъ, берегутъ, и они нерѣдко передаютъ потомству свои недостатки. «Предупредительныя препятствія, замѣчаетъ Безантъ, рекомендуемыя ново-мальтузіанцами, дѣлаютъ то же самое, что борьба за существованіе для животныхъ. Они даютъ человѣку возможность контролировать произведеніе на свѣтъ новыхъ человѣческихъ существъ. Тѣ, которые страдаютъ отъ наслѣдственныхъ болѣзней, которые имѣютъ, напримѣръ, чахотку или сумасшествіе въ семействѣ, могли бы жениться, но сохранить расу отъ ея вырожденія, которое слѣдуетъ за распространеніемъ въ ней болѣзней. Вся британская раса выиграла бы въ силѣ, здоровьѣ, въ продолжительности жизни, въ красотѣ, еслибы одни лишь здоровые родители давали рожденіе дѣтямъ... «Laissez aller, заключаетъ авторъ свое разсужденіе:— laissez aller относительно брака—такой же неблагоразумный принципъ политики, какъ и во многихъ иныхъ сторонахъ общественной жизни» [32])...

---

[32]) The Law of Population, стр. 42.

Свою книгу г-жа Безантъ кончаетъ выдержками изъ различныхъ писателей, отчасти уже намъ извѣстныхъ и наконецъ, обращеніемъ къ читателямъ по поводу обстановки самаго разсужденія по данному вопросу въ настоящее время. «Изслѣдованіе вопроса о народонаселеніи, говоритъ она: — еще далеко доселѣ не безопасно; судебныя наказанія угрожаютъ тѣмъ, которые защищаютъ ограниченіе рожденій вмѣсто разрушенія жизней; тѣмъ же наказаніямъ подвергались наши вожаки въ прошломъ поколѣніи (намекъ, вѣроятно, на Рич. Карлейля, автора «Every Woman'a Book»), и мы только послѣдуемъ по ихъ стопамъ, чтобы побѣдить, какъ они побѣдили и сдѣлаться, участниками ихъ побѣды. Мы работаемъ для искупленія бѣдныхъ, для спасенія несчастныхъ. Дѣло народа есть самое священное изо всѣхъ дѣлъ и которое непремѣнно когда-нибудь восторжествуетъ, какъ бы ни была трудна борьба для пріобрѣтенія побѣды» [33]).

Рядомъ съ этими сравнительно крупными произведеніями, мальтузіанская партія въ интересѣ пропаганды своихъ воззрѣній выпустила также цѣлый

---

[33]) Книга Безантъ носитъ слѣдующее сенсаціонное посвященіе: „Бѣднымъ большихъ городовъ и земледѣльческихъ округовъ, жителямъ душныхъ задворковъ или тѣсныхъ хижинъ я посвящаю этотъ трудъ, въ надеждѣ, что онъ можетъ указать имъ путь избавленія отъ бѣдности, а также облегчить участь британскихъ дочерей“.

рядъ брошюръ, продаваемыхъ по самой ничтожной цѣнѣ, одному пенни (около 5 коп.) и даже при случаѣ раздаваемыхъ даромъ. Таково, напримѣръ, сочиненіе Остина Голіока («Большія или малыя семейства? и на которой сторонѣ лежитъ перевѣсъ довольства»?) и «Государственныя мѣры противъ бѣдности», автора «Началъ соціальной науки», гдѣ онъ предлагаетъ ни мало ни много, какъ ограниченіе посредствомъ закона числа дѣтей въ каждой семьѣ! [34]).

Наибольшій успѣхъ изъ этихъ брошюръ имѣла, впрочемъ, маленькая книжечка, также въ пенни цѣной, неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ литерами M. G. H. «Бѣдность, ея причины и ея уничтоженіе. Указаніе на средства, которыми рабочіе классы могутъ поднять себя отъ ихъ настоящаго положенія съ низкой заработной платой и непрестаннымъ трудомъ до довольства, достоинства и независимости; и указаніе также на средства, которыя могутъ всецѣло уничтожить съ теченіемъ времени и другія важнѣйшія соціальныя бѣдствія» [35]).

---

[34]) Large or small Families? On which Side lies the Balance of Comfort? By *Austin Holyoake*. State Remedies for Poverty. By the Author of the «Elements of Social Science». 1878.

[35]) Poverty: its Cause and Cure. Pointing out the means by which the Working Classes may raise themselves from their present State of Low Wages and Ceaseless Toil to one of Comfort, Dignity and Independance; and which is

Извѣстности этой брошюры, какъ это имѣло мѣсто и относительно «Плодовъ Философіи» д-ра Нольтона, много способствовалъ процессъ ея издателя, извѣстнаго намъ книгопродавца Эдварда Трюлова, который былъ привлеченъ за ея изданіе къ отвѣтственности, одновременно же съ процессомъ за «Нравственную Физіологію». Маленькая книжечка въ 16 страницъ, впрочемъ, довольно мелкой печати, въ небольшомъ объемѣ содержитъ сущность всего, что до сихъ поръ намъ извѣстно по крупнымъ сочиненіямъ этой партіи. Написана она весьма живо, хорошимъ языкомъ, видимо человѣкомъ образованнымъ, и въ простой доступной формѣ передаетъ сущность ученія Мальтуса и выводы, дѣлаемые его крайними современными намъ послѣдователями, причемъ, разумѣется, на практическую сторону вопроса, описаніе предупредительныхъ средствъ, обращено значитель ное вниманіе. Любопытно—какъ это, впрочемъ, мы прослѣдимъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ — что и въ этомъ общедоступномъ, копѣечномъ изложеніи доктринъ партіи, предназначенномъ для бѣднѣйшихъ классовъ народа, какъ и въ другихъ уже извѣстныхъ намъ болѣе серьезныхъ сочиненіяхъ ново-мальтузіанцевъ, несмотря на всѣ нѣжныя, трогательныя посвященія и воззванія къ «бѣднымъ», «стражду-

---

also capable of entirely removing in course of time the other principal social Evils. By *M. G. H.* 1877.

щимъ», «рабочимъ классамъ», и т. д., тѣмъ не менѣе бѣлой ниткой проходитъ чисто манчестерское буржуазное недовѣріе и антипатія къ попыткамъ тѣхъ же рабочихъ устроить свое экономическое положеніе нѣсколько на иныхъ началахъ, нежели существующія и позаботиться о защитѣ собственныхъ интересовъ отъ интересовъ капитала. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, данная брошюрка кончается завѣреніемъ, что экономическое спасеніе рабочихъ находится исключительно въ ихъ рукахъ и что ихъ положеніе безнадежно, если они будутъ по старому ввѣряться своимъ рабочимъ союзамъ (Trades-unions) и совѣтамъ вожаковъ соціалистически-республиканскаго движенія...

Въ томъ же родѣ нѣкто Пэджъ (Page), авторъ другой ново-мальтузіанской брошюры: «Причина бѣдности», старается завѣрить читателей и рабочихъ, что причина эта не имѣетъ никакой связи съ полученіемъ капиталистами части продуктовъ ихъ труда, и въ доказательство приводитъ весьма странный и несообразный аргументъ, что размѣры прибыли въ настоящее время вмѣсто увеличенія, показываютъ постоянную тенденцію къ уменьшенію [36]).

Какъ ни сильно расходились книги и всѣ эти брошюры ново-мальтузіанской партіи, она, однако, не нашла возможнымъ довольствоваться индивидуаль-

---

[36]) См. „The Cause of Poverty". By *J. K. Page*.

ными, частными попытками пропаганды своихъ воззрѣній и рѣшила приступить къ болѣе прочному и вѣрному способу ихъ широкой пропаганды. Какъ извѣстно, по существующему въ Англіи обыкновенію, всякая даже кучка людей, составившая какой-нибудь планъ новой политической реформы или просто измѣненія отношенія общества къ тому или другому вопросу народной жизни, можетъ совершенно легальнымъ образомъ содѣйствовать своей задачѣ, соединивши коллективныя усилія сочленовъ-единомышленниковъ, составивши ради этой цѣли *особое общество или ассоціацію*. Такъ точно поступили въ данномъ случаѣ и ново-мальтузіанцы. Въ 1877 г., по мысли довольно извѣстнаго лондонскаго врача—м-ра Дриздэля, имя котораго мы уже встрѣчали, составилось въ Лондонѣ новое общество подъ именемъ Мальтузіанская Лига (Malthusian League).

Цѣли дѣятельности общества въ программѣ при его открытіи, распространяемой въ большомъ количествѣ въ публикѣ, были означены слѣдующимъ образомъ:

1) Цѣль Лиги состоитъ въ томъ, чтобы агитировать въ пользу уничтоженія всякихъ наказаній за публичное обсужденіе вопросовъ о народонаселеніи и добиваться изданія такого закона, который сдѣлалъ бы невозможнымъ въ будущемъ привлеченіе за такое обсужденіе къ судебной отвѣтственности.

2) Распространять въ народѣ всѣми практиче-

скими способами знаніе закона о народонаселеніи, его послѣдствій и его воздѣйствія на человѣческое поведеніе и нравы.

«Принципы» Лиги выражены въ той же самой программѣ въ слѣдующихъ семи положеніяхъ:

1) Народонаселеніе имѣетъ постоянную тенденцію увеличиваться быстрѣе средствъ существованія.

2) Препятствія, которыя противодѣйствуютъ этой тенденціи, раздѣляются на положительныя, разрушающія жизнь, и предупредительныя или предусмотрительныя, ограничивающія рожденія.

3) Къ положительнымъ или разрушающимъ жизнь препятствіямъ принадлежатъ преждевременная смерть дѣтей и взрослыхъ отъ болѣзней, голоданія, войнъ и дѣтоубійства.

4) Предусмотрительныя или ограничивающія рожденіе препятствія состоятъ въ сокращеніи потомства черезъ воздержаніе отъ брака или «благоразуміе» послѣ брака.

5) Продолжительное воздержаніе отъ брака, какъ оно защищается Мальтусомъ, служитъ причиной многихъ болѣзней и распространенія порока; ранній бракъ, напротивъ, ведетъ къ обезпеченію половой чистоты, домашняго комфорта, соціальнаго счастія и индивидуальнаго здоровья; но важнымъ соціальнымъ проступкомъ является со стороны мужчинъ и женщинъ произведеніе на свѣтъ бо́льшаго количества дѣтей, чѣмъ сколько они могутъ подобающимъ

образомъ кормить, одѣвать, содержать и воспитывать.

6) Перенаселеніе (over-population) есть самый плодовитый источникъ пауперизма, невѣжества, преступленій и болѣзни.

7) Подобное и открытое обсужденіе вопроса народонаселенія является дѣломъ жизненной важности для общества, и такое обсужденіе должно бы быть абсолютно освобождено отъ стѣсненія страхомъ отвѣтственности передъ закономъ.

Средства общества составляются изъ пожертвованій и изъ постоянныхъ и пожизненныхъ членскихъ взносовъ небольшаго размѣра.

Первымъ президентомъ общества естественно былъ избранъ его основатель д-ръ Дриздэль, и дѣятельность общества началась съ періодическихъ собраній членовъ Лиги, конечно, публичныхъ, въ которыхъ читались доклады по разнымъ вопросамъ, входящимъ въ задачу ея дѣятельности, и подвергались обсужденію. Единовременно Лига постановила выпустить рядъ брошюръ подъ общимъ заглавіемъ «мальтузіанскіе трактаты», въ которыхъ охотниками изъ членовъ излагались въ популярной формѣ различныя стороны вопроса о народонаселеніи въ духѣ партіи. Дѣятельность общества шла, повидимому, довольно успѣшно уже съ самаго начала и Лига пріобрѣтала сочленовъ среди разныхъ классовъ народа и обоего пола, нетолько въ Англіи, но и заграницей. Не говоря уже,

конечно, о Брадло и Безантъ, которые были изъ первыхъ, поступившихъ въ Лигу, въ ней состоятъ, напр., почетными вице-президентами лица съ весьма выдающимся общественнымъ положеніемъ, например, г. Бризонъ, президентъ богатой ассоціаціи сѣверныхъ рудокоповъ, Рейнольдсъ, одинъ изъ издателей извѣстной демократической газеты «Reynold's Paper» въ Лондонѣ и Муругеза-Мудальяръ, издатель «Philosophical Inquirer» въ Мадрасѣ, Guyot, членъ городскаго совѣта въ Парижѣ и депутатъ, извѣстный депутатъ Talandier тамъ же, сеніоръ Альдегоа, директоръ государственныхъ благотворительныхъ заведеній въ Мадридѣ, д-ръ Штилле въ Ганноверѣ и т. д. Казначеемъ состоитъ голландскій банкиръ Свагманъ.

Въ скоромъ времени расширеніе дѣятельности общества выяснило неудобство обсужденія многихъ вопросовъ ново-мальтузіанства лицами, неимѣющими спеціальнаго медицинскаго образованія. Еще ранѣе существованія самой Лиги, на одномъ митингѣ лондонскаго діалектическаго общества, лордъ Амберлей, президентъ собранія и ново-мальтузіанецъ по своимъ воззрѣніямъ, при обсужденіи одного доклада въ духѣ партіи, выражалъ мнѣніе, что главный пунктъ дѣятельности мальтузіанства подлежитъ прежде всего тихому, спокойному обсужденію между спеціалистами, inter medicos, и что врачи должны въ этомъ случаѣ играть руководящую роль.

Какъ бы выполняя эту мысль лорда Амберлея, Мальтузіанская Лига въ 1880 году нашла необходимымъ основать особую медицинскую секцію своего общества, что̀ и состоялось 8 августа слѣдующаго года. Предметъ этой секціи выраженъ такимъ образомъ въ публикаціи при ея основаніи:

1. Помогать Мальтузіанской Лигѣ въ ея крестовомъ походѣ противъ бѣдности и сопровождающихъ ее бѣдствій съ помощью содѣйствія для того врачей, равно британскихъ, какъ и иностранныхъ.

2. Выработать одно цѣлое изъ научныхъ мнѣній касательно вопросовъ половой физіологіи и патологіи, тѣсно связанныхъ съ вопросомъ населенія, которыя могутъ быть обсуждаемы лишь лицами, имѣющими научное знаніе.

3. Агитировать за свободное и открытое обсужденіе вопроса народонаселенія, со всѣхъ его сторонъ въ медицинской прессѣ и такимъ образомъ получить признаніе научнаго базиса и абсолютной необходимости ново-мальтузіантства.

Эта медицинская отрасль Лиги составилась первоначально изъ болѣе нежели полутора десятка врачей, какъ англійскихъ, такъ и иностранныхъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ общихъ засѣданіяхъ лиги, имѣетъ и свои собственныя, а трудамъ ея членовъ принадлежитъ значительная часть «мальтузіанскихъ трактатовъ», изданныхъ обществомъ.

Содержаніе этихъ мелкихъ летучихъ изданій Лиги,

расходящихся во многомъ количествѣ экземпляровъ, весьма однообразно. «Мальтузіанскіе трактаты», которыхъ до нынѣ вышло болѣе десяти, представляютъ собой варіированіе на всѣ лады теоріи Мальтуса и критику тѣхъ ея положеній, которыя въ измѣненномъ видѣ проповѣдуются ново-мальтузіанцами. Къ такимъ изданіямъ принадлежатъ, напримѣръ, два трактата (№ 1 и № 2) президента общества д-ра Дриздэля: «Принципъ населенія» и «Борьба за сносное существованіе» [37]). Одинъ памфлетъ имѣетъ частью полемическій характеръ («Большія семейства и перенаселеніе» — того же Дриздэля) [38]), а именно содержитъ въ себѣ критику возраженій нѣкоего д-ра Раутса противъ ново-мальтузіанскихъ доктринъ. Наконецъ, два трактата имѣютъ спеціальное содержаніе, какъ на то указываютъ уже ихъ названія. № 4 д-ра Генри Артура Альбутта — «Зло, происходящее отъ излишняго дѣторожденія и продолжительнаго кормленія грудью» и № 10 извѣстной намъ Анны Безантъ «Соціальное значеніе мальтузіанства» [39]),

---

37) *Malthusian Tracts.* № 1. The Principle of Population by *C. R. Drysdale.* M. D.

№ 2. The Struggle for Existence, By *Drysdale.*

38) *Malthusian Tracts.* № 2. Large families and Over-population. By *C. Drysdale.*

39) *Malthusian Tracts.* № 4. Evils produced by Over-Child Bearing and Excessive Lactation. By *Henry Arthur Allbut.*

№ 10. The Social Aspects of Malthusianism by *Annie Besant.*

въ которой авторъ излагаетъ всѣ хорошія стороны, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи небольшихъ семействъ и наоборотъ всѣ невыгоды и все зло ихъ многочисленности.

Первые два года печатная дѣятельность лиги ограничивалась этими трактатами, продаваемыми по пенни, и т. п., «листками», leaflets, раздаваемыми даромъ и по своему содержанію представляющими исключительно заимствованіе или выдержки изъ разныхъ авторовъ по предметамъ, интереснымъ для цѣлей Лиги, каковъ, напр., листокъ № 1, отрывокъ изъ Дж. Ст. Милля о небольшихъ семействахъ, № 3, отрывокъ изъ Кэрнса о низкой заработной платѣ и перенаселеніи и т. д. [40]). Но когда средства общества расширились, а число членовъ увеличилось, Лига нашла необходимымъ завести свой постоянный органъ, и такимъ въ 1879 г. появился на свѣтъ ежемѣсячный журналъ, издаваемый до настоящаго времени, подъ названіемъ «Мальтузіанецъ. Крестовый походъ противъ бѣдности. Ежемѣсячный журналъ. Органъ Мальтузіанской Лиги» [41]).

Журналъ «Мальтузіанецъ» редактируется весьма живо и занимательно, соединяя въ себѣ какъ дѣятельность англійскихъ членовъ Лиги, такъ и картину

---

[40]) *Malthusian Leaflets.* № 1. J. Mill on Small Families. № 3. Low Wages and Over-Population, By Prof. Cairnes.

[41]) *The Maltusian.* A. Cruisade against Poverty. A monthly Journal. Organ of the Malthusian League.

мальтузіанскаго движенія за предѣлами Великобритании. Profession de foi журнала весьма обстоятельно выражено въ трехъ эпиграфахъ или мотто, печатаемыхъ въ заголовкѣ каждаго номера: 1-ое мотто: «Разумному существу предусмотрительныя препятствія къ размноженію населенія должны представляться столь же естественными, какъ препятствія, выражающіяся въ бѣдности и преждевременной смерти». Мальтусъ о народонаселеніи. — 2-ое мотто: «Очень мало улучшенія можно ожидать въ нравственности до тѣхъ поръ, пока не смотрятъ на большую плодовитость въ томъ же смыслѣ, какъ на пьянство или другой физическій излишекъ». Д. Ст. Милль, 1872. — 3-е мотто: «Нѣтъ сомнѣнія лучше имѣть тридцать пять милліоновъ человѣческихъ существъ, ведущихъ полезную, разумную жизнь, чѣмъ сорокъ милліоновъ, съ трудомъ борющихся за свое существованіе».

Для характеристики журнала «Мальтузіанецъ» приведемъ оглавленіе одного изъ его номеровъ, выхваченнаго случайно. № 19 (августъ 1880 года) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Эволюція и малыя семейства» (изложеніе лекціи д-ра Авелинга по данному вопросу, прочитанной въ лондонскомъ діалектическомъ обществѣ, и преній по поводу этого доклада. Въ строго мальтузіанскомъ духѣ). «Цэлибатъ націи» д-ра Дриздэля (длинная статья, которая тянется въ нѣсколькихъ номерахъ и старается доказать

весь вредъ для народныхъ интересовъ безбрачной жизни многихъ людей); лекція о бѣдности д-ра Альбутта; докладъ д-ра Дриздэля о низкой заработной платѣ въ засѣданіи Лиги (причемъ извѣстный книгопродавецъ Трюловъ произнесъ длинную рѣчь о важности для успѣховъ соціализма принятія ново-мальтузіанскаго ученія); отчетъ совѣта Лиги о ея дѣятельности за 1879—80 годъ; корреспонденція нѣкоего Кнута Викзеля изъ Упсалы о развитіи ново-мальтузіанскаго движенія въ Швеціи и различныя мелкія извѣстія.

По образцу этого номера, можно сказать, составлены всѣ остальные. Всѣ важныя текущія событія, каковы неурожаи, упадокъ заработной платы и т. д., всегда даютъ возможность членамъ Лиги выдвигать на сцену свой главный вопросъ и, такъ или иначе, объяснять современныя бѣдствія принципомъ населенія и настаивать на необходимости всеобщаго принятія основныхъ положеній, защищаемыхъ Лигой. Всякое сочиненіе, хотя бы имѣющее къ мальтузіанству весьма косвенное отношеніе, не проходитъ незамѣченнымъ; объ немъ дѣлаются доклады въ засѣданіяхъ Лиги, въ діалектическомъ обществѣ, на засѣданіяхъ нѣкоторыхъ медицинскихъ обществъ и уже во всякомъ случаѣ, появляется отчетъ или замѣтка о сочиненіи въ «Мальтузіанцѣ». Такъ, напримѣръ, въ іюльскомъ номерѣ этого журнала за тотъ же годъ, по поводу только-что вышедшаго

англійскаго перевода извѣстной книги Emile de Laveleye о первобытной собственности, появляется любопытная замѣтка о вопросѣ народонаселенія у насъ въ Россіи. «Мальтузіанецъ» относится первоначально, повидимому, довольно сочувственно къ нашей русской общинной системѣ землевладѣнія и отдаетъ ей извѣстную долю предпочтенія нетолько передъ англійской феодальной системой, но и передъ французской мелкой земельной собственностью; но, отдавая дань должной справедливости ея достоинствамъ, намъ хорошо извѣстнымъ, а потому и не требующимъ объясненія, журналъ уже съ точки зрѣнія партіи рѣшительно возстаетъ противъ наклонности, выказываемой Лавелэ считать русскую форму землевладѣнія панацеей противъ экономическихъ бѣдствій, снѣдающихъ Западную Европу. Со словъ какого-то славянофила, приводимыхъ Лавелэ (во главѣ III его сочиненія), «Мальтузіанецъ» указываетъ важность русскаго «міра» и общинной собственности для обезпеченія существованія его членовъ и изгнанія пролетаріата, столь развитаго на Западѣ, при иныхъ формахъ землевладѣнія. Тутъ «Мальтузіанецъ» сопоставляетъ эту выгоду общинной формы съ фактомъ, подмѣчаемымъ самимъ Лавелэ, а именно, что она отодвигаетъ всякое препятствіе къ увеличенію населенія и напротивъ даже какъ бы даетъ поощреніе или премію за размноженіе, такъ какъ всякій вновь появившійся на свѣтъ

членъ общины получаетъ право на свою долю въ общинномъ передѣлѣ земли. Понятно, что съ точки зрѣнія ново-мальтузіанца этотъ аргументъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Если размноженіе въ Россіи не встрѣчаетъ никакого затрудненія въ заботахъ родителей о будущемъ своихъ дѣтей, то нарожденіе должно совершаться крайне быстро. Рождаемость въ Россіи представляетъ весьма высокій процентъ. Въ каждой общинѣ съ теченіемъ времени многочисленность членовъ дѣлаетъ участки земли, приходящіеся на долю каждаго, болѣе и болѣе мелкими и недостаточными для прокормленія. Культура улучшается, между тѣмъ, крайне медленно; неразумный хищническій способъ обработки ведетъ во многихъ мѣстностяхъ обширнаго государства даже къ противному, т.-е. къ истощенію и ухудшенію земли, такъ что во многихъ мѣстахъ не хватаетъ ея даже на прежнее количество сочленовъ, не говоря уже о приростѣ. Несоразмѣрно огромное количество дѣтей умираетъ ежегодно, унося съ собой непроизводительно затраченный капиталъ и измѣняя къ невыгодѣ для страны возрастный составъ ея народонаселенія. При огромной плодовитости въ Россіи происходитъ огромная и смертность, и непродолжительная средняя жизнь; тогда какъ дѣтей въ Россіи родится, напримѣръ, среднимъ числомъ пять человѣкъ на бракъ, въ Англіи—всего четыре, а во Франціи—два съ дробью, взрослое производительное населеніе, прибавляющее

своимъ трудомъ нѣчто къ богатству страны, сравнительно, по ихъ мнѣнію, у насъ гораздо меньше, чѣмъ въ обоихъ западныхъ государствахъ и конечно ту страну нужно признать счастливѣй, гдѣ хотя и родится меньше, но за то и умираетъ значительно менѣе. Положительныя препятствія, такимъ образомъ, въ Россіи занимаютъ мѣсто, по мнѣнію мальтузіанцевъ, предупредительныхъ, ими рекомендуемыхъ, и общинная форма землевладѣнія отнюдь не является еще гарантіей, а при самыхъ лучшихъ условіяхъ лишь паліативомъ противъ нищеты. Въ самомъ дѣлѣ, какъ доказываютъ это они въ другомъ мѣстѣ, допустимъ, что русскіе крестьяне получатъ болѣе свободное передвиженіе по странѣ и земля разныхъ владѣній будетъ переходить въ руки общинъ. При лучшихъ экономическихъ отношеніяхъ, отсюда наступившихъ, браки и дѣторожденія, безъ того частые, получатъ еще бо̀льшій стимулъ. Лучшее обезпеченіе дѣтей съ увеличеніемъ общинныхъ земель временно уменьшитъ ихъ смертность, т.-е. опять приведетъ къ тому же, къ быстрому росту населенія со всѣми его бѣдственными послѣдствіями. Наконецъ, не нужно забывать, что какъ ни велика Россія, но тѣмъ не менѣе имѣетъ свои предѣлы, особенно относительно земель способныхъ для культуры, и слѣдовательно, чѣмъ быстрѣе ея населеніе множится, тѣмъ скорѣе для нея наступаетъ въ разныхъ частяхъ ея тотъ же неумолимый законъ ограниче-

нія населенія средствами существованія. «Что вопросъ о бѣдности, говоритъ «Мальтузіанецъ»:—во всякомъ европейскомъ государствѣ въ настоящее время составляетъ всецѣло вопросъ перенаселенія или избытка населенія, это легко можно видѣть на примѣрѣ Новой Зеландіи, гдѣ система землевладѣнія почти также дурна, какъ и въ Англіи, а между тѣмъ ничего подобнаго той бѣдности, которая имѣетъ мѣсто въ европейскихъ государствахъ, тамъ еще не слышно. Отсюда слѣдуетъ заключить, что если всякое движеніе къ улучшенію нашихъ несправедливыхъ феодальныхъ законовъ должно быть побуждаемо и одобряемо всѣми поклонниками свободы, равенства и братства, то тѣмъ болѣе существуетъ великая необходимость въ томъ, чтобы распространять (а понадобится, то и принуждать къ тому) признаніе важности строгаго ограниченія дѣторожденія во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя претендуютъ сколько-нибудь на именованіе цивилизованныхъ» [12]).

Весьма важное мѣсто въ «Мальтузіанцѣ» занимаютъ корреспонденціи изъ разныхъ частей свѣта, показывающія распространеніе ново-мальтузіанскихъ идей въ различныхъ націяхъ. Такъ, уже упомянутая корреспонденція изъ Швеціи Кнута Викзеля трактуетъ рефератъ, произнесенный однимъ студен-

[12]) «The Malthusian», № 18, July 1880, стр. 141.

томъ упсальскаго университета въ засѣданіи мѣстнаго «общества воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ», на тему, какія важнѣйшія причины невоздержности и какъ слѣдуетъ противъ нихъ бороться. Референтъ считаетъ важнѣйшей причиной пьянства для большинства мужчинъ отсутствіе домашняго очага, поздніе браки, болѣе и болѣе имѣющіе мѣсто въ Швеціи. Для образца онъ указываетъ на свой упсальскій университетъ и сильно развитое пьянство между его студентами, которые, будучи среднимъ числомъ двадцати пяти лѣтъ возрастомъ—сплошь холостяки и ищутъ развлеченія и забвенія, не имѣя радостей семейной жизни, въ свободное время, въ винѣ и попойкахъ. Средство вытекаетъ отсюда непосредственно: слѣдуетъ вступать ранѣе въ семейную жизнь, поступая согласно совѣтамъ, извѣстнымъ уже намъ, англійскихъ ново-мальтузіанцевъ. Ранніе браки-де, при такомъ условіи, непремѣнно поднимутъ нравственность молодежи, уменьшатъ борьбу съ бѣдностью для всего народа и распространятъ умѣренность и воздержаніе.

Въ томъ же родѣ, напримѣръ, корреспонденція изъ Мадраса въ № 35 «Мальтузіанца» за 1881 годъ. Большая статья по этому поводу описываетъ успѣхи ново мальтузіанскаго ученія въ Индустанѣ. Цѣлый кружокъ образованныхъ туземцевъ, органомъ которыхъ является журналъ «Philosophical Inquirer», усердно распространяетъ начала ново-мальтузіанской

школы между индійцами. «Мальтузіанецъ» сообщаетъ цѣлый рядъ статей, весьма бойко написанныхъ въ духѣ партіи и появившихся въ этомъ журналѣ, и особенно хвалитъ статью д-ра Найду, озаглавленную «Человѣческое счастіе и мальтузіанизмъ». Мало того, ново-мальтузіанскіе принципы подвергаются въ Индіи публичному обсужденію. Такъ, напримѣръ, въ Соціальномъ Клубѣ въ Секундерабадѣ другой туземецъ, нѣкто Веногупалъ Пилей подробно развивалъ теорію Мальтуса, доказывалъ ея важность по отношенію къ индійскимъ условіямъ народной жизни и подвергалъ рѣзкой критикѣ ученіе Ману́, поощряющее всѣми мѣрами дѣторожденіе. Согласно этому закону, напримѣръ, родители, приводитъ онъ любопытный фактъ, которые не позаботились при наступленіи зрѣлости своей дочери найти ей мужа, приравниваются и считаются какъ человѣко-убійцы, вытравители плода...

Также часто встрѣчаются корреспонденціи объ успѣхахъ или дѣятельности ново-мальтузіанцевъ и въ другихъ странахъ свѣта, въ Италіи, Голландіи, Америкѣ и т. д. Но наилучшій пріемъ ново-мальтузіанскія мнѣнія встрѣчаютъ, повидимому, въ современной Голландіи. Герритсенъ (Gerritsen) и фанъ-Гутенъ (van-Houten), членъ нидерландскаго парламента, дѣятельно пропагандируютъ тамъ мальтузіанизмъ. Успѣхи этой пропаганды, нужно думать, настолько велики, что привлекаютъ всеобщее внима-

ніе. Косвеннымъ доказательствомъ этому служитъ появленіе тамъ въ 1880 году сатирическаго произведенія, написаннаго нѣкіимъ де-Веръ (de-Veer), «Malthusia», гдѣ авторъ, прикрываясь фабулой путешествія въ страну этого имени, осмѣиваетъ знакомые намъ принципы ново-мальтузіанства. Мало того, публичное обсужденіе этихъ принциповъ въ Голландіи нетолько не встрѣчаетъ противодѣйствія, подобно тому какъ въ Англіи, но даже, по словамъ одной корреспонденціи, напечатанной въ «Мальтузіанцѣ», начальникъ полиціи одного изъ крупныхъ городовъ этой страны—будто бы столь ревностный приверженецъ идей ново-мальтузіанцевъ, что закупилъ множество экземпляровъ журнала «Мальтузіанецъ» и распространялъ его между своими подчиненными (!!!) [43]).

Вообще нельзя не сознаться, помимо всѣхъ этихъ увѣреній корреспондентовъ оффиціальнаго органа мальтузіанцевъ, что партія ихъ ростетъ замѣтно во всѣхъ странахъ Европы, а ихъ мнѣнія находятъ себѣ все болѣе и болѣе защитниковъ. Франція, напримѣръ, гдѣ эти мнѣнія получили уже давно практическую подкладку и осуществились вѣроятно больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, исключая, можетъ быть, Америки, считаетъ не мало мальтузіанцевъ даже въ числѣ своихъ ученыхъ: не говоря о

---

43) «The Malthusian», № 20. Sept. 1880, стр. 159.

старомъ экономистѣ Жозефѣ Гарнье, который еще во время оно состязался по вопросу о «супружескомъ благоразуміи» съ Прудономъ, его извѣстнымъ противникомъ, современный намъ знаменитый французскій статистикъ Бертиліонъ, повидимому, одинаково рѣшительно примыкаетъ по воззрѣніямъ къ ново-мальтузіанской партіи [41]). Сильное распространеніе наклонности французскихъ родителей ограничивать свои семейства неоднократно, между прочимъ, тревожило общественное мнѣніе и привлекало вниманіе французскаго духовенства, которое пользуется большимъ вліяніемъ на женскую часть населенія страны. Нѣкто д-ръ Фридрихъ въ своемъ любопытномъ сборникѣ «Documenta ad illustrandum Vaticanum Concilium» въ 1870 году помѣщаетъ, между прочимъ, весьма любопытную, если только не вымышленную петицію одного французскаго священника, сопровождаемую подробнымъ изложеніемъ мотивовъ, объ отмѣнѣ постановленій католической церкви, направленныхъ противъ правилъ «супружескаго благоразумія» (!...).

Въ Италіи ревностнымъ сторонникомъ ново-мальтузіанскаго ученія является д-ръ Паоло Мантегацца, сенаторъ и профессоръ антропологіи въ Флорентин-

---

41) См. Dictionnaire Encyclopédique des Sciences Médicales. Vol. V, 1872. Sect. 2. Art. Hygiène matrimoniale par le D-r *Bertillon*. Стр. 106; а также «Saturday Review». On French Families. Апр. 26-го, 1877 года.

скомъ университетѣ. Въ своемъ сочиненіи Elementi d'Igiene и Igiene dell'amore, а равно и въ журнальныхъ статьяхъ онъ проповѣдуетъ, между прочимъ, на всѣ лады, начиная еще съ 1864 года, принципы ново-мальтузіанства, формулируя ихъ въ одномъ афоризмѣ, получившемъ нынѣ широкую извѣстность по всей Италіи: «Amate, ma non generate!»

Въ Германіи это движеніе, видимо, также растетъ, и не проходитъ почти года, чтобы не появлялось сочиненій (по бо́льшей части брошюръ) въ духѣ партіи. Здѣсь главными представителями движенія служатъ д-ръ Отто Захаріасъ, членъ лондонской Мальтузіанской Лиги [45]) и д-ръ Штилле [46]) въ Ганноверѣ, извѣстный намъ вице-президентъ Лиги. Послѣдній, между прочимъ, въ своемъ сочиненіи «О ново-мальтузіанствѣ» даетъ обстоятельный отчетъ (см. стр. 97) о международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ (отъ 8-го по 13-е сентября 1879 г.), гдѣ присутствовало множество мальтузіанцевъ-врачей разныхъ націй, открыто читались и дебатировались доклады въ духѣ новой партіи и выражалось

[45]) Die Bevölkerungsfrage in ihrer Beziehung su den socialen Nothständen der Gegenwart. Von D-r. *Otto Zacharias*. 1880.

Die Gefährdung der socialen Wohlfahrt durch die zu frühen Eheschliessungen der Besitzlosen. 1880.

[46]) Die Bevölkerungsfrage in ihrer Beziehung zu den socialen Verhältnissen. 2 Auflage.

неоднократно полное сочувствіе собранія къ дѣятельности ново-мальтузіанцевъ и всѣмъ ихъ идеямъ. Наконецъ, въ нѣмецкой литературѣ появилось въ 1880 году важное мальтузіанское произведеніе: «Вліяніе увеличенія населенія на прогрессъ общества» д-ра Карла Каутскаго [17]), безспорно, самаго талантливаго ученаго изъ современныхъ сторонниковъ этого ученія, а также и весьма ловкаго критика извѣстнаго разбора Мальтусовой теоріи русскаго переводчика «Политической экономіи» Д. С. Милля [18]).

Въ заключеніе этого перечня успѣховъ, которые дѣлаетъ возрожденное мальтузіанство въ разныхъ странахъ Европы, мы должны добавить, что собственно въ Англіи быстрое развитіе и распространеніе его идей замѣтно начинаетъ уже тревожить общественное мнѣніе и вызывать протесты. Внѣшнимъ выраженіемъ ихъ служатъ, между прочимъ, процессы, подобные упомянутымъ въ первой главѣ, а также спеціальные митинги, осуждающіе ново-мальтузіанство, и появленіе статей и брошюръ въ этомъ же направленіи. Изъ послѣднихъ, нѣкоторый успѣхъ имѣла одна брошюра д-ра Раутса (выдержала два изданія), первоначально доложенная въ Британ-

---

[17]) Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft untersucht von *Karl Kautsky*. Wien, 1880.

[18]) См. «La Revue Socialiste», Organe Bi-Mensuel de la Science Sociale, 1880, №№ 10, et 11: «Tchernichewsky et Malthus» par *Kautsky*.

ской Ассоціаціи Врачей, возбудившая тамъ большія пренія и напечатанная въ медицинскомъ журналѣ «The Medical Press and Circular». Долгъ безпристрастія вынуждаетъ, однако, сознаться, что и эта наилучшая вещь, написанная противъ ново-мальтузіанцевъ, весьма слаба и поверхностна и авторъ нетолько не успѣлъ опровергнуть главнѣйшихъ аргументовъ своихъ противниковъ въ пользу «предупредительныхъ мѣръ», но даже былъ такъ неловокъ, что подсказалъ имъ еще одну новую, а въ концѣ-концовъ свелъ все свое возраженіе на признаніе одного изъ главнѣйшихъ способовъ супружескаго благоразумія» [49])!...

Обозрѣвая все до сихъ поръ нами высказанное по исторіи литературы возрожденнаго мальтузіанства, читая ихъ мрачныя пророчества печальнаго и близкаго будущаго для всего человѣчества, если оно только не поспѣшитъ воспользоваться ихъ совѣтами

---

[49]) The Moral and Physical Evils Likely to Follow if Practices Intended to Act as Checks to Population be not strongly Discouraged and Condemned. By *C. H. F. Routh*, M. D. London, 1879. См., напримѣръ, стр. 11, 12 и 21. Также см. французскаго противника ново-мальтузіанцевъ: „Des Fraudes dans L'Accomplissement des Fonctions Génératrices". Par *S. F. G. Bergeret*, Medecin en Chef de Hopital d'Ardois-Imas. Paris, 1877.

и не уменьшитъ избытка населенія съ помощью рекомендуемыхъ ими «предупредительныхъ мѣръ», которыя, нѣтъ сомнѣнія, возмущаютъ и претятъ естественному чувству многихъ нашихъ читателей. сознавая, наконецъ, что это движеніе человѣческой мысли въ вопросѣ народонаселенія, какъ оно ни дико, тѣмъ не менѣе, ростетъ и все болѣе развивается по всей Европѣ—приходишь въ невольное удивленіе и грустное недоумѣніе. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такъ велика для человѣчества опасность отъ его размноженія, какъ они предсказываютъ? Неужели ново-мальтузіанцы всѣ одинаково искренно вѣруютъ въ то, что̀ проповѣдуютъ, руководствуясь исключительно стремленіемъ къ благу человѣчества? Неужели, въ заключеніе, не существуетъ никакого иного исхода изъ бѣдствій, создаваемыхъ перенаселеніемъ, кромѣ средствъ ими рекомендуемыхъ?

Въ искренности большинства современныхъ проповѣдниковъ мальтузіанства, повидимому, нельзя сомнѣваться. Достаточно уже вспомнить, что многіе изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, выступая съ своею проповѣдью въ странѣ столь крѣпкой своими предразсудками, какъ Англія, съ общественнымъ мнѣніемъ, карающимъ все, что нереспектабельно (what is not respectable), рискуютъ слишкомъ многимъ въ ихъ общественномъ положеніи, а тѣмъ подтверждаютъ и свою искренность. Въ то же время, однако, вчитываясь между строкъ у ново-мальтузіанцевъ и

прислушиваясь на ихъ митингахъ, невольно получаешь сомнѣніе въ качествѣ тѣхъ мотивовъ, которыми они руководствуются въ своей горячей пропагандѣ «супружескаго благоразумія» для счастія человѣчества. Если въ другихъ странахъ Европы къ ново-мальтузіанской партіи принадлежатъ лица самаго разнообразнаго и виднаго общественнаго положенія, какъ депутаты, члены парламента, сенаторы и даже одинъ бывшій министръ (въ Голландіи), то, по крайней мѣрѣ, въ Англіи ново-мальтузіанство свило себѣ гнѣздо преимущественно въ кружкахъ радикальныхъ и демократическихъ и Брадло, Безантъ, Голіокъ и т. п. стоятъ, повидимому, очень далеко отъ заурядныхъ интересовъ средняго и высшаго класса Англіи, почему нѣкоторые противники прямо приписываютъ даже происхожденіе мальтузіанства соціализму. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ основанія согласиться съ такимъ утвержденіемъ и приходится даже убѣдиться въ томъ, что приверженцы мальтузіанства далеко не такъ близко принимаютъ къ сердцу собственно общественные интересы работающихъ бѣдняковъ, какъ по составу Лиги въ Англіи, по крайней мѣрѣ, мы имѣли бы право ожидать.

Всѣмъ извѣстна реакціонная тенденція и значеніе выхода въ свѣтъ книги Мальтуса въ свое время, на что указывалъ, между прочимъ, какъ мы видѣли, и Роб. Дэль-Оуэнъ въ своей «Нравственной Физіологіи»; этой тенденціей частью объясняется и громад-

ный ея успѣхъ, по крайней мѣрѣ, первоначально. Въ то же самое время и въ сочиненіяхъ перечисленныхъ ново-мальтузіанцевъ (кромѣ Оуэна), несмотря на весь ихъ радикализмъ въ англійскомъ смыслѣ, бѣлой ниткой проглядываетъ то же самое буржуазное пренебреженіе и недовѣріе къ попыткамъ рабочихъ классовъ, такъ или иначе организовать борьбу съ невыгодными для нихъ сторонами существующаго экономическаго строя. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ, можетъ быть, искреннихъ людей изъ нихъ, «докторъ медицины», авторъ «Соціальной науки», при всемъ своемъ восхваленіи и заигрываніи съ устройствомъ ассоціацій, неоднократно тамъ и сямъ выражается противъ рабочихъ союзовъ (Trades Unions), не говоря уже о государственномъ вмѣшательствѣ: а все это не болѣе, какъ пустыя мечты», и «рабочіе, по его мнѣнію, держатъ свою судьбу въ ихъ собственныхъ рукахъ», и далѣе, «рабочіе должны бы вовсе не слушать тѣхъ предложеній, которыя не основаны на законѣ народонаселенія» (!) [50]). Примѣровъ подобнаго же отношенія и другихъ ново-мальтузіанцевъ можно было бы найти сколько угодно: упомянутый уже нами однажды нѣкто Пэджъ прямо, напримѣръ, протестуетъ, и весьма рѣзко, противъ мысли хотя бы отчасти приписать существующія бѣдствія низшихъ классовъ экономическимъ анома-

---

[50]) „Соціальная наука“, стр. 347.

ліямъ современнаго строя [51]). Но мало того, большинство ново-мальтузіанцевъ въ ихъ экономическихъ воззрѣніяхъ еще болѣе поверхностны, нежели «докторъ медицины», авторъ «Соціальной науки» и потому безпрестанно даже отступаютъ отъ главныхъ идей своей партіи, по недоразумѣнію или умышленно. Не говоря уже здѣсь о нѣмецкихъ ново-мальтузіанцахъ, изъ которыхъ, напримѣръ, д-ръ Захаріасъ такъ плохо понимаетъ принципы Мальтузіанской Лиги, которой состоитъ членомъ, что до сихъ поръ считаетъ ранніе браки неимущихъ главною опасностью для соціальнаго блага [52]), англійскіе члены партіи не проводятъ должной логической грани между своими воззрѣніями и Мальтуса и, взявши новую исходную точку, повторяютъ, однако, его устарѣвшія заблужденія. По мнѣнію именно «доктора медицины», повторяемому и многими его сторонниками, главное заблужденіе Мальтуса относительно вступленія въ бракъ и дѣторожденія состояло въ его утвержденіи, что никто не долженъ производить на свѣтъ дѣтей, которыхъ *онъ не въ состояніи содержать*, т.-е. вся тяжесть исполненія этой отрицательной обязанности ложится цѣликомъ на бѣдный и рабочій классъ: бо-

---

[51]) Malthusian Tract № 8: „The Cause of Poverty“ by *J. K. Page*.

[52]) Die Gefährdung der socialen Wohlfahrt durch die zu frühen Eheschlissungen der Besitzlosen. Von D-r *Otto Zacharias*. 1880.

гатые свободно множатся, какъ угодно. Авторъ «Соціальной науки» справедливо возстаетъ противъ такой формулировки его главнаго положенія, стремится распространить данную обязанность одинаково на всѣхъ, не пріурочивая ея къ индивидуальному благосостоянію, и самый неуспѣхъ совѣтовъ Мальтуса видитъ именно въ ошибочной постановкѣ вопроса [53]). Что же мы видимъ у нѣкоторыхъ мальтузіанцевъ? Остинъ Голіокъ, напримѣръ, въ уже цитованной нами брошюрѣ о большихъ и малыхъ семействахъ и братъ его Джорджъ Голіокъ, считаемый соціалистомъ, съ крайне характернымъ безсердечіемъ относятся къ *бѣдняку*, дерзающему имѣть большое семейство, приравнивая его къ негодяю, а радикалка Безантъ совѣтуетъ читателямъ своихъ произведеній смотрѣть на своего *бѣднаго* сосѣда съ большой семьей, какъ на преступника противъ общества!!!

Такимъ образомъ, изслѣдуя общіе универсальные законы развитія человѣчества въ связи съ его размноженіемъ, ново-мальтузіанцы, при обсужденіи практическаго примѣненія своихъ идей, кромѣ Оуэна и отчасти «д-ра медицины», возлагаютъ обязанность блюсти за умѣреннымъ размноженіемъ почти исключительно на бѣдную часть населенія. При этомъ они, постоянно указывая рабочимъ и бѣднякамъ на то, что судьба-де ихъ находится въ ихъ собственныхъ

---

[53]) „Соц. науки", стр. 327.

рукахъ, съ крайнею односторонностью выставляютъ имъ, однако, лишь способы чисто *индивидуальнаго* характера, относясь съ недовѣріемъ и даже прямо отрицательно къ расширенію *общественной* дѣятельности рабочихъ въ смыслѣ измѣненія нынѣшнихъ экономическихъ отношеній. Всѣ ново-мальтузіанцы въ своемъ трактованіи вопроса о народонаселеніи имѣютъ исходной точкой исключительно существующій экономическій строй и притомъ только въ Англіи: увеличеніе заработной платы рабочаго является въ ихъ глазахъ единственнымъ средствомъ улучшенія его положенія; иного порядка вещей они не знаютъ и не желаютъ предполагать.

Что касается до достоинства или вѣрности основного положенія ученія Мальтуса, что народонаселеніе всегда имѣетъ тенденцію рости быстрѣе средствъ существованія, то это является столь сложнымъ, многостороннимъ вопросомъ, изслѣдованію котораго вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ посвящено было такое множество силъ и талантовъ, что стараться рѣшать его здѣсь значило бы далеко выходить изъ предѣловъ настоящей журнальной статьи. До сихъ поръ еще одно даже поверхностное разсмотрѣніе этого вопроса могло бы составить собой обширный трудъ; поэтому мы ограничимся лишь однимъ бѣглымъ замѣчаніемъ, составляющимъ по данному вопросу послѣднее слово науки. Уже упомянутый нами Карлъ Каутскій, сопоставляя въ своемъ превосходномъ

произведеніи «О вліяніи народонаселенія» массу статистическихъ данныхъ изъ разныхъ странъ Европы, приходитъ къ заключенію, что упомянутая тенденція отнюдь не существуетъ *всегда*, а измѣняется смотря по странамъ и по времени. Въ странахъ «новыхъ», въ которыхъ еще лежатъ въ пустѣ обширные куски лучшей земли, какъ въ Америкѣ, въ Россіи, а также восточныхъ придунайскихъ странахъ, возрастаніе народонаселенія всегда ведетъ за собой соотвѣтственно болѣе легкое производство жизненныхъ средствъ, а доходъ съ земли ростетъ быстрѣе, нежели употребленный трудъ. Напротивъ, въ «старыхъ» странахъ, гдѣ почти всѣ хорошія земли находятся подъ культурой, какъ въ Англіи, Франціи, Германіи, доходъ съ земли уменьшается въ отношеніи къ употребленной работѣ: здѣсь возростаніе этого дохода возможно лишь черезъ переходъ къ высшимъ формамъ хозяйства; такимъ образомъ законъ Мальтуса имѣетъ наиболѣе серьёзное и общее значеніе лишь для Западной Европы и притомъ по стольку, по скольку въ ней быстро происходитъ развитіе сельско-хозяйственной культуры и измѣненіе формъ всей экономической жизни къ благу цѣлаго народа.

Очевидно, слѣдовательно, что однимъ вопросомъ народонаселенія отнюдь не ограничиваются, какъ въ ихъ слѣпомъ увлеченіи стараются увѣрить новомальтузіанцы, необходимыя мѣры для уменьшенія

пауперизма со всѣми его печальными послѣдствіями. Политическія и особенно хозяйственныя формы имѣютъ здѣсь нетолько одинаковое, но даже несравненно бо́льшее значеніе, какъ на это и указывалъ наиболѣе даровитый и широко образованный изъ мальтузіанцевъ, Робертъ Дэль-Оуэнъ. Безъ измѣненія во многихъ случаяхъ этихъ двухъ факторовъ, народонаселеніе можетъ нетолько не увеличиваться, но даже падать, а бѣдственное положеніе его все-таки не уменьшится. Краснорѣчивымъ примѣромъ можетъ служить Ирландія, въ которой много разъ и различнымъ образомъ народонаселеніе количественно измѣнялось, безъ всякаго замѣтнаго улучшенія въ положеніи народа. Въ 1801 году, напримѣръ, въ Ирландіи считалось неселенія 5.395,456, въ 1821 году—6.801,827 и, наконецъ, въ 1841 году населеніе дошло до 8.175,124 и въ то же время бѣдность возростала crescendo, дѣйствительно какъ бы давая живое доказательство справедливости ученія Мальтуса, на что и не преминули ссылаться многіе экономисты, клонящіеся къ признанію этой теоріи. Начиная съ послѣдняго указаннаго года, населеніе начинаетъ быстро падать, отчасти отъ вымиранія, отчасти отъ эмиграціи, такъ что въ 1851 году уже составляло 6.552,385, а въ 1871 году—всего лишь 5.411,416. Слѣдуя тому же ученію, должно было бы ожидать естественно, что бо́льшее количество продуктовъ придется на каждую голову населенія

или, иными словами, экономическое положеніе ирландцевъ улучшится. Но увы! какъ всѣмъ хорошо извѣстно, Ирландія до сихъ поръ составляетъ классическую страну нищеты и дошла въ настоящее время почти до соціальной, вслѣдствіе этого, революціи. Количество обработываемой земли страшно упало на многія сотни тысячъ десятинъ и въ 1867 году, напримѣръ, по вычисленію д-ра Лайона Плэйфера, Ирландія производила почти на цѣлыхъ весемь милліоновъ квартеровъ хлѣба менѣе, нежели за двадцать лѣтъ передъ этимъ; а если къ этому прибавить уменьшеніе также ея скотоводства, то, по разсчету того же изслѣдователя, въ Ирландіи уменьшилось производство пищи въ количествѣ, потребномъ для прокормленія 1.900,000 человѣкъ [51])! Отсюда видно, что вліяніе другихъ факторовъ даже въ странѣ, въ остальныхъ условіяхъ близко подходящей къ Англіи, можетъ совершенно видоизмѣнить дѣйствіе закона Мальтуса..

Если предположить по этому, что всѣ условія, желательныя по рецепту ново-мальтузіанцевъ, осуществлены въ какой-либо странѣ, напримѣръ, хоть въ той же Англіи, т.-е. населеніе стоитъ почти неподвижно, а земледѣліе дѣлаетъ огромные успѣхи, то и тогда, въ случаѣ продолженія дѣйствія существу-

---

[51]) Sir Alexander Grant. Recess Studies. 1870, VI. On the Declining Production of Human Food by D-r *Lyon Playfair*, p. 255—258.

ющаго экономическаго порядка, положеніе народа въ цѣломъ значительно не улучшится: весь строй ведетъ къ тому, что лишнія руки безпрестанно выбрасываются съ рынка и слѣдовательно являются лишніе рты; каждая вновь изобрѣтенная машина или расширеніе ея примѣненія лишаетъ многихъ людей заработка. Кромѣ того, что машина замѣняетъ человѣческій трудъ, она, по своему свойству, болѣе и болѣе расширяетъ возможность замѣны труда взрослаго рабочаго трудомъ дѣтскимъ и такимъ образомъ на рабочій классъ, какъ бы ни увѣряли гармонисты въ противномъ, машина дѣйствуетъ репрессивно въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, вообще уменьшая заработокъ, во-вторыхъ, спеціально заработокъ взрослыхъ и слѣдовательно ухудшая весьма значительно общее экономическое положеніе.

Въ заключеніе справедливость требуетъ однако сказать, что если ново-мальтузіанцы заходятъ слишкомъ далеко въ своемъ исключительномъ преклоненіи передъ принципомъ населенія, то въ свою очередь было бы не меньшею крайностью отрицать чуть не всякое его соціальное значеніе, какъ это дѣлали нѣкоторые противники Мальтуса. До сихъ поръ не только не опровергнуто, но даже получаетъ день ото дня все большее подтвержденіе то, напримѣръ, положеніе Мальтуса, что всякое замѣтное улучшеніе въ состояніи народа непремѣнно усиливаетъ его размноженіе; всякій знаетъ извѣстный фактъ, что года

урожая, промышленнаго оживленія совпадаютъ съ увеличеннымъ количествомъ браковъ, а черезъ годъ— и рожденій; напротивъ, года неурожая и кризисовъ даютъ наименьшее число бракосочитаній. Мало того, великія политическія реформы или событія, какъ извѣстно, также отражаются на возрастаніи браковъ и рожденій, какъ у насъ 1861 г., а во Франціи— 1848. Вліяніе же роста населенія страны на все ея народное хозяйство—несомнѣнно.

Такимъ образомъ, хотя возрожденное мальтузіанство и не имѣетъ, конечно, далеко той огромной важности для рѣшенія будущей судьбы человѣчества, какую ему придаютъ его приверженцы, но нѣтъ сомнѣнія сохранитъ за собою извѣстную долю индивидуальнаго значенія (т.-е. для отдѣльныхъ личностей), и главнѣйшее заблужденіе-то ново-мальтузіанцевъ заключается въ томъ, что они слишкомъ торопятся обобщать и частное, индивидуальное правило возводятъ на степень общаго, универсальнаго закона. Во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что крайне желательна дальнѣйшая разносторонняя и свободная разработка поставленныхъ ими вопросовъ и бо̀льшее участіе въ ней компетентныхъ спеціалистовъ, которые поставили бы обсужденіе вопроса о народонаселеніи, по возможности, на болѣе серьозную, научную почву.

Свободная торговля и покровительственная система, Г. Фосетта.

(*Henry Fawcett*: Free-Trade and Protection. An Inquiry into the Causes which have retarded the General Adoption of Free-Trade since it's Introduction into England. London. 1878) [1]).

Послѣ смерти Д. С. Милля и Кернса, Генри Фосеттъ остался въ Англіи безспорно самымъ крупнымъ представителемъ науки народнаго хозяйства. Изъ современниковъ рядомъ съ нимъ (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ, и выше) можно поставить только одного Клиффъ Лесли, профессора Лондонскаго университета, который, къ сожалѣнію, мало пишетъ [2]). Съ блестящимъ даромъ изложенія, съ замѣчательной ясностью и простотой языка, напоми-

---

[1]) Статья была помѣщена въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній", В. П. Безобразова, томъ VII, 1879 г.

[2]) Съ тѣхъ поръ уже умеръ.

нающей его живую парламентскую рѣчь, Генри Фосеттъ соединяетъ въ своихъ трудахъ добросовѣстность изслѣдованія, большую ловкость аргументаціи, значительную свободу мысли и отсутствіе національныхъ предразсудковъ, столь свойственныхъ большей части англійскихъ изслѣдователей въ области политическихъ и общественныхъ наукъ. Но вмѣстѣ съ этими неоспоримыми достоинствами, общими съ Д. С. Миллемъ, Фосеттъ обладаетъ также, нельзя не сознаться, и нѣкоторыми крупными недостатками. Первый и важнѣйшій изъ нихъ (нечуждый большинству англійскихъ экономистовъ) состоитъ въ склонности къ слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніямъ: весьма нерѣдко достаточно двухъ, трехъ случайныхъ и даже только по внѣшности сходныхъ фактовъ изъ экономической исторіи Англіи, дабы Фосеттъ тотчасъ построилъ общій выводъ, имѣющій широкое приложеніе какъ къ Англіи, такъ и къ любой странѣ Европы. Второй недостатокъ, замѣчаемый въ его трудахъ, заключается въ нерѣдкихъ противорѣчіяхъ самихъ выводовъ изъ однородныхъ фактовъ, это—благодаря столкновенію его альтруистическихъ стремленій съ требованіями строгой науки, которой онъ служитъ представителемъ. Еще третій упрекъ, который можно сдѣлать Фосетту, заключается въ игнорированіи иностранной научной литературы по разбираемымъ вопросамъ и далеко не полномъ знаніи своей собственной—англійской, что особенно поражаетъ при

сравненіи, впрочемъ, большей части англійскихъ изслѣдованій съ соотвѣтственными нѣмецкими [3]).

Одинаковыя достоинства и недостатки можно найти и въ новомъ сочиненіи Фосетта «О свободной торговлѣ и покровительственной системѣ» (передѣланный и дополненный курсъ его лекцій, читанныхъ въ Кембриджскомъ университетѣ зимой 1877—78). Цѣль этого сочиненія двоякая. Какъ извѣстно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ Великобританія страдаетъ подъ тягостью промышленнаго и торговаго кризиса: сбытъ ея мануфактурныхъ продуктовъ на многихъ рынкахъ ограниченъ, и вывозъ сравнительно съ ввозомъ уменьшился. Между тѣмъ, многія отрасли производства не уменьшали своей дѣятельности сообразно съ упадкомъ спроса; а послѣдствіемъ этого явилось переполненіе внутренняго рынка продуктами (особенно въ важнѣйшихъ производствахъ, какъ каменноугольное, хлопчатобумажное и желѣзное) и упадокъ цѣнъ; многія промышленныя учрежденія были вынуждены, или прекратить свою дѣятельность, или по меньшей мѣрѣ ограничить ея размѣры. Отсюда возникли обык-

3) Послѣдній недостатокъ почти извиняется чисто субъективною причиною: какъ извѣстно, Фосеттъ слѣпъ уже много лѣтъ и читаетъ и вообще слѣдитъ за наукой только съ помощью секретаря и своей замѣчательной жены M-rs Milligent Garrett Fawcett—довольно извѣстной въ публицистикѣ и наукѣ своими популярными учебниками политической экономіи.

новенныя неблагопріятныя условія для матерьяльнаго существованія массы народа: уменьшеніе во многихъ отрасляхъ мануфактуры, также и въ земледѣліи, заработной платы, стачки рабочихъ и забастовки хозяевъ (lockout); въ хлопчатобумажныхъ округахъ, какъ извѣстно, дѣло дошло даже до волненій и серьёзныхъ безпорядковъ. Вообще, въ народѣ развилось большое недовольство настоящимъ экономическимъ положеніемъ и отовсюду слышатся жалобы на существующую экономическую политику страны. Но мало того. Уже давно въ Англіи прекратились всякіе споры и разсужденія о протекціонизмѣ, какъ средствѣ для поднятія внутренней промышленности; вопросъ, казалось, былъ рѣшенъ безповоротно теоріей и практикой въ пользу свободной торговли; всякое заявленіе въ противномъ смыслѣ со стороны какой-либо спеціальной мануфактуры, тѣснимой иностранной конкуренціей, казалось диссонансомъ въ общемъ хорѣ. Но вотъ, подъ давленіемъ кризиса и недовольства народа опять выдвинулась на свѣтъ старая покровительственная теорія, требующая возстановленія протективныхъ таможенныхъ пошлинъ на многіе ввозные продукты, или подъ прямымъ предлогомъ поощренія собственной промышленности, или же какъ возмездіе (реторсія) иностранцамъ за сохраненіе ими покровительственной системы въ противность англійскимъ интерессамъ. Въ этомъ смыслѣ уже появилось за послѣднія десять лѣтъ не мало

брошюръ со стороны торговыхъ камеръ различныхъ городовъ Великобританіи [4]).

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и была написана книга Фосетта съ двоякою цѣлью: во-первыхъ—успокоить общественное мнѣніе Великобританіи, встревоженное этимъ продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ страны и невыгоднымъ, повидимому, торговымъ балансомъ въ связи съ принятой политикой свободной торговли. Явились пессимисты, которые доказываютъ скорый и полный коммерческій упадокъ Англіи, утверждая, что она достигла высшей кульминаціонной точки своего развитія въ этомъ отношеніи и нынѣ склоняется быстро къ разрушенію [5]). Другая цѣль его труда заключается въ оппозиціи тѣмъ изъ нихъ, которые стремятся къ реторсіямъ съ помощью таможеннаго тарифа и желаютъ вернуть Англію къ покровительственной системѣ. Фоссеттъ весьма убѣдительно доказываетъ всю опасность и рискованность такого возвращенія къ разъ брошенной системѣ для настоящихъ интересовъ страны.

Такимъ образомъ, новое сочиненіе Генри Фосетта

---

[4]) Указанія на эту литературу можно найти нынѣ въ моей книгѣ „Англійская Свободная Торговля“, второй выпускъ, 1882 года.

[5]) Образцомъ можетъ служить сочиненіе, появившееся въ 1878 году: *J. Wilson* The Resources of Modern Countries. London, 1878. 2 vols.

имѣетъ болѣе публицистическое, нежели научное значеніе; онъ не ищетъ своимъ изслѣдованіемъ безпристрастнаго разрѣшенія какого-либо спорнаго вопроса, но наоборотъ, разъ предрѣшивши его, старается только подобрать наилучшій запасъ аргументовъ для наибольшаго убѣжденія публики въ этихъ предвзятыхъ положеніяхъ, излагая свои доказательства въ возможно изящной, легкой и общедоступной формѣ. Нельзя при этомъ сказать, чтобы Фоссеттъ обѣ поставленныя имъ цѣли разрѣшалъ одинаково удовлетворительно: такъ, довольно слабо и по моему мнѣнію, ненаучно онъ выполнилъ первую указанную задачу — опроверженіе пессимизма относительно современнаго промышленно-торговаго упадка Англіи въ связи съ принятой ею политикой свободной торговли. Какъ извѣстно, эта политика Великобританіи до сихъ поръ является односторонней, такъ какъ другія государства отвѣчаютъ ей въ большей или меньшей мѣрѣ покровительственными тарифами и довольно медленно измѣняютъ въ этомъ случаѣ свою политику. Это явленіе Фосеттъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Англія, разсуждаетъ онъ, опередила въ принятіи началъ свободной торговли всѣ прочія государства Европы по той простой причинѣ, что въ ней главная тягость покровительственной системы была направлена на земледѣліе, т.-е. увеличивала цѣну хлѣба и вообще пищи народа; между тѣмъ, въ другихъ странахъ протекціонизмъ

касается почти исключительно мануфактурныхъ продуктовъ, почему его тягость чувствуется народомъ далеко не въ такой степени сильно. Другими словами—голодъ, самый сильный въ мірѣ стимулъ, далъ въ Англіи побѣду принципамъ свободной торговли и привелъ къ уничтоженію покровительственной системы; въ остальной же Европѣ, при земледѣльческомъ характерѣ государствъ и отсутствіи ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, этотъ стимулъ не существуетъ. Кромѣ того есть еще и другое обстоятельство, которое задерживаетъ въ Европѣ и Америкѣ прогрессъ свободной торговли: уничтоженіе покровительственной системы приноситъ большія потери и лишенія рабочимъ, имѣющимъ занятіе въ тѣхъ отрасляхъ мануфактуры, которыя возникли подъ вліяніемъ покровительства. Въ этомъ случаѣ, по словамъ Фосетта, уничтоженіе покровительственнаго тарифа, по своимъ послѣдствіямъ, крайне аналогично съ введеніемъ машинъ въ такое производство, которое прежде велось ручнымъ трудомъ. Масса рабочихъ, благодаря этому, терпитъ временно нужду, лишаясь работы и прежняго заработка: это соображеніе задерживаетъ вездѣ реформы тарифа. Но кромѣ того, для британскихъ колоній, изъ которыхъ многія, какъ извѣстно, приняли въ послѣднее время покровительственную систему, существуютъ также свои спеціальныя причины. Во-первыхъ «колоніальные протекціонисты», говоритъ Фосеттъ получили значитель-

ное поощреніе въ мнѣніи одного знаменитаго экономиста (Д. С. Милля), по которому покровительственныя пошлины съ цѣлью пробужденія новой отрасли промышленности оправдываются какъ временный экспериментъ». Сверхъ того, въ Австраліи много англійскихъ эмигрантовъ изъ рабочаго класса, привлеченныхъ золотыми розсыпями; не найдя на нихъ желаннаго богатства, они естественно побуждаютъ страну къ установленію покровительственной системы ради созданія тамъ такихъ мануфактуръ, къ работѣ на которыхъ они привыкли и приспособились у себя на родинѣ—въ Англіи. Что касается до упадка, будто-бы, англійской промышленности и торговли и притомъ частію подъ вліяніемъ политики свободной торговли, то неосновательность такого предположенія доказывается слѣдующими соображеніями и фактами. Какъ остатокъ старой меркантильной системы, по словамъ Фосетта, у многихъ является страхъ при видѣ возрастающаго ежегодно перевѣса британскаго ввоза надъ вывозомъ (въ 1877 году первый превышалъ второй 140 мил. ф. с.); но это обстоятельство, напротивъ, должно говорить за процвѣтаніе Англіи: масса англійскихъ капиталовъ находится заграницей во всевозможныхъ предпріятіяхъ и ежегодно увеличиваетъ ея богатство, не говоря уже о покрытіи съ избыткомъ всего излишка привезенныхъ товаровъ. Вообще, по его мнѣнію, «перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ *въ какой бы ни было странѣ*

даетъ указаніе на размѣры капитала, кредиторомъ котораго она состоитъ относительно чужихъ странъ». Слѣдовательно чѣмъ выше этотъ перевѣсъ, тѣмъ страна богаче. Но кромѣ громадныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ иностранныя предпріятія, Англія имѣетъ еще обширный источникъ богатства въ своемъ торговомъ флотѣ, служащемъ какъ для собственныхъ, такъ и для чужихъ потребностей и на сумму всего фрахта увеличивающемъ богатство страны. Наконецъ, этотъ перевѣсъ ввоза частію обязанъ и тому обстоятельству, что статистическія таблицы англійской торговли указываютъ цифры ввоза включительно съ фрахтомъ и прибылью купца, ввозящаго товаръ; напротивъ, вывозъ исчисляется безъ этихъ двухъ важныхъ прибавокъ и, слѣдовательно, ниже дѣйствительности. Фосеттъ не можетъ, конечно, отрицать существованіе продолжительнаго промышленно-торговаго кризиса, но онъ находитъ его преувеличеннымъ и старается ослабить его значеніе, доказывая, что кризисъ еще сильнѣе въ Америкѣ, имѣющей покровительственный тарифъ. Въ пользу Англіи онъ приводитъ такія данныя: желѣзныя дороги за 1876 годъ дали прежній доходъ и слѣдовательно не уменьшили своего движенія; потребленіе чая нетолько не уменьшилось, но даже увеличилось, что́ указываетъ на благосостояніе рабочихъ классовъ; на то же указываетъ и уменьшеніе офиціальной цифры пауперизма. Наконецъ упадокъ цѣны на уголь, хлопчатобумаж-

ныя издѣлія и другіе продукты, способствовалъ этому благосостоянію всѣхъ лицъ живущихъ опредѣленнымъ доходомъ (рентьеры, чиновники и т. п.) и тѣмъ самымъ, слѣдовательно, умѣрялъ вредное вліяніе кризиса. Послѣ всего этого стóитъ только сдѣлать сравненіе кризиса, говоритъ онъ, фритредерской Англіи съ такимъ же протективной Франціи, Германіи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, чтобы убѣдиться, что тамошнее экономическое положеніе гораздо хуже и слѣдовательно политика свободной торговли не только не создала и не увеличила кризисъ Англіи, но значительно, наоборотъ, уменьшила и ослабила его тягость.

Этого сжатаго, возможно точнаго конспекта, содержанія половины книги проф. Фосетта, совершенно достаточно, по моему мнѣнію, чтобы ознакомить съ его пріемами и аргументаціей и убѣдиться въ существованіи въ ней тѣхъ же недостатковъ, которые замѣчаются въ его другихъ трудахъ и указаны въ началѣ настоящей рецензіи. Разберемъ главнѣйшія его положенія въ отдѣльности.

Главной причиной быстрой побѣды началъ свободной торговли въ Англіи Фоселтъ считаетъ хлѣбные законы и ихъ вліяніе на цѣну пищи,—мотивъ, въ другихъ странахъ не существующій. Для этого онъ тщательно подбираетъ въ своей книгѣ (преимущественно во 2-ой главѣ) факты дороговизны хлѣба, голода и вообще разнообразнаго вреда по причинѣ

налога на хлѣбъ и, ссылки на этотъ мотивъ парламентскихъ ораторовъ и дѣятелей знаменитой Лиги хлѣбныхъ законовъ. Такое объясненіе, однако, имѣетъ за себя только внѣшнюю доказательность: достаточно даже небольшаго знакомства съ англійской исторіей сороковыхъ годовъ, при отсутствіи предубѣжденія, чтобы увѣриться въ исторической неточности и вообще неудовлетворительности этой аргументаціи. Дѣйствительно, лозунгомъ знаменитой борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ всегда выставлялся «дешевый хлѣбъ» для народа и улучшеніе его бѣдственнаго положенія какъ главная внутренняя цѣль всей борьбы. Фосеттъ беретъ на вѣру этотъ лозунгъ, безчисленное число разъ повторявшійся въ рѣчахъ ораторовъ и всѣхъ изданіяхъ извѣстной Лиги, и его важностью полагаетъ возможнымъ объяснить крупный фактъ англійской исторіи. Онъ не пытается исторически провѣрить справедливость этого лозунга, не старается глубже изслѣдовать поводы и самыя условія борьбы, а просто беретъ на вѣру, безъ всякой критики, ходячее мнѣніе. Еслибы истинная причина и поводъ борьбы противъ протекціонизма заключались въ стремленіи къ удешевленію народнаго продовольствія и слѣдовательно улучшенію его матерьяльнаго положенія, то, конечно, весь народъ энергично сталъ бы за дѣло Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и дѣятельно поддерживалъ бы начала свободной торговли. Между тѣмъ, факты изъ исторіи

сороковыхъ годовъ говорятъ противное: масса англійскаго народа—рабочій классъ выказывалъ все время очень мало симпатіи къ этой знаменитой борьбѣ. Въ то время какъ средній классъ, сплоченный рѣдкимъ единодушіемъ, съ поразительной энергіей и жертвами боролся на митингахъ, въ прессѣ и парламентѣ съ протекціонизмомъ, рабочій классъ въ огромномъ большинствѣ оставался чуждъ всему движенію и относился къ нему индифферентно, или даже прямо враждебно. Именно поэтому, частію, многіе изъ видныхъ представителей партіи свободной торговли высказывались противъ расширенія правъ народнаго представительства. Извѣстный экономистъ Сеніоръ, напр., выражалъ прямо опасеніе, что это расширеніе увеличило бы власть народа надъ политикой, причемъ «торговля не въ состояніи была бы долго удерживать и ту даже долю свободы, которою она теперь пользуется». Въ томъ же духѣ высказывался Чальмерсъ, опасаясь одинаково для дѣла свободной торговли «допущенія низшихъ классовъ въ парламентъ». «Воззрѣнія по этому поводу народа и философовъ», говоритъ онъ, «весьма не гармонируютъ другъ съ другомъ». То же самое сообщалъ въ 1845 г. Эбенезеръ Эліотъ, поэтъ борьбы за свободную торговлю: «Она велась, по его словамъ, среднимъ классомъ нетолько безъ помощи рабочихъ классовъ, но даже несмотря на ихъ оппозицію». Это равнодушіе и даже противодѣйствіе, повидимому,

общему благу невозможно приписать только невѣжеству или политической неразвитости народа: какъ извѣстно, почти къ одному времени съ этой борьбой относится такъ-называемое чартистское движеніе экономическаго и политическаго характера, охватившее собой всю страну и считавшее своихъ сторонниковъ милліонами. Напротивъ, масса англійскаго народа еще никогда не относилась такъ чутко къ политической жизни, дѣятельнаго участія въ которой она требовала; а между тѣмъ вожаки чартизма, напр., Фергусъ О'Конноръ и другіе, прямо стали въ оппозицію агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, заявляя повсюду, что «ихъ уничтоженіе было бы полезно только мануфактуристамъ, давши возможность нанимать трудъ за пониженную плату». То же самое откровенно заявляли и нѣкоторыя лица изъ самихъ мануфактуристовъ на митингахъ Лиги, жалуясь на застой въ дѣлахъ [6]). Очень вѣроятно, что такой эгоистическій мотивъ не имѣлъ мѣста для многихъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ борцовъ Лиги, проникнутыхъ, наоборотъ, гуманностью и любовью къ народу, но въ такой обширной борьбѣ, затрогивавшей ближайшіе интересы сотенъ тысячъ людей, нельзя не допустить и стимуловъ личнаго эгоистическаго свойства. Народъ мало довѣрялъ означен-

---

[6]) Это подтверждается многими современниками изъ торговаго и промышленнаго класса: см., напр., Our Free-Trade Policy etc. by a Liverpool Merchant, 1846, стр. 6 и далѣе.

ному лозунгу Лиги, видя во главѣ ея тѣхъ самыхъ лицъ, которыя энергично боролись въ парламентѣ противъ его требованій въ фабричномъ законодательствѣ: какъ извѣстно, многіе изъ вожаковъ Лиги, напр., Джонъ Брайтъ, Кобденъ, Джозефъ Юмъ, рѣзко высказывались противъ такъ-называемаго десятичасоваго билля, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда и вообще противъ государственнаго регулированія фабричнаго труда, желательнаго рабочимъ. Такъ первый (Брайтъ) въ 1847 году во время парламентскихъ преній по поводу извѣстнаго билля Фильдена прямо заявилъ, что, благодаря этой государственной протекціи рабочимъ классамъ, заработная плата въ Англіи и безъ того уже давно стоитъ выше той, которая бы должна быть въ дѣйствительности на свободномъ рынкѣ. Вообще борьба за свободную торговлю въ Англіи носитъ на себѣ весьма рѣзкій классный отпечатокъ. Въ то время какъ промышленность страны созрѣла до такой степени, что вызывала необходимость уничтоженія всякаго внутренняго вмѣшательства въ производство съ фискальной цѣлью (почему многочисленные акцизы и начали уничтожаться раньше всего), иностранная конкуренція стала почти безвредной (почему еще въ 1844 г. уничтожено запрещеніе вывоза машинъ). Напротивъ, таможенныя преграды иностранныхъ государствъ мѣшали англійскому сбыту и расширенію рынка. Съ уничтоженіемъ собственной покровительственной политики

ожидалась немедленная взаимность и иностранцевъ: всѣ почти сочиненія того времени проникнуты въ этомъ отношеніи довольно сильной надеждой на успѣхъ свободной торговли, напр., въ Россіи, Соединенныхъ Штатахъ и другихъ государствахъ съ покровительственнымъ тарифомъ [7]). Такова первая и главнѣйшая причина принятія Англіей политики свободной торговли и быстраго успѣха ея законодательства въ этомъ направленіи; но затѣмъ, важнѣйшій ея фактъ — борьба противъ хлѣбныхъ законовъ,—не нужно забывать, имѣетъ столько же характеръ политическій, сколько и экономическій. Это— борьба выросшаго средняго класса противъ несправедливой монополіи и могущества поземельной аристократіи, которая продолжается, только въ болѣе незамѣтной и скромной формѣ, и до настоящаго времени подъ видомъ требованія free-trade in land, т.-е. свободной продажи земельной собственности. «Сдѣлаться когда нибудь собственникомъ куска земли», замѣчаетъ справедливо Луи-Бланъ въ своихъ пись-

---

[7]) „Надежда получить болѣе широкую вывозную торговлю съ Англіей... (если послѣдняя уничтожитъ хлѣбные законы) принудитъ Россію понизить ея тарифъ въ пользу нашихъ мануфактурныхъ продуктовъ". То же и относительно Америки. См. *R Torrens*: Three Letters to the Marquise of Chandos on the Effects of the Corn Laws. London, MDCCCXXXIX, стр. 33.

См. также многія рѣчи Кобдена и Брайта того времени.

махъ объ Англіи, «составляетъ золотую, завѣтную грёзу каждаго англійскаго купца и мануфактуриста». Борьба противъ хлѣбныхъ законовъ была первымъ шагомъ къ этой вдвойнѣ желанной свободѣ какъ торговли, такъ и земли, а дороговизна хлѣба и забота объ улучшеніи рабочихъ классовъ является вопросомъ второстепеннымъ, несущественнымъ,—*предлогомъ агитаціи, а вовсе не истинной причиной* всей борьбы и условіемъ ея успѣха, какъ думаетъ Фосеттъ. Почтенный ученый этотъ предлогъ ошибочно принимаетъ за самую причину и, не изслѣдовавши ближе вопросъ, приписываетъ ему быстрые успѣхи въ Англіи дѣла свободной торговли. Очевидно, что онъ забываетъ, что тотъ же самый предлогъ въ томъ или другомъ видѣ служитъ различнымъ политическимъ партіямъ и для разнородныхъ цѣлей, не имѣющихъ часто ничего общаго съ народнымъ благомъ, и что если свободная торговля въ другихъ странахъ двигается медленнѣе, то это нужно отнести не къ недостатку предлоговъ, а къ отсутствію всей совокупности аналогичныхъ условій [8]).

---

[8]) По Керду (*Caird*) средняя цѣна пшеницы до 1848 г. (уничтоженія хлѣбныхъ законовъ) составляла 57 шил. 4 пенса за квартеръ, а 20 лѣтъ послѣ—53 шил. 3 п., т.-е. разница въ 5 шил. на квартеръ пшеницы, или считая квартеръ въ 326 фунтовъ, а съ припекомъ въ 350 ф., на каждомъ фунтѣ печенаго хлѣба англичанинъ переплачивалъ до 1848 г. менѣе $^{2}/_{3}$ одного фартинга въ день, или семья ра-

Нельзя согласиться также и съ тѣми доводами, которые приводитъ Фосеттъ, чтобы объяснить обращеніе англійскихъ колоній къ покровительственной системѣ. Первый изъ нихъ—вліяніе будто бы авторитета Д. С. Милля, сдѣлавшаго одну уступку протекціонизму въ своей политической экономіи, — доводъ, по меньшей мѣрѣ странный и неисторическій: нигдѣ, никогда и никакая книга не двигала политикой цѣлой страны безъ существованія цѣлаго ряда важныхъ условій внутренней государственной жизни: книги обыкновенно только санкціонируютъ готовыя жизненныя отношенія и уясняютъ ихъ дальнѣйшій ходъ; самый успѣхъ книги всегда зависитъ отъ того, насколько она совпадаетъ съ этимъ запросомъ жизни и времени. Принципы самого Адама Смита не имѣли въ Англіи почти 50 лѣтъ практическаго примѣненія, пока не созрѣли для того необходимыя реальныя условія. Къ тому же, какъ всѣмъ извѣстно, Милль въ цѣломъ былъ фритредеръ и вся его уступка протекціонизму заключаетъ ровно тридцать строчекъ исключенія изъ принятой системы: онъ допускаетъ,

---

бочаго (изъ 4 челов., изъ коихъ двое дѣтей), при незначительномъ сравнительно въ Англіи потребленіи хлѣба (5 — 6 ф. на семью), переплачивала около одного пенни (3 коп.) въ день или 7 пенсовъ на недѣлю, что́, при мелочной покупкѣ хлѣба и высокой средней заработной платѣ, едва-ли составляло слишкомъ чувствительную и замѣтную тягость для массы народа.

и то съ значительными оговорками, протекціонизмъ для націй юныхъ и развивающихся, вѣроятно дѣлая это подъ вліяніемъ альтруизма (см. Principles of Political Economy *by J. S. Mill.* Fifth edition, vol. II, стр. 525). Эту выдержку изъ Милля Фосеттъ называетъ «хартіей» современныхъ протекціонистовъ. Такой неловкій доводъ, кромѣ его научной несостоятельности, можетъ служить даже обоюдоострымъ оружіемъ, которое возможно направить противъ самаго автора: не менѣе Милля по однороднымъ мотивамъ Фосеттъ является непослѣдовательнымъ, дѣлая подобныя же отступленія отъ принятой системы свободной торговли. Въ концѣ послѣдней (VI-ой) главы разбираемой нами книги, напр., онъ трактуетъ вопросъ о покровительственномъ сборѣ въ 5% для хлопчатобумажныхъ издѣлій, существующемъ въ Индіи: благодаря этой пошлинѣ, сообщаетъ онъ, возникли въ Бомбеѣ хлопчатобужныя фабрики, которыя, конкурируя съ англійской мануфактурой, доставляютъ ей ущербъ и вызываютъ требованія со стороны англійскихъ производителей уничтожить эту протекцію ради ихъ интересовъ и во имя соблюденія принциповъ свободной торговли. Какъ же рѣшаетъ этотъ вопросъ проф. Фосеттъ? Онъ заявляетъ, что его нельзя разсматривать *исключительно съ экономической точки зрѣнія*, что нельзя не обращать вниманія на чувства народа, что не слѣдуетъ забывать о бѣдственномъ положеніи индѣйцевъ и критическомъ—

самихъ финансовъ Индіи, что нельзя все мѣрить одной мѣркой и что *самая справедливая система налоговъ для одного народа совсѣмъ не подходитъ къ другому* и т. д. Вообще онъ повторяетъ аргументы протекціонистовъ и въ заключеніе высказывается, очевидно по той же причинѣ, какъ и упрекаемый Милль, за сохраненіе въ Индіи помянутой покровительственной пошлины.

Второй аргументъ, который приводитъ авторъ для объясненія протекціонизма англійскихъ колоній, едва-ли также можно признать серьезнымъ. Вліяніе въ этомъ отношеніи англійскихъ эмигрантовъ-золотоискателей составляетъ догадку, еще требующую подтвержденія, хотя бы и дѣйствительно эти лица вездѣ стояли за протекціонизмъ: золотыя розсыпи существуютъ одинаково какъ въ Викторіи, такъ и въ Новомъ Южномъ Валлисѣ; между тѣмъ первая колонія, какъ извѣстно, держится покровительственнаго тарифа, вторая—свободной торговли. Впрочемъ, существуютъ нѣкоторыя данныя и въ пользу этой догадки, но представляющія дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ. По мнѣнію Фосетта, эти золотоискатели преслѣдуютъ покровительственную политику изъ-за своихъ эгоистичныхъ цѣлей; между тѣмъ, по свидѣтельству вполнѣ добросовѣстныхъ очевидцевъ, приводятся другіе мотивы, и эти лица заботятся, оказывается, вовсе не о себѣ. Объ этомъ Фосеттъ, не бывавшій никогда въ Австраліи, могъ справиться у

своего товарища по парламенту — Чарльза Дилка, котораго отнюдь нельзя назвать протекціонистомъ. «Австралійскіе рудокопы и западные землевладѣльцы Америки», говоритъ послѣдній въ извѣстномъ описаніи своего путешествія, «представляютъ міру великій образецъ самопожертвованія для народной цѣли: сотни и тысячи этихъ простыхъ необразованныхъ (rough) людей живутъ съ меньшимъ комфортомъ благодаря тарифу, нежели бы могли жить, только для того, чтобы масса ихъ соотечественниковъ могла жить лучше, чѣмъ ихъ братья-труженики въ Старой Англіи» [9]). Во всякомъ случаѣ, конечно, одинъ этотъ частный случай не можетъ объяснить всей торговой политики англійскихъ колоній, какъ это хочетъ сдѣлать Фосеттъ.

Не менѣе спорны многіе доводы, съ помощью которыхъ авторъ старается успокоить англійское общественное мнѣніе силой своего авторитета. Фосеттъ совершенно правильно ставитъ вопросъ торговаго баланса Англіи: принадлежащіе Англіи заграницей капиталы и вообще задолженность ей другихъ странъ такъ велики, что перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ въ этой странѣ покрывается съ избыткомъ и самъ по себѣ не можетъ составлять серьознаго предмета заботы. Напротивъ, это обстоятельство даже указы-

---

9) Greater Britain by *Charles Wentworth Dilke*. 1868. Vol. II, стр. 63.

ваетъ, насколько Англія состоитъ кредиторомъ всѣхъ другихъ странъ; но отсюда, во-первыхъ, нельзя дѣлать общаго вывода, чтобы то же заключеніе могло быть приложимо *къ какой бы то ни было странѣ;* чтобы вездѣ такой перевѣсъ обозначалъ тотъ же самый характеръ экономическихъ отношеній. Фосеттъ упрекаетъ другихъ фритредеровъ въ склонности слишкомъ поспѣшно дѣлать обобщенія, но въ данномъ случаѣ самъ дѣлаетъ ту же ошибку. Случайный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ, напр., въ Россіи или Соединенныхъ Штатахъ отнюдь, разумѣется, не означаетъ, чтобы эти страны въ данный годъ разбогатѣли и держали въ долгу иностранцевъ. Кромѣ того, главную причину общественной тревоги составляетъ вовсе не торговый балансъ,—хотя и онъ не остается безъ вліянія на перемѣщеніе металла и возвышеніе дисконтнаго процента, если вѣрить «Экономисту» (The Economist, 1877, № отъ 24 ноября),— а тяжелое для массы народа вліяніе, которое оказываетъ уменьшеніе вывоза. Давно уже въ Англіи существуетъ означенный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ, и одно это обстоятельство отнюдь не внушало бы такихъ опасеній; но дѣло въ томъ, что до 1872 года вывозъ увеличивался *постепенно* вслѣдъ за ввозомъ, съ тѣхъ же поръ ввозъ продолжаетъ бысто расти (354 мил. ф. с. въ 1872 и 375 мил. въ 1876 г.), а вывозъ соотвѣтственно падаетъ (256 мил. въ 1872 г. и только 200 мил. въ 1876 г.). Такимъ

образомъ разница между ними весьма быстро увеличивается и, самое главное, англійская мануфактура, не находя вывоза, уменьшается и падаетъ, слѣдовательно, всѣ промышленные классы должны переносить большія лишенія, годъ отъ году возростающія. Изъ этой обширной категоріи населенія наибольшая доля страданія падаетъ, разумѣется, на рабочій классъ: мануфактуристъ, при ограниченномъ спросѣ, уменьшаетъ производство или сумму своего профита, а въ крайнемъ только случаѣ закрываетъ предпріятіе и живетъ, затрачивая часть капитала, въ ожиданіи лучшихъ временъ; рабочему же, оставшемуся безъ труда, представляется одинъ исходъ—проживать маленькія сбереженія, если они есть, и затѣмъ, только спустивши все движимое имущество, обратиться къ приходу и идти въ рабочій домъ. Вотъ чѣмъ, по словамъ людей, близко знающихъ бытъ рабочихъ, и можно доказать несостоятельность аргумента Фосетта, что оффиціальная цифра пауперизма въ Англіи нетолько не увеличилась за время кризиса, но даже нѣсколько уменьшилась [10]). Впрочемъ несостоятельность этого аргумента уничтожилъ самъ авторъ сознаніемъ, что за послѣдніе годы строгость администраціи для пособія бѣднымъ усилена; конечно, при такомъ условіи это оффиціальное умень-

---

[10]) British Trade and Foreign Competition by *Frederik Brittain.* London, 1878, стр. 8.

шеніе говоритъ не за благополучіе бѣдныхъ классовъ, а только за исполнительность администраціей этихъ новыхъ правилъ. «Только самая ужасная крайность заставляетъ идти въ рабочій домъ людей, привыкшихъ къ независимости; но когда всѣ сбереженія былыхъ лѣтъ будутъ рабочими уничтожены, то, конечно, цифра оффиціальныхъ бѣдныхъ быстро пойдетъ въ гору».

Другіе доводы Фосетта, предназначенные разсѣять современный пессимизмъ, большею частію не менѣе слабы: удовлетворительные сборы и движеніе на желѣзныхъ дорогахъ отнюдь не доказываютъ еще небольшіе размѣры кризиса: если вывозъ мануфактурныхъ произведеній Англіи упалъ, то привозъ иностраннаго громаднаго сырья не переставалъ возрастать и слѣдовательно могъ съ избыткомъ доставлять работу желѣзнымъ дорогамъ; кромѣ того, по наблюденію только-что цитованнаго Бриттэна, въ дурные годы замѣчено много пассажировъ, такъ какъ народъ ищетъ работы и чаще передвигается. Прочіе доводы, которыми авторъ старается смягчить общее недовольство современнымъ положеніемъ, одинаково мало доказательны. Возрастаніе потребленія чая и нѣкоторое увеличеніе вкладовъ сберегательныхъ кассъ вполнѣ объяснимы и возможны во времена самаго жестокаго кризиса: чай составляетъ общераспространенный и самый дешевый капиталъ въ Англіи, почему его потребленіе и должно было

усилиться въ настоящее время на счетъ другихъ, болѣе дорогихъ питей (привозъ рома, напр., значительно уменьшился); вклады же сберегательныхъ кассъ могли, при общемъ застоѣ, возрасти вслѣдствіе освобожденія мелкихъ капиталовъ, прежде вложенныхъ въ различную мелочную торговлю, которая постоянно падаетъ при обѣдненіи рабочихъ классовъ ея главныхъ покупателей: это замѣчается, напр., въ періоды стачекъ. Послѣдній пріемъ Фосетта для той же цѣли заключается въ сравненіи между отечественнымъ кризисомъ и такимъ же Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ съ покровительственными тарифами. Онъ старается доказать, что кризисъ въ этихъ государствахъ еще сильнѣе и бѣдственнѣе, приписывая это вліянію тарифа. Такой аргументъ, однако, не опровергаетъ главное положеніе противниковъ Фосетта, которые часть настоящаго бѣдствія относятъ къ односторонней политикѣ свободной торговли: аргументъ доказываетъ только, что промышленно-торговые кризисы возможны при всякомъ родѣ внутренней политики. При этомъ Фосеттъ упускаетъ изъ виду существенное отличіе всѣхъ этихъ странъ отъ Великобританіи: въ первыхъ — мануфактура и вывозная торговля имѣютъ второстепенное значеніе въ общей народной экономіи, во второй же — главное и первостепенное; а слѣдовательно одинаковый и даже меньшій кризисъ долженъ чувствоваться въ Англіи сильнѣе. Единственное, вполнѣ безспорное

положеніе, высказанное Фосеттомъ въ пользу доказываемаго, заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что покровительственный тарифъ возвышаетъ цѣны продуктовъ, этимъ самымъ увеличиваетъ тяжесть кризиса для массы народа, если, конечно, существуютъ привозныя и покровительствуемыя произведенія первой потребности. Это соображеніе даетъ важный доводъ въ пользу свободной торговли. Впрочемъ на практикѣ любая экономическая тенденція, подъ вліяніемъ разнородныхъ, часто случайныхъ условій, такъ измѣняетъ свой ходъ, что нерѣдко трудно опредѣлить, что именно въ данномъ случаѣ выгоднѣе или полезнѣе. Главный спорный пунктъ и преимущество свободной торговли, напр., состоитъ въ томъ, что при ней не платится, какъ это существуетъ при покровительственной системѣ, излишняя цѣна за продукты вслѣдствіе тарифа, создающаго до извѣстной степени монополію внутренняго производства; но вотъ оригинальный случай практики изъ послѣдней русско-турецкой войны, который передаетъ Лёнисъ (Loehnis) и притомъ безъ всякой предвзятой цѣли, желая только показать, что невозможно иногда даже и предвидѣть тѣхъ обширныхъ скрытыхъ и взаимныхъ вліяній, которыя могутъ измѣнить самое дѣйствіе данной экономической тенденціи. Извѣстно, что прекрасное вооруженіе турецкой пѣхоты (преимущественно американскаго издѣлія) увеличило боевую силу турокъ и косвенно задержало можетъ быть

въ началѣ быстрые успѣхи русскаго войска. Черезъ это, по словамъ Лёниса, восточные штаты Союза, фабрики которыхъ, обязанныя своимъ существованіемъ высокому тарифу, поставляли оружіе туркамъ (въ одномъ 1877 г. слишкомъ на 5 мил. дол.), оказали огромную услугу западнымъ штатамъ, такъ какъ затянувшаяся война и блокада Чернаго моря сократили подвозъ въ Англію русскаго хлѣба и доставили американцамъ вѣрный сбытъ и высокія цѣны хлѣба. Излишекъ народнаго дохода вслѣдствіе этого, по его разсчету, былъ такъ великъ, что навѣрное Соединенные Штаты съ избыткомъ покрыли за цѣлый рядъ прошлыхъ лѣтъ ту разницу въ цѣнѣ продуктовъ, которую переплачивали благодаря тарифу [11]). Этотъ примѣръ показываетъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ самому вѣрному теоретическому положенію въ примѣненіи его къ практикѣ, а въ этомъ именно отношеніи Фосеттъ нерѣдко и грѣшитъ.

Можно было бы указать еще на многіе, чисто фактическіе недосмотры и даже прямо ошибки въ новой книгѣ Фосетта: такъ, напр., его предположенія о причинахъ упадка американскаго флота опровергаются рѣшительно всѣми извѣстными по этому предмету данными. Авторъ забылъ о вліяніи междуусобной войны 1863 года, когда множество судовъ, при-

---

11) Der Marasmus in Handel u Industrie 1877, von *H. Loehnis*. London, 1878, стр. 211 и 212.

надлежащихъ сѣверянамъ, спасаясь отъ Алабамы и другихъ крейсеровъ, подняли англійскій и канадскій флаги: ему достаточно было бы для этого справиться о значительной цифрѣ прироста въ этомъ году англійскаго флота заграничнаго плаванія въ столь часто имъ цитируемомъ «Ежегодникѣ Фредерика Мартина», неговоря о болѣе спеціальныхъ трудахъ [12]). Не меньшія поправки можно было бы сдѣлать въ сообщаемыхъ Фосеттомъ свѣдѣніяхъ объ англо-американской эмиграціи (такъ какъ ради желаемаго вывода онъ ограничивается однимъ 1877 годомъ вмѣсто четырехлѣтняго періода кризиса), въ его разсужденіяхъ о причинахъ и размѣрахъ французской преміи на вывозной сахаръ и т. д., не считая противорѣчій въ его IV-ой главѣ, которой мы совсѣмъ не касались. Но ограничимся указанными недостатками разбираемаго сочиненія и постараемся вкратцѣ опредѣлить то мѣсто, которое оно должно занимать въ необъятной литературѣ вопроса о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ.

Если сравнить книгу Фосетта съ другими англійскими трудами по тому же вопросу за послѣдніе тридцать лѣтъ, то несмотря на всѣ показанные недостатки, нельзя ей все-таки не отдать первенство: она

---

[12]) The Statesman's Yearbook for the Jear 1878 by *Fr. Martin*, стр. 262. См. также *John Glover*, Tonnage Statistics of the Decade 1860—1870 въ Journal of the Statistical Society of London 1873, XXXV.

заключаетъ въ себѣ довольно многія достоинства. Фосеттъ является уже гораздо искреннѣе и безпристрастнѣе прочихъ англійскихъ фритредеровъ. Внѣшняя, казовая сторона англійскаго богатства—огромная сравнительно цифра ея возрастающаго торговаго оборота—далеко уже не увлекаетъ его какъ другихъ фритредеровъ: онъ считаетъ ее неловкимъ аргументомъ, котораго слѣдуетъ избѣгать (стр. 13), онъ находитъ даже, что «въ Англіи слишкомъ склонны преувеличивать результаты свободной торговли» (стр. 11). Мало того, онъ оспариваетъ исключительное значеніе политики свободной торговли въ развитіи колоссальнаго богатства страны: онъ указываетъ на желѣзныя дороги и фискальную реформу какъ на два другихъ важныхъ фактора въ этомъ отношеніи; между тѣмъ довольно извѣстный фритредеръ Джонъ Нобль всего восемь лѣтъ назадъ чуть не совершенно, напримѣръ, отрицалъ вліяніе желѣзныхъ дорогъ на созданіе англійскаго богатства, приписывая его цѣликомъ успѣхамъ свободной торговли. Кромѣ того существуетъ еще одна сторона, относительно которой Фосеттъ опять является нѣсколько выше большинства англійскихъ писателей по вопросу свободной торговли. У всѣхъ экономистовъ этой школы, какъ вѣрно замѣтилъ Рошеръ, есть одна общая черта, составляющая немаловажный недостатокъ для правильнаго рѣшенія большинства научныхъ вопросовъ: они слишкомъ абстрактны, т.-е. абстрактныя поло-

женія науки при обсужденіи практическихъ вопросовъ нерѣдко прилагаютъ цѣликомъ къ жизни, забывая, какъ бы, о тѣхъ разнообразныхъ и сложныхъ условіяхъ, которыя могутъ во многомъ измѣнить приложеніе закона къ практикѣ. Они упускаютъ также изъ виду, что экономическая политика имѣетъ дѣло съ живыми людьми, интересами которыхъ нельзя жертвовать ради какого угодно абстрактнаго положенія науки. Хотя Фосеттъ и самъ нерѣдко дѣлаетъ тотъ же промахъ, но тѣмъ не менѣе въ двухъ уже упомянутыхъ случаяхъ (вопросъ объ Индіи и трудность перехода отъ протективной системы къ свободной торговлѣ) дѣлаетъ отступленіе и допускаетъ для экономической политики и другія соображенія кромѣ чисто экономическихъ (большаго производства), хотя черезъ это впадаетъ во внутреннія противорѣчія.

Но при рѣшеніи всякаго экономическаго вопроса въ настоящее время еще болѣе чѣмъ разработка подробностей и частныхъ сторонъ имѣетъ значеніе общая историческая постановка вопроса: отъ правильности ея зависитъ какъ научная, такъ и практическая пригодность и примѣнимость къ жизни посредствомъ законодательства самихъ выводовъ изслѣдованія. Я уже указывалъ на несогласіе нѣкоторыхъ частныхъ выводовъ Фосетта съ данными англійской исторіи; то же нужно сказать и объ общей постановкѣ вопроса: онъ не даетъ ничего новаго, что

бы вело къ уясненію существующихъ экономическихъ отношеній въ вопросѣ о свободной торговлѣ. Со времени Адама Смита, весь экономическій строй Англіи подвергся огромной перемѣнѣ: изъ страны вывозившей хлѣбъ Англія обратилась въ ввозящую его слишкомъ на пятьдесятъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ съ ничтожнымъ сравнительно земледѣльческимъ населеніемъ, годъ отъ году уменьшающимся; изъ страны съ обширной кустарной промышленностью, съ множествомъ мелкихъ хозяйственныхъ единицъ, съ значительными еще кусками общинной земли она превратилась въ громадную фабрику съ необезпеченнымъ рабочимъ населеніемъ, участь котораго часто всецѣло опредѣляется иностранной войной или иностраннымъ тарифомъ, съ огромными земельными имуществами, нерѣдко запускаемыми или превращаемыми въ парки ради охоты (какъ въ извѣстномъ примѣрѣ герцогини Сотсерлэндъ) и только съ частію ихъ обрабатываемой интенсивно на фабричный манеръ. При Смитѣ женскій и дѣтскій фабричный трудъ былъ совершенно ничтоженъ, нынѣ же составляетъ чуть-ли не половину всего производства, уменьшая заработную плату и заставляя эмигрировать взрослое мужское населеніе страны. Въ великой экономической и политической борьбѣ интересовъ въ прошломъ вѣкѣ дѣйствовали на сценѣ два фактора—landlords и industrial classes. Къ послѣднему принадлежали средній и рабочій классы, слитые вмѣстѣ нераздѣльными

интересами. Но уже въ сороковыхъ годахъ настоящаго вѣка, какъ извѣстно, кромѣ теоретической (установленной Рикардо), между ними обнаружилась значительная политическая рознь: представители промышленно-торговаго капитала требуютъ свободы отъ государственнаго вмѣшательства, напротивъ представители труда—усиленія его во многихъ отношеніяхъ. Отсюда, подъ этимъ двоякимъ давленіемъ различныхъ интересовъ, и двоякое теченіе англійскаго законодательства: въ торговлѣ въ широкомъ смыслѣ (trade) — освобожденіе, въ трудѣ—стѣсненія (фабрично-полицейскія регуляціи), причемъ рабочіе находятъ иногда союзниковъ своимъ стремленіямъ въ консервативной земельной аристократіи. При этомъ, очевидно, законодательство представляетъ полнѣе интересъ того класса, который сдѣлался сильнѣе въ политическомъ отношеніи.

Измѣнившіяся историческія условія предполагаютъ, разумѣется, *и необходимость новой постановки экономическихъ изслѣдованій*, коль-скоро они касаются Англіи, но этого то именно мы и не видимъ ни у Фосетта, ни у его многочисленныхъ предшественниковъ. Отсюда проистекаетъ и спорный характеръ вопроса о свободной торговлѣ: старая постановка, при существованіи новыхъ интересовъ и условій, даетъ разнообразныя, другъ другу противорѣчащія рѣшенія. Industrial classes по прежнему для Фосетта представляютъ нѣчто цѣлое, и онъ даже

не думаетъ задаться вопросомъ, насколько, напримѣръ, удовлетворены интересы спеціально англійскихъ рабочихъ классовъ великой реформой свободной торговли. Эти интересы для него тождественны съ современнымъ господствомъ англійской промышленности и торговли, хотя многое, можетъ быть, и говоритъ противъ такого обобщенія.

Позволю себѣ заключить настоящую, слишкомъ разросшуюся рецензію словами одного мало извѣстнаго, а нынѣ и совсѣмъ забытаго, хотя весьма недюжиннаго изслѣдователя-экономиста. «Нельзя не замѣтить», говорилъ онъ еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ, что наша политическая экономія въ послѣднее время получила новый элементъ—собственность труда и искусства—рабочій интересъ. Протекція или свободная торговля должны разсматриваться, а законодательство дѣйствовать на иныхъ принципахъ и точкахъ, нежели тѣ, которыя устанавливались единственно поземельными и мануфактурными интересами. Вся наша система политической экономіи и самые запутанные вопросы покровительственной системы и свободной торговли стоятъ открытыми вслѣдствіе присутствія новаго элемента — рабочаго интереса, который протекціонисты, какъ и фритредеры, землевладѣльцы, какъ и капиталисты, просмотрѣли въ своей политикѣ. Рабочій интересъ держитъ балансъ между ними обоими. Онъ имѣетъ не только физическую силу численности, но и моральную — тѣхъ

же самыхъ принциповъ, по которымъ признаются всѣ другіе роды собственности, и это все даетъ ему право, какъ самой заинтересованной и важной общественной партіи, на участіе во всѣхъ спорахъ и законодательныхъ мѣрахъ, касающихся покровительственной системы и свободной торговли»[13]).

---

[13]) *Samuel Laing*: Observations on the Social and Political State of Denmark in 1851. London, 1852, стр. 313.

Британскіе интересы на Востокѣ [1]).

Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ вниманіе всей Европы обращено на Востокъ. Втеченіе этого періода времени, послѣ хода военныхъ событій, ни одинъ вопросъ не подвергался такому разностороннему и частому обсужденію со стороны прессы, какъ вопросъ о британскихъ интересахъ, связанныхъ съ востокомъ. Первое мѣсто въ данномъ случаѣ занимало, конечно, общественное мнѣніе Великобританіи. Ни одного важнаго шага не дѣлалось въ послѣднее время на Востокѣ безъ того, чтобы не раздавались въ Англіи усиленные крики о британскихъ интересахъ. Едва Сербія объявила войну Турціи, какъ уже явилась, по мнѣнію англійскихъ полити-

---

[1]) Настоящая статья (публичная лекція, читанная авторомъ 2-го марта 1878 года въ Москвѣ съ благотворительною цѣлью) была помѣщена въ сокращенномъ видѣ въ одесской газетѣ «Правда» и перепечатана въ журналѣ «Слово» въ томъ же 1878 году.

ковъ, угроза британскимъ интересамъ и стараніе косвенными путями помогать послѣдней. Когда началась наша послѣдняя борьба съ Турціей, опасность для британскихъ интересовъ, повидимому, усилилась; по крайней мѣрѣ, каждый нашъ военный успѣхъ вызывалъ въ Англіи вопли и жалобы на нарушеніе, яко бы, интересовъ этой страны. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время (т.-е. по 1878 годъ) эти толки, какъ извѣстно, отнюдь не умолкаютъ; почти въ каждомъ нумерѣ каждой англійской газеты можно встрѣтить что-нибудь касательно этого вопроса: фразы, вродѣ «защита британскихъ интересовъ», «нарушеніе британскихъ интересовъ», «важность британскихъ интересовъ», до того пестрятъ столбцы всѣхъ газетъ, что можно на этомъ основаніи, пожалуй, подумать, что британскіе интересы солидарны съ интересами всего человѣчества.

Но, несмотря на свою популярность, вопросъ о британскихъ интересахъ до сихъ поръ остается открытымъ и допускаетъ самыя разнообразныя толкованія и опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается сущность англійскихъ интересовъ и чѣмъ они обусловливаются на Востокѣ? По мнѣнію крайнихъ тори англійскаго парламента, напримѣръ, всякая существенная реформа въ Турціи и вмѣшательство въ ея дѣла являлось уже нарушеніемъ интересовъ не только Великобританіи, но чуть ли даже не цѣлой Европы. «Лучшее средство обезпечить бри-

танскіе интересы (и миръ Европы), по словамъ Биконсфильда, въ извѣстной рѣчи въ Гайльдголлѣ, 9 ноября 1876 года, заключается въ обязанности поддерживать территоріальную неприкосновенность и независимость турецкой имперіи». Согласно старой традиціи, судьба Турціи, по воззрѣніямъ настоящаго англійскаго министерства, является неразрывно связанной съ интересами Англіи. Сюда присоединяется опасеніе русскаго могущества, страхъ за Индію и претензія на морскую монополію Средиземнаго моря. Все это, по словамъ извѣстнаго Дженкинса, вліяетъ и, слѣдовательно, опредѣляетъ восточную политику британскаго правительства.

Съ другой стороны, какъ извѣстно, мнѣнія многихъ людей самаго различнаго общественнаго положенія въ той же Англіи и по тому же вопросу отличаются совершенно противоположнымъ характеромъ. Въ то время, какъ Биконсфильдъ съ своей партіей беретъ, какъ исходную точку своей политики, неопредѣленные англійскіе интересы въ тѣсномъ смыслѣ и черезъ нихъ, какъ черезъ призму, смотритъ на всѣ международные вопросы, представители противныхъ ему воззрѣній, какъ Фримэнъ, Гладстонъ, Эдвардъ Дженкинсъ, авторъ «Джинксова младенца», Гемфри Сэндуитъ и др., на первый планъ, повидимому, выдвигаютъ мотивы чисто альтрюистическаго свойства и совѣтуютъ построить внѣшнюю политику государства сообразно началамъ гуманно-

сти и справедливости. «Существуетъ-ли въ данномъ вопросѣ (восточномъ)», спрашиваетъ проф. Фримэнъ «столкновеніе долга Англіи съ ея интересами?»— «Тѣ, которые любятъ свою страну», отвѣчаетъ онъ, «тѣ, которымъ ея честь и истинное благополучіе дороги, скажутъ на это, что если долгъ и интересъ сталкиваются, то *интересъ долженъ уступить долгу*». Въ томъ же духѣ высказываются о британскихъ интересахъ и прочія лица тѣхъ же воззрѣній. Дженкинсъ, напр., восточную политику своего правительства называетъ «открытой выставкой безпринципнаго себялюбія и лицемѣрнаго христіанства». Сэндуитъ, на одномъ митингѣ рабочихъ, выразился по тому же поводу съ еще болѣе рѣзкой откровенностью. «Побужденія разныхъ націй при объявленіи войны, говоритъ онъ, весьма различны. Англія въ этомъ случаѣ цинически отвергаетъ чувство и громко оповѣщаетъ о своихъ интересахъ, *желаетъ-ли она навязать опіумъ китайцамъ или поддержать независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи*. Другіе народы пробуютъ иногда примѣшать филантропію къ ихъ политическимъ стремленіямъ, но у насъ на это раздается только громкій циническій смѣхъ нашихъ самодовольныхъ, разжирѣвшихъ торгашей» [2]).

При всей діаметральной противоположности воз-

[2]) *Freeman*: Ottoman Power in Europe, 1877. См. стр. 294.

зрѣній приведенныхъ двухъ англійскихъ партій на британскіе интересы въ восточномъ вопросѣ, нельзя, однако же, не замѣтить въ нихъ одинаковой неясности въ опредѣленіи самихъ интересовъ. Какъ британское правительство, такъ и приведенные противники его трактуютъ эти интересы, какъ нѣчто извѣстное, не вдаваясь большею частью въ точныя объясненія ихъ условій. Между тѣмъ, на практикѣ, какъ въ печати, такъ и въ преніяхъ британскаго парламента, безпрестанно обнаруживается весьма различное толкованіе этихъ интересовъ и ихъ предѣловъ. То, что вчера считалось нарушеніемъ британскихъ интересовъ, нынче не признается таковымъ, и наоборотъ; часто различные ораторы совершенно противорѣчатъ другъ другу, опредѣляя сущность британскихъ интересовъ.

Даже въ русской прессѣ пониманіе британскихъ интересовъ крайне разнообразно: между прочимъ у насъ встрѣчается стремленіе свести данный вопросъ почти исключительно къ политическимъ причинамъ, которыя обусловлены существованіемъ настоящаго консервативнаго министерства во главѣ Англіи. Объясненіе это, очевидно, неудовлетворительно: либеральное министерство 1853 года не удержало Англію

Ed. Jenkins, M. P. Janus or double-faced Ministry. 1877. Стр. 5. 29 и App.

Humphry Sandwith: Shall we fight Russia? 1877. Стр. 19.

отъ крымской войны для защиты тѣхъ же интересовъ.

Въ виду именно этого разнорѣчія является особенно важнымъ точнѣе опредѣлить и выяснить вопросъ о британскихъ интересахъ, имѣющій такое крупное современное значеніе. Цѣль настоящаго очерка дать посильное объясненіе этому вопросу съ экономической точки зрѣнія. Все, что по поводу его извѣстно изъ объясненій англійской прессы и особенно преній британскаго парламента, заставляетъ насъ заключить, что эти интересы по своему существу матеріальны. Если матеріальные, экономическіе вопросы играютъ первостепенную роль въ государственной жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, то для Англіи эта сторона имѣетъ преобладающее и рѣшающее значеніе. Всѣ хорошія и дурныя стороны современнаго экономическаго строя находятъ себѣ тамъ крайнее выраженіе. Поэтому, конечно, и ключъ къ объясненію сущности британскихъ интересовъ слѣдуетъ отыскивать прежде всего въ экономической исторіи страны. Есть основаніе думать, что даже тамъ, гдѣ мотивомъ извѣстнаго британскаго интереса выставляется прямо какое-нибудь политическое соображеніе, подкладкой его—истиннымъ поводомъ все-таки служитъ причина экономическаго свойства.

Прежде всего, поэтому, чтобы имѣть твердую исходную точку, которая могла бы послужить намъ къ выясненію и правильной постановкѣ вопроса, необхо-

димо сдѣлать предварительный очеркъ самого характера экономическаго строя Англіи.

Народное хозяйство Англіи во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ другихъ государствъ. Какъ извѣстно, во всѣхъ странахъ земледѣліе составляетъ главное, существенное занятіе населенія, и значительное большинство народа ведетъ сельскую жизнь. Промышленность, ремесла и торговля находятся при этомъ въ рукахъ преимущественно городскихъ классовъ и играютъ уже болѣе или менѣе второстепенную роль въ цѣлой экономіи народнаго хозяйства. Таковъ экономическій распорядокъ во всемъ свѣтѣ, но не таковъ онъ въ Англіи. Вся земля Соединеннаго королевства находится лишь въ рукахъ весьма немногихъ собственниковъ; если не считать зависимыхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ (copyholders), то все ихъ число ограничивается нѣсколькими тысячами человѣкъ, владѣющими громадными пространствами земли. Герцогъ Сотсерлэндъ въ Шотландіи, напр., владѣетъ около милліона съ четвертью акрами (106 кв. геогр. милями, т.-е. $^1/_{15}$ всей страны) большею частью удобной для обработки земли, изъ которой, однако, воздѣлана ничтожная часть, и болѣе милліона акровъ лежитъ необработанной подъ парками и пастбищами. Вообще для земледѣлія требуется въ Англіи только ограниченное количество рукъ, которое, вдобавокъ, годъ отъ году уменьшается. По цензу 1871 года, собственно въ коро-

левствѣ Англіи съ княжествомъ Уэльскимъ городское населеніе относилось къ сельскому, какъ 62% къ 38%, т.-е. сельское населеніе составляло въ этой части Великобританіи немногимъ болѣе одной трети городскихъ жителей. Изъ всѣхъ трехъ частей Соединеннаго королевства только одна Ирландія имѣетъ обратный перевѣсъ сельскаго населенія. Но даже и изъ этого, приведеннаго нами, незначительнаго сельскаго населенія большая часть не занимается собственно земледѣліемъ. Такъ, по тому же цензу 1871 года, изъ 10 слишкомъ милліоновъ сельскаго населенія въ Англіи съ Уэльсомъ, воздѣлываніемъ земли, въ прямомъ смыслѣ, существовало только менѣе полутора милліона человѣкъ; остальные восемь съ половиною милліоновъ, слѣдовательно, принадлежатъ къ классу землевладѣльцевъ, фермеровъ или прислуги и къ промышленному классу. Общее число занятыхъ земледѣліемъ лицъ во всей Великобританіи не доходитъ даже до 3 мил. человѣкъ, т.-е. все-таки менѣе 10% цѣлаго населенія. При этомъ замѣчено, что незначительное количество сельскихъ рабочихъ находится въ постоянномъ уменьшеніи: такъ, за десять лѣтъ до упомянутаго ценза, отъ 1861 до 1871 года, оно упало въ Англіи на цѣлыхъ 17% и въ Шотландіи на 12% и съ тѣхъ поръ это число продолжаетъ сильно уменьшаться вплоть до настоящаго времени. Это явленіе объясняется двумя причинами: во-первыхъ, оно зависитъ отъ большаго раз-

витія интенсивнаго хозяйства съ помощью сложныхъ машинъ, замѣняющихъ множество человѣческихъ рукъ. Такое распространеніе машинъ должно ограничивать спросъ на рабочихъ и выбрасывать лишнихъ съ земледѣльческаго рынка. Кромѣ того, въ послѣдніе годы замѣчено обстоятельство тревожнаго свойства, вызвавшее въ прошломъ году, при выходѣ въ свѣтъ земледѣльческаго отчета Джиффена, горячіе толки газетъ о «народной опасности» (national danger) для Англіи. Дѣло въ томъ, что, благодаря сильной иностранной конкурренціи, производство хлѣба въ Англіи далеко не такъ выгодно, какъ мяснаго скота, вслѣдствіе трудности доставки послѣдняго изъ отдаленныхъ странъ. Поэтому, англійскіе хозяева нашли выгоднымъ превращать пашни въ луга и увеличивать скотоводство на счетъ земледѣлія. Съ 1870 по 1878 г. количество пашень уменьшилось почти на 400 тысячъ акровъ, а количество пастбищъ возросло на 1 мил. 700 тысячъ акровъ. Это обстоятельство не можетъ, конечно, не вліять также на уменьшеніе числа сельскихъ рабочихъ [3]).

При такомъ характерѣ распредѣленія земли и занятій огромная часть англійскаго народа оторвана отъ земледѣльческаго труда и должна посвятить себя промышленности и торговлѣ. Существующая аграр-

---

[3]) Agricultural Return of Great Britain for 1877. *R. Giffen*. Стр. 12.

ная система прямо способствуетъ, такимъ образомъ, неестественному росту британскаго индустріализма. Между тѣмъ, незначительное сельское населеніе,— несмотря на всѣ усовершенствованія агрономіи и затрату большихъ капиталовъ, которые дѣлаютъ возможнымъ веденіе сельскаго хозяйства на фабричный манеръ — далеко не въ состояніи прокормить мануфактурные классы, и огромное количество хлѣба доставляется ежегодно изъ заграницы. Было время, когда этотъ ввозъ былъ довольно незначителенъ, и Англія почти довольствовалась собственнымъ хлѣбомъ: такъ, въ 1845 году ввозъ иностраннаго хлѣба и муки въ Англію не превосходитъ 17 фунтовъ вѣсомъ на душу населенія; но сокращеніе собственнаго земледѣлія параллельно съ развитіемъ мануфактуръ быстро поднимало эту цифру: въ 1865 году она уже равнялась 93 фунтамъ, а въ настоящее время для каждаго англичанина обязательно требуется ежегодно около двухъ сотъ фунтовъ привознаго хлѣба [1]).

Благодаря этой перемѣнѣ, народное продовольство Англіи находится въ сильной зависимости, какъ отъ собственныхъ урожаевъ, такъ особенно и отъ состоянія иностранныхъ хлѣбныхъ рынковъ. Неурожаи хлѣба въ Америкѣ и Россіи могутъ сильно поднимать его цѣну и болѣзненно отзываться на положеніи

[1]) См. Agricultural Return of Great Britain for 1874. Стр. 6 и 7. *Fr. Martin's* Statesmen's Year Book for 1877. Стр. 258.

массъ англійскаго народа. Но еще важнѣе для Англіи косвенныя послѣдствія этой все возростающей зависимости. Привозя ежегодно изъ заграницы хлѣба на огромную сумму, болѣе 300 милліоновъ нашихъ металлическихъ рублей, Англія должна покрывать ввозъ соотвѣтственнымъ вывозомъ товаровъ или денегъ. Но большинство мануфактурныхъ товаровъ далеко не представляетъ такой безусловной необходимости, какъ хлѣбъ и другое сырье, привозимое въ Англію; спросъ на мануфактурные товары весьма измѣнчивъ по многимъ причинамъ: неурожай въ земледѣльческихъ странахъ или политическія замѣшательства и война могутъ крайне вредно отразиться на спросѣ англійскихъ товаровъ. Естественнымъ же послѣдствіемъ его уменьшенія является обыкновенно коммерческій и промышленный кризисъ, сначала для нѣкоторыхъ отраслей, а затѣмъ, вслѣдствіе тѣсной солидарности всего народнаго хозяйства, кризисъ можетъ перейти съ большей или меньшей силой и на остальныя отрасли. Къ этому еще присоединяется и другое обстоятельство: не находя достаточнаго сбыта своимъ товарамъ за границей по какой-нибудь причинѣ, Англія должна, конечно, доплачивать недостающія деньги за сырье металломъ. Но вывозъ металла въ значительныхъ размѣрахъ, въ свою очередь, можетъ произвести или усиливать зло кризиса: благодаря быстрому и значительному уменьшенію въ странѣ денегъ, происходитъ упадокъ цѣнъ и за-

держка въ платежахъ; фабрики пріостанавливаются или закрываются, и масса рабочихъ, живущихъ исключительно заработной платой, остается безъ дѣла. Такой крупный кризисъ, конечно, страшнымъ бѣдствіемъ обрушивается на народъ: десятки и сотни тысячъ остаются часто безъ хлѣба и крова, и самая щедрая филантропія безсильна бороться противъ зла. Достаточно сокращенія торговаго оборота на нѣсколько процентовъ, чтобы навлечь на страну очень серьезное несчастіе. При такомъ «монетномъ» или денежномъ кризисѣ 1857 года торговый оборотъ уменьшился на 18%, и послѣдствія уже тяжело отразились на положеніи всего народа. Въ одномъ Манчестерѣ, напр., 159 фабрикъ почти сразу уменьшили число рабочихъ или время работы, а, слѣдовательно, и плату; 23 же фабрики совсѣмъ прекратили работу и оставили 9,000 человѣкъ безъ дѣла. Можно по этому примѣру судить, сколько несчастія переживаетъ вся страна въ одинъ такой кризисъ крупнаго размѣра!

Нами намѣчена здѣсь только одна слабая сторона экономическаго быта Англіи, которая обусловливается собственно недостаткомъ ея сельско-хозяйственнаго производства Но и самое подавляющее преобладаніе промышленности и торговли не можетъ не вести за собой серьезной опасности для благосостоянія массы народа. Если центръ тяжести народнаго богатства, при этомъ порядкѣ, лежитъ на иностранномъ сбытѣ,

то Англія нуждается въ постоянно расширяющихся рынкахъ. Между тѣмъ, весь земной шаръ изслѣдованъ уже довольно обстоятельно и почти не встрѣчается уголка, гдѣ бы не существовало англійской торговой факторіи. Слѣдовательно, нѣтъ основанія надѣяться на открытіе новыхъ и крупныхъ рынковъ для сбыта англійскихъ мануфактуръ. Между тѣмъ старые рынки теряются весьма легко вслѣдствіе многихъ, иногда даже случайныхъ, причинъ. Этому обстоятельству способствуетъ не только развитіе собственныхъ національныхъ мануфактуръ различныхъ странъ, но и разнаго рода законодательныя мѣры, въ родѣ учрежденія покровительственныхъ пошлинъ на ввозимые англійскіе товары. Проповѣдь свободной торговли, какъ извѣстно, наиболѣе раздавалась въ Англіи и получила тамъ широкое практическое примѣненіе; тѣмъ не менѣе, прошло почти сорокъ лѣтъ, а Англія находитъ очень мало подражателей. Этотъ печальный для англійскихъ интересовъ выводъ выраженъ въ прошломъ году офиціально устами министра финансовъ Нортскота на ежегодномъ собраніи торговой камеры въ Экзетерѣ. Упомянувъ о вредномъ вліяніи восточной войны на британскую торговлю, онъ перешелъ къ «войнѣ иного характера, хотя не менѣе непримиримой и которая частью уже ведется, а частью еще угрожаетъ въ будущемъ». «Я разумѣю, продолжалъ Нортскотъ, «*войну тарифовъ*». Почти невозможно взглянуть на современное состо-

яніе торговли въ связи съ торговой политикой различныхъ странъ Европы, безъ того, чтобы не почувствовать сильнаго разочарованія относительно тѣхъ основаній, на которыхъ построено торговое законодательство этихъ странъ. Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что въ прежніе годы были многія лица, которыя вѣрили и учили насъ, что если только Англія приметъ систему свободной торговли, то всѣ другія государства безъ исключенія послѣдуютъ ея примѣру и примутъ ту же систему. Но, увы! было бы большой аффектаціей отрицать, что это ожиданіе встрѣтило сильное разочарованіе»... Мало того,—во многихъ случаяхъ произошло скорѣе обратное явленіе: Соединенные Штаты Сѣверной Америки, напр., послѣ 1863 года, возвысили покровительственный тарифъ и тѣмъ уменьшили сбытъ англійскихъ товаровъ; Испанія еще недавно чуть не исключила англійскіе товары съ своего рынка, не говоря о Франціи и Австріи, даже въ Германіи, въ послѣдніе годы замѣчается сильная агитація въ пользу покровительственныхъ пошлинъ и, слѣдовательно, враждебная торговымъ интересамъ Великобританіи. Вообще нерѣдко случается, что англійская производительность въ той или другой промышленности перевѣшиваетъ спросъ не только своихъ, но и чужеземныхъ потребителей; бо́льшая часть фабрикъ, особенно въ самыхъ крупныхъ, какъ бумажное и желѣзное, производствахъ, работаетъ главнымъ образомъ для за-

границы; поэтому относительно чрезмѣрное производство при сокращеніи спроса на его продукты немедленно порождаетъ сильные кризисы и промышленныя катастрофы. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить судьба желѣзнаго производства за три послѣдніе года и особенно за прошлый, 1877 годъ. Вывозъ желѣза изъ Англіи съ 1872 по 1876 г. упалъ на огромное количество—въ 1.158,292 тонны (тонна примѣрно равна 62 пудамъ); въ то же время производство понизилось всего на 185,932 тонны и, слѣдовательно, производство чрезмѣрно превзошло потребленіе. Только за одинъ 1876 годъ, по разсчету «Экономиста», производительная сила этой страны въ желѣзномъ дѣлѣ равнялась $7^1/_4$ милліонамъ тоннъ, между тѣмъ какъ производство должно было бы ограничиться всего $6^1/_2$ милліонами. Результатомъ явился страшный кризисъ: серьозныя потери понесены всѣми заводчиками, а многіе совсѣмъ остановили работу: даже въ лучшихъ желѣзозаводческихъ округахъ рабочіе едва способны добывать себѣ пропитаніе, а въ другихъ мѣстахъ страны прямо впали въ крайнюю нищету [5]).

Еще опаснѣе для Англіи иностранная конкурренція. Вотъ что писалъ по этому вопросу въ 1878 году «Daily Telegraph»: «наши интересы неразрывно

---

[5]) Supplement to the Economist. Commercial Hictory and Review of 1877, № 1802, стр. 24 и 25.

связаны съ развитіемъ торговли, и потому всякія препоны, представляемыя покровительственными тарифами, направлены противъ расширенія нашей торговли и должны неизбѣжно наносить тяжелый вредъ британскимъ интересамъ... Мы уже находимся въ настоящее время въ аномальномъ состояніи, ибо покупаемъ у иностранцевъ вдвое больше, чѣмъ имъ продаемъ. Американскій коленкоръ, напр., находитъ себѣ возрастающій спросъ даже въ Манчестерѣ (!). Ножевый товаръ изъ Филадельфіи и Питсбурга предпочитается шеффильдскимъ издѣліямъ. Машиннаго производства часы изъ Вальтхэма въ Америкѣ угрожаютъ уничтожить солидную часовую мануфактуру Ковентри въ Англіи. Кожевники Вермондса признаются, что они не могутъ болѣе производить кожу извѣстной доброты за одинаковую цѣну съ своими заатлантическими соперниками»... «Экономистъ» приводитъ данныя, вполнѣ подтверждающія эту опасность американской конкурренціи: Англія сильно потерпѣла въ 1878 году отъ развитія желѣзнаго производства въ Америкѣ, и кромѣ того бельгійскіе и германскіе заводчики, впродолженіе 1877 года, отбили у англичанъ весьма многіе заказы на этотъ важный продуктъ.

Такимъ образомъ промышленность и торговля — этотъ фундаментъ благосостоянія Англіи — отнюдь не отличаются прочностью, несмотря на приносимые милліарды. Конечно, это замѣчаніе можетъ до нѣко-

торой степени относиться и ко всякой другой странѣ съ развитой промышленностью, напр., къ Франціи. Нигдѣ, однако, капиталистическій строй производства не имѣетъ такихъ обширныхъ размѣровъ, а мануфактурная промышленность — такого подавляющаго значенія, какъ въ Великобританіи. Между производительностью французской и англійской, по мѣткому сравненію одного русскаго писателя, существуетъ такое же различіе, какъ между плаваніемъ на Средиземномъ морѣ и на Океанѣ. Промышленность, ищущая для себя потребителей на рынкахъ цѣлаго міра, стоитъ постоянно на краю страшной пропасти. Она утверждается на основаніяхъ чрезвычайно измѣнчивыхъ и подвижныхъ; она подвергается столь частымъ кризисамъ, что можетъ спасаться отъ нихъ не иначе, какъ возобновляя и усиливая безпрерывно свои комбинаціи... Она должна бороться въ одно и то же время и съ внутренней, и съ внѣшней конкурренціей; она должна знать обычаи и средства всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ, должна опасаться какъ своихъ, такъ и иностранныхъ тарифовъ. Постоянно заботясь о предупрежденіи торговыхъ и промышленныхъ катастровъ, она обязана всегда имѣть въ запасѣ средства для противодѣйствія непредвидимымъ обстоятельствамъ. Малѣйшее измѣненіе, напр., въ тарифѣ той или другой страны можетъ отнять у нея нѣсколько милліоновъ потребителей. Чѣмъ обширнѣе кругъ ея дѣйствій, тѣмъ болѣе она должна

опасаться ударовъ, ей наносимыхъ. Таково именно положеніе Англіи, имѣющей притязаніе на наполненіе своими продуктами всемірныхъ рынковъ. Англія представляетъ собою всемірнаго поставщика и торговца всевозможныхъ продуктовъ, отъ невыгоднаго посредничества котораго, однако же, всѣ народы, вышедшіе изъ періода дѣтства, спѣшатъ избавиться... [6]). Если далѣе позволить себѣ сравненіе, то большія континентальныя государства Европы и Соединенные Штаты можно сопоставить съ положеніемъ солиднаго поземельнаго собственника съ умѣреннымъ, но твердымъ и вѣрнымъ доходомъ, который можетъ временно поколебать только неурожай и непріятельское нашествіе. Наоборотъ, Великобританія напоминаетъ положеніе крупнаго купца-спекулятора, искусствомъ и счастіемъ нажившаго большой капиталъ; но положеніе его до крайности непрочно и подвержено огромному риску: что̀ пріобрѣтено годами, возможно потерять въ одинъ часъ. Только съ непреклонной энергіей и неустаннымъ трудомъ и при счастіи онъ можетъ побѣдить своихъ торговыхъ соперниковъ и удержать за собой свой рынокъ. Таково положеніе Англіи, по опредѣленію англійскаго статистика Д. Бэкстера.

Благодаря громадному исключительному значенію

---

[6]) См. *В. М—нъ*: «Пролетаріатъ и пауперизмъ въ Англіи и Франціи».

для этой страны — промышленности, торговые вопросы получаютъ въ ней преобладающую важность и стремятся опредѣлить всю внутреннюю и внѣшнюю политику государства [7]). Въ самомъ дѣлѣ, жизнь милліоновъ людей, скученныхъ въ громадной фабрикѣ, находится въ прямой зависимости отъ состоянія рынка, откуда становится понятной страстная, лихорадочная погоня Англіи за рынками, которая рѣзко отпечатлѣвается на всей ея исторіи послѣдняго времени. Она выражаетъ собою вполнѣ *борьбу за существованіе* англійскаго народа при теперешнемъ характерѣ ея экономическаго строя.

Эта исключительная промышленно-торговая складка экономическаго быта кладетъ рѣзкій отпечатокъ на политику и даже на самый національный характеръ

---

[7]) „Откуда проистекаетъ богатство Англіи?", спрашиваетъ Джорджъ Поуэлль.—«Отъ мѣстъ сбыта, отвѣчаетъ онъ, которыя она можетъ найти для своей промышленности. Но на какомъ же другомъ основаніи строится народное богатство, какъ не на увѣренности, что народъ нашъ можетъ доставлять свои различные продукты на рынки самые выгодные? *Поддерживать свободный доступъ къ рынкамъ — такова вся суть британскихъ интересовъ*». Войны Англіи съ Китаемъ и Абиссиніей, говоритъ онъ далѣе, не имѣли другой цѣли, какъ защитить піонеровъ-торговцевъ и открыть рынки... Ту же совершенно цѣль имѣла недавняя война съ ашантіями въ Африкѣ и съ джавакисами въ Индіи („Fraser's Magazine", перепечатка въ „Revue Britannique", 1878 года, № 2).

англійскаго народа. Ихъ общая черта — отсутствіе въ настоящее время высшихъ, идеальныхъ стремленій, и кромѣ того этотъ отпечатокъ сказывается въ постоянномъ стремленіи къ захватамъ, которые распространили британскія владѣнія на весь свѣтъ и неустанно продолжаются до настоящаго времени. Что касается народнаго характера, то онъ получилъ тотъ узкій эгоистическій складъ, страсть къ наживѣ и преклоненіе предъ золотымъ тельцомъ, которымъ отличается англійское общество, какъ по описанію всѣхъ путешественниковъ, такъ и собственныхъ поэтовъ [8]). «Утверждаютъ», говоритъ извѣстный изслѣдователь Англіи Леонъ Фоше, «что деньги— идолъ Англіи», и это мнѣніе вполнѣ подтверждается фактами: въ самомъ дѣлѣ, въ какой странѣ и въ какую эпоху страсть къ пріобрѣтенію овладѣвала людьми въ такой высокой степени? Въ мирѣ, какъ и въ войнѣ, какая другая цѣль существовала для государственной политики, равно и для дѣятельности частныхъ лицъ? Англія есть прежде всего страна торговли, и ею владѣютъ страсть къ наживѣ и геній разсчета: съ утра до вечера каждый англичанинъ трудится или торгуетъ, и весь народъ считаетъ, кончая маленькими дѣтьми». «Въ другихъ странахъ,

---

[8]) Стоитъ читателю припомнить отзывы о своихъ земнякахъ Байрона, или хоть «Домби и сынъ» Чарльса Диккенса, чтобы составить себѣ представленіе о господствующихъ типахъ англійскаго общества.

продолжаетъ далѣе Фоше, собственность составляетъ лишь базисъ общественнаго порядка; въ Англіи же собственность есть религія. Всѣ права проистекаютъ изъ собственности и подчиняются ей. Человѣкъ стóитъ ровно столько, сколько его собственность; богатство даетъ уваженіе, а бѣдность вызываетъ презрѣніе. Деньги составляютъ въ Англіи мѣру, которой измѣряется все—вещи, люди, время»!

Послѣ этого краткаго очерка экономическаго положенія Англіи становится возможнымъ приступить и къ разрѣшенію занимающаго насъ вопроса о британскихъ интересахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если рѣшающимъ моментомъ англійской національной жизни и политики является промышленность и торговля, то, очевидно, въ нихъ только, въ ихъ условіяхъ, и нужно искать отвѣта на данный вопросъ. Уже подъ самымъ словомъ «interest» (интересъ) англичанинъ привыкъ понимать прежде всего — процентъ на капиталъ, «прибыль», «пріобрѣтеніе». Дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ Британія имѣетъ обширные интересы на Востокѣ,—интересы, опредѣляющіе всю ея внѣшнюю политику. Предметомъ этихъ интересовъ служатъ три страны: Индія, Египетъ и Турція.

Разсмотримъ прежде всего интересы, связанные съ первой страной. Мы уже раньше упоминали о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ Англія въ послѣднее время въ расширеніи своихъ рынковъ и удержаніи за собой прежнихъ. Нѣсколько десятковъ

лѣтъ назадъ главный сбытъ своихъ товаровъ Англія находила въ Европѣ. Но обстоятельства измѣнились: большинство европейскихъ государствъ развили собственныя мануфактуры и не только перестали нуждаться въ услугахъ англичанъ, но даже явились, какъ мы говорили, ихъ опасными соперниками на чужихъ рынкахъ. Достаточно указать для примѣра на производство локомотивовъ, рельсовъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Въ сороковыхъ годахъ Англія владѣла почти монополіей этого производства и поставляла ихъ на всю Европу; въ настоящее же время Бельгія, Франція, Швейцарія и Германія не только довольствуются собственнымъ производствомъ, но и конкуррируютъ съ Англіей на русскомъ, египетскомъ, алжирскомъ и американскомъ рынкахъ. Съ упадкомъ европейскихъ рынковъ Англія обратилась къ американскимъ и австралійскимъ колоніямъ, годъ отъ году богатѣющимъ, но и тутъ скоро встрѣтила препятствія [9]). Болѣе богатыя, на-

---

[9]) Англійскія колоніальныя владѣнія по формѣ управленія раздѣляются на три вида: 1) *Коронныя колоніи* (Crown Colonies), въ которыхъ великобританское правительство сохраняетъ полный, всецѣлый законодательный контроль, и поэтому администрація ведется чиновниками, состоящими подъ этимъ контролемъ. Такъ управляется Индія, Гибралтаръ, Мальта. 2) *Колоніи съ представительными учрежденіями* (Representative Institutions), въ которыхъ британское правительство не имѣетъ veto въ законодательствѣ, но за то удерживаетъ за собой назначеніе и контроль гу-

селенныя англо-саксонскимъ племенемъ колоніи въ Австраліи и, частью, Канада въ Америкѣ, получивши въ послѣднее время представительное правленіе и широкую автономію, захотѣли воспользоваться ею для развитія собственныхъ мануфактуръ и поэтому заперли покровительственными пошлинами ввозъ англійскихъ товаровъ, чѣмъ, конечно, приносятъ немалый ущербъ своей метрополіи. Невыгоды, происходящія для Англіи отъ такой торговой политики ея колоній, настолько велики, что англійская пресса не разъ уже поднимала вопросъ, не удобнѣе-ли и полезнѣе для метрополіи совсѣмъ отказаться отъ такихъ колоній? Дизраэли, въ одномъ адресѣ 1872 года, выразилъ мнѣніе, что предоставленіе колоніямъ самоуправленія должно непремѣнно сопровож-

---

бернатора и чиновниковъ. Таковы, напр., Багамскіе и Бермудскіе острова. Наконецъ, 3) *Колоніи съ отвѣтственнымъ правительствомъ* (Responsible Government), въ которыхъ центральное правительство имѣетъ veto (большею частью номинальное) въ законодательствѣ и уже никакого контроля надъ администраціей, кромѣ своего губернатора. Такія колоніи, какъ Канада и многія австралійскія (Викторія, Тасманія, Куинслэндъ и др.), почти совершенно самостоятельны во внутреннихъ дѣлахъ и, владѣя своимъ парламентомъ, имѣютъ особые законы, всю собственную администрацію и, что̀ не менѣе важно, собственные таможенные тарифы, большею частію несогласные съ британскими интересами. Эти колоніи не имѣютъ только иностраннаго представительства и права войны.

даться обязательнымъ принятіемъ ими имперскаго тарифа, т.-е. установленнаго центральнымъ англійскимъ правительствомъ. «Имперскій тарифъ означаетъ такой тарифъ, который долженъ представить надежную преграду колоніальной тенденціи къ покровительству своей туземной промышленности». До сихъ поръ, однако, Англія не сдѣлала прямого шага въ этомъ направленіи, очевидно, опасаясь сильнѣйшей оппозиціи со стороны колоній и судьбы, постигшей ее въ прошломъ вѣкѣ съ Соединенными Штатами. Во всякомъ случаѣ существуетъ убѣжденіе, что раньше или позже эти колоніи должны отдѣлиться отъ своей метрополіи, которой онѣ доставляютъ со времени своей самостоятельности меньшій барышъ, сравнительно съ прежнимъ. «Всякое увеличеніе богатства колоній, справедливо замѣчаетъ лордъ Блечфордъ, ихъ населенности, образованія и организаціи составляетъ уже въ нѣкоторомъ смыслѣ шагъ къ этому отторженію: прибытіе этого періода зависитъ только отъ ихъ роста» [10]).

Совершенно непохожа на эти колоніи Индія: населенная многолюднымъ, но чуждымъ Англіи народомъ, она до сихъ поръ не пользуется самостоятель-

---

[10]) Nineteenth Century 1877, October стр. 364. Смотр. по колоніальному вопросу тотъ же журналъ за іюль: ст. Фогеля Greater and Lesser Britain. Также указанная выше ст. Поуэлля въ Fraser's Magasine и Cobden Club Essays, 2-d, series, статья о колоніяхъ проф. Т. Роджерса.

ностью и принадлежитъ къ такъ-называемымъ *коронньгмъ* землямъ, находящимся въ полнѣйшей зависимости отъ центральнаго правительства. Поэтому она ведетъ себя вполнѣ согласно британскимъ интересамъ, т.-е. предоставляетъ свободный рынокъ для сбыта англійскихъ мануфактуръ и даже въ ущербъ существованію собственной промышленности. Между тѣмъ, было время, когда Индія имѣла свою обширную и разнообразную мануфактуру, снабжавшую собственными продуктами рынки чуть-ли не всего извѣстнаго тогда свѣта. Между прочимъ, хлопчатобумажная промышленность, играющая въ настоящее время главную роль въ Англіи, получила свое начало въ Индіи: въ XVII вѣкѣ индійскій коленкоръ (отъ слова Калькутта), ситецъ, муслинъ и другіе бумажные товары превосходнаго достоинства были распространены во всей Европѣ, особенно въ Англіи. Въ послѣдней они составляли такой любимый и модный матеріалъ для дамскихъ костюмовъ, что Дефо, авторъ знаменитаго Робинзона Крузе, сильно жаловался въ особой статьѣ, въ 1708 году, на это пристрастіе прекраснаго пола къ индійскимъ матеріямъ и пренебреженіе къ отечественному шелку и шерсти. Въ промышленномъ классѣ поднялся, наконецъ, такой крикъ противъ этой вредной иностранной конкурренціи, что вышелъ особый актъ парламента, который запретилъ совершенно ввозъ всѣхъ бумажныхъ матерій изъ Индіи, дабы воздержать бри-

танскихъ леди отъ привязанности къ индустанскимъ матеріямъ. Тѣмъ не менѣе мѣсто матерій скоро заняла на англійскомъ рынкѣ индійская бумажная пряжа, которая ввозилась до восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія въ весьма большомъ количествѣ (на цѣнность болѣе шестидесяти милліоновъ рублей). Первый ударъ этой промышленности былъ нанесенъ изобрѣтеніемъ Аркрайта и разведеніемъ хлопка въ Америкѣ; затѣмъ постепенно этотъ вывозъ бумажной пряжи и издѣлій падалъ подъ давленіемъ англійской конкурренціи, которая, разумѣется, не встрѣчала и не терпѣла никакихъ охранительныхъ тарифовъ въ покоренной Индіи. Благодаря, между прочимъ, послѣднему обстоятельству, Англія уничтожила всю мануфактуру Индіи и превратила ее въ страну земледѣльческую, существованіе которой всецѣло опредѣляется и зависитъ отъ урожая риса. Достаточно двухъ недѣль бездождія, чтобы принести голодную смерть цѣлымъ тысячамъ людей. «Великую несправедливость, говоритъ одинъ англичанинъ, оказала наша страна относительно Индіи. Высокія пошлины и даже запрещенія встрѣчали индійскіе продукты... и, принуждая индусовъ покупать наши мануфактуры изъ Англіи съ уплатою номинальной пошлины въ два съ половиною процента, мы въ то же время сами требовали пятьдесятъ, когда являлась попытка ввозить индійскія хлопчато-бумажныя мате-

ріи въ Англію. Тотъ же принципъ примѣняется къ шелку и другимъ продуктамъ» [11]).

Весь торговый оборотъ Индіи, считая ввозъ и вывозъ, простирается въ настоящее время до 700 мил. рублей, изъ которыхъ половина прямо получается въ сношеніяхъ съ Англіей, другая же половина индійской торговли, хотя и совершается съ чужими странами, но опять-таки находится въ англійскихъ рукахъ, получающихъ сполна барышъ предпріятія. Но сверхъ этой способности для прямой эксплуатаціи ея торговли, Индія доставляетъ Великобританіи и множество другихъ неисчислимыхъ выгодъ. Такъ

---

[11]) Почти какъ единственное исключеніе уцѣлѣли бумажныя мануфактуры въ Бомбеѣ (до 30 фабрикъ), защищенныя отъ конкурренціи спеціальной для этой провинціи пошлиной. Въ настоящее время англійское правительство думаетъ ее уничтожить, и напрасно, конечно, образованные туземцы пробуютъ защищать ее, вооруженные арсеналомъ англійской политической экономіи. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, депутація отъ торговой камеры города Манчестера представлялась съ этой цѣлью Сэлисбюри, и раньше или позже она, конечно, добьется своего. Въ то же время въ отвѣтъ на жалобы туземцевъ на нищету, какъ слѣдствіе эксплуатаціи чужестранцевъ въ Индіи, введена два мѣсяца назадъ, какъ извѣстно, цензура періодическихъ изданій. (По этому поводу появился весьма любопытный экономическій трудъ индійца, изданный въ Бомбеѣ: *Kashinath Trimbak Telang*: Free-Trade and Protection from an Indian point of view. Bombey, 1877. См. также: Montgomery *Martin*: The History of British. India, стр. 543).

она, напримѣръ, производитъ опіумъ, которымъ Англія отравляетъ Китай, дѣлая хорошій оборотъ свыше пятидесяти милліоновъ рублей ежегодно. Опіумъ составляетъ казенную монополію англо-индійскаго правительства: онъ вырабатывается на правительственныхъ фабрикахъ въ Патна и Газипурѣ и продается посредствомъ аукціона купцамъ, спеціально для вывоза въ Поднебесную имперію. Нельзя въ заключеніе не упомянуть и о другой, не менѣе привлекательной для англичанъ, сторонѣ индійскаго владычества: уже много лѣтъ Индія служитъ обѣтованной землей для вторыхъ сыновей аристократическихъ фамилій и для массы другихъ лицъ, ищущихъ теплыхъ мѣстечекъ и быстрой денежной наживы: они ѣдутъ въ Индію въ качествѣ чиновниковъ и администраторовъ, не считая многочисленныхъ торговцевъ, промышленниковъ и авантюристовъ разнаго рода. По словамъ такого солиднаго авторитета, какъ указанный «Экономистъ» (№ 1802), еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сумма богатствъ, вывозимыхъ одними частными лицами изъ Индіи въ Англію, ежегодно составляла не менѣе 6 мил. фунт. стерл., т.-е. около 50 мил. настоящихъ кредитныхъ рублей. Можно судить, насколько съ тѣхъ поръ успѣлъ выросги этотъ наплывъ богатствъ, доставляемыхъ Индіей!

Итакъ, Индія составляетъ, благодаря описаннымъ условіямъ, важнѣйшій объектъ британскихъ интересовъ на Востокѣ. Нѣтъ сомнѣнія, ради обладанія

ею Великобританія готова выдержать самую серьозную войну и вынести самыя тяжелыя жертвы. Населеніе почти въ 250 милліоновъ управляется 70 тысячами англичанъ, къ которымъ оно настроено отнюдь не дружелюбно. Понятны, послѣ этого, опасенія Англіи за ея индійское владычество, если какая-нибудь сильная держава въ войнѣ съ Англіей вздумаетъ перенести въ Индію самое мѣсто борьбы! Но единственную достойную по силѣ соперницу на Востокѣ Англія видитъ въ нашемъ отечествѣ, не потому, конечно, чтобы Россія хотѣла завоевать или вторгнуться въ Индію, а потому, что Россія—единственная страна, которая въ состояніи предпринять такой походъ, если только того захочетъ. Вотъ причина англійскихъ криковъ о нарушеніи британскихъ интересовъ при каждомъ нашемъ шагѣ въ Средней Азіи, приближающемъ насъ къ Индіи. Точно та же причина относится и къ русскому занятію турецкой Арменіи: къ ней непосредственно прилегаетъ долина Евфрата—удобный торговый путь въ Индію, который, въ пугливыхъ глазахъ англичанъ, можетъ быть русскими обращенъ въ такой же военный. Кромѣ того, обладаніе Арменіей, по ихъ мнѣнію, должно приблизить насъ къ Сиріи и, слѣдовательно, къ Суэцкому каналу, самому главному и удобному сообщенію съ Индіей. «Одна изъ главныхъ нашихъ цѣлей, говоритъ англійскій «Экономистъ» (The Economist), заключается въ поддержаніи свободнаго пути

въ Индію: это безусловно важный и жизненный вопросъ. Мы не можемъ поставить посылку нашихъ войскъ въ Индію въ зависимость отъ какихъ бы то ни было случайностей или воли иностранныхъ державъ. Отказъ отъ этого пути равносиленъ потерѣ Индіи, потерять же Индію—это значитъ отказаться отъ императорскаго достоинства и превратиться только въ болѣе богатую Голландію». Насколько Суэцкій каналъ важенъ для Британіи, какъ путь сообщенія, можно судить по тому, что изо всего числа судовъ, проходящихъ каналъ, около 75% или три четверти принадлежатъ Англіи, и притомъ этотъ процентъ годъ отъ году возростаетъ. Въ виду этой важности для нея Суэцкаго канала, англійское правительство, какъ извѣстно, недавно скупило акціи Суэцской Компаніи и, вѣроятно, раньше или позже попробуетъ захватить, подъ предлогомъ бо́льшаго обезпеченія пути, самый Египетъ *) или островъ Критъ.

За Индіей по своей важности для британскихъ интересовъ слѣдуетъ Турція. Турція въ настоящее время—государство исключительно земледѣльческое: и вывозитъ заграницу только одно сырье, по преимуществу хлѣбъ. Наоборотъ, всѣ мануфактурные товары Турція получаетъ цѣликомъ изъ заграницы, главнымъ образомъ изъ Англіи. Далеко не ту картину представляла Турція въ началѣ настоящаго столѣтія и, частью,

*) Что уже отчасти съ тѣхъ поръ и выполнила.

даже до его тридцатыхъ годовъ: она еще имѣла тогда свои многочисленныя и разнообразныя мануфактуры, которыя не только были достаточны для удовлетворенія потребностей самой страны, но даже отправлялись во всѣ части Востока и нѣкоторыя государства Европы, въ томъ числѣ и въ Англію. Съ тѣхъ поръ, однако, эти мануфактуры постепенно и притомъ весьма быстро пришли въ упадокъ и уступили мѣсто иностраннымъ товарамъ. Такъ, по словамъ англійскаго путешественника тридцатыхъ годовъ, Урквардта, Турція имѣла въ 1812 году въ одномъ Скутари до шестисотъ станковъ муслину; изъ нихъ уже въ 1821 году осталось всего только сорокъ. Въ 1812 году насчитывалось въ Тырновѣ до двухъ тысячъ ткацкихъ заведеній, и изъ нихъ въ 1830 г. существовало только двѣсти. Въ пятидесятыхъ годахъ эта картина разрушенія турецкой промышленности представляется еще болѣе печальной. Извѣстный изслѣдователь Турціи, Убичини, въ 1854 г., изображаетъ ея мануфактурное положеніе въ такомъ видѣ: «кузницы Самокова въ Болгаріи, говоритъ онъ, и Фогницы въ Босніи, оружейные заводы въ Мостарѣ и Травникѣ послѣдней провинціи, суть единственныя большія мануфактуры этого города, существующія въ Европейской Турціи». «Пять лѣтъ назадъ», продолжаетъ онъ, «Салоника владѣла отъ 25 до 28 заведеній съ шелковыми станками, но это число понизилось теперь до 18. Въ Анатоліи, Діарбекирѣ и

Бруссѣ, которые были прежде такъ извѣстны за ихъ бархаты, сатинъ и другія шелковыя матеріи, не производится теперь и десятой доли того, что̀ вырабатывалось тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ». «Послѣдній городъ, т.-е. Брусса, по его словамъ, едва-ли производитъ ежегодно на 400 тысячъ піастровъ шелку, между тѣмъ, какъ вывозъ сырого шелку и въ коконахъ доходитъ еще до 8 милл. піастровъ». То же самое Убичини говоритъ и о городахъ Сиріи и Мессопотаміи. Багдадъ, напр., былъ когда-то центромъ цвѣтущей мануфактуры, въ особенности ситцевой, дубленія и приготовленія кожъ, посуды и т. п. Его производство отъ всѣхъ отраслей промышленности, которыя первоначально снабжали весь Левантъ, въ пятидесятыхъ годахъ уже не достигало болѣе трехъ, четырехъ милліоновъ піастровъ. Алеппо былъ городомъ еще болѣе цвѣтущимъ, нежели Багдадъ. Его галунныя и позументныя фабрики, парча, шелкъ, папка давали занятія болѣе, чѣмъ 40,000 станкамъ и производили цѣнность на нѣсколько милліоновъ фунтовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ эти данныя приводились Убичини, положеніе промышленности въ Турціи ухудшилось еще болѣе, а съ нимъ и самое положеніе народа. Такъ, по оффиціальному отчету Мэлинга, британскаго вице-консула въ Бруссѣ, тамъ существуютъ немногія шелковыя фабрики, которыя влачатъ жалкое существованіе; самая культура туто-

выхъ деревьевъ и шелковичныхъ червей ежегодно уменьшается и между тѣмъ, по его мнѣнію, трудно представить воображенію страну, болѣе для того способную. «Производство здѣсь шелку, говоритъ онъ, могло бы принять почти безграничное распространеніе (limitless extention)..., и шелководъ, довольствуясь даже половиной настоящей цѣны, могъ бы вознаградить свой трудъ съ избыткомъ». «Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, однакожъ, и это производство, вѣроятно, совсѣмъ прекратится». Товарищъ Мэлинга въ Европейской Турціи, Козолани, не могъ указать тамъ никакихъ прядильныхъ или ткацкихъ фабрикъ, кромѣ нѣсколькихъ, существующихъ спеціально для потребностей султанскаго сераля. «Въ деревняхъ», говоритъ Козолани въ своемъ краткомъ, но любопытномъ донесеніи парламенту, «дѣйствительно крестьянки кое-что прядутъ и ткутъ для своего обихода; но и этотъ промыселъ уменьшается. Другими словами, Турція въ настоящее время находитъ болѣе выгоднымъ посылать весь свой сырой матеріалъ прясть и ткать заграницу, нежели дѣлать это въ собственной странѣ» [12]). Итакъ, всѣ почти мануфактуры въ Турціи, за немногими исключеніями, закрылись, и она, отправляя заграницу, напр.,

---

[12]) Reports of Her Majesty's Secretaries of Embassies and Legations respecting factories for the spinning and weaving of Textile Fabrics abroad. 1873.

сырой хлопокъ и шелкъ, получаетъ ихъ оттуда же въ обработанномъ видѣ.

Нельзя не удивляться, конечно, такой быстрой въ 50 лѣтъ перемѣнѣ всего экономическаго строя государства. Какія же причины вызвали и обусловили это полное разрушеніе когда-то цвѣтущихъ мануфактуръ? По словамъ всѣхъ важнѣйшихъ изслѣдователей Турціи, не исключая оффиціальныхъ репортеровъ англійскаго парламента, такая причина, прежде всего, лежитъ въ иностранной, главнымъ образомъ, англійской торговой конкурренціи, обусловленной крайне вредной системой турецкаго таможеннаго тарифа. Въ самомъ дѣлѣ, Турція нетолько никогда не знала «теоріи покровительства національной промышленности», но, напротивъ, покровительствовала иностранной мануфактурѣ насчетъ своей собственной. Въ то время, когда внутренняя торговля и вывозъ турецкихъ продуктовъ заграницу были отягощены множествомъ самыхъ тяжелыхъ платежей и стѣсненій, привозъ иностранныхъ товаровъ оплачивался ничтожной номинальной пошлиной [13]). Очень долго, при ввозѣ своихъ товаровъ въ страну, франки платили 3% съ цѣны товара, мусульмане—четыре и райи или христіане-подданные—5; такимъ образомъ, иностранецъ имѣлъ

[13]) Донесеніе секретаря брит. посольства Баррона: Reports of H. M. Secretaries of Embassies and Legations on the Manufacture, Commerce etc. 1870. Стр. 240 и далѣе.

2% барыша сравнительно съ собственнымъ подданнымъ. Въ то же время вывозъ продуктовъ Турціи не только заграницу, но даже изъ одного турецкаго порта въ другой, подвергался пошлинѣ въ 12%, не говоря о разныхъ стѣснительныхъ монополіяхъ и внутреннихъ сборахъ. Съ 1869 г. цифра тарифа измѣнилась и равна теперь 8%, но сущность осталась та же самая. Въ отношеніи величины этотъ тарифъ—самый либеральный въ Европѣ, не исключая англійскаго тарифа, въ которомъ немногія существующія пошлины отличаются, однако, крупными размѣрами. Но за то по своей сложности, неопредѣленности, полнѣйшей несообразности и пагубности для собственныхъ интересовъ страны, турецкій тарифъ не имѣетъ себѣ подобнаго. «Во всемъ бѣломъ свѣтѣ», насмѣшливо замѣчаетъ Барронъ, «не практикуется такая нелѣпая система»! Однообразная, за немногими исключеніями, ввозная и вывозная пошлина въ 8% и транзитная въ 1% падаютъ теперь безразлично какъ на иностранный товаръ, такъ и на свой, перевозимый изъ одного турецкаго порта въ другой. Отсюда возможны, по словамъ Баррона, такіе абсурдные случаи: Бейрутъ требуетъ ежегодно большое количество хлѣба изъ другихъ сирійскихъ портовъ или Кипра, но при настоящихъ таможенныхъ порядкахъ Турціи хлѣбный торговецъ, вывозя изъ этихъ мѣстъ хлѣбъ въ Европу вмѣсто Бейрута, получаетъ въ разницѣ пошлинъ премію въ 7%, ибо

уплачиваетъ только транзитъ. Туземныя хлопчатобумажныя мануфактуры, повидимому, имѣютъ одно преимущество, а именно: платятъ при ввозѣ въ турецкіе порты не 8, а 4 или 6%; но и эта льгота обманчива. Она дана туземнымъ производителямъ, потому что они, выписавъ пряжу изъ Англіи, уже заплатили на нее эти 8% и, значитъ, въ дѣйствительности имъ приходится уплачивать 8+4 или 6, т.-е. не менѣе 12%, тогда какъ иностранецъ платитъ всего на всего 8%. Естественнымъ послѣдствіемъ такого неравенства является закрытіе всѣхъ турецкихъ бумажныхъ мануфактуръ.

Этотъ странный распорядокъ, по которому иностранецъ въ торговлѣ пользуется значительными преимуществами передъ туземцемъ, объясняется отчасти самимъ характеромъ турецкаго тарифа. Турки никогда не имѣли общаго тарифа, а всегда сепаратные, т.-е. отдѣльные, установленные особымъ договоромъ съ каждой страной. Чѣмъ сильнѣе было вліяніе страны, чѣмъ значительнѣе ея торговые интересы въ Турціи, тѣмъ выгоднѣе для себя она заключала договоры, не заботясь, разумѣется, объ интересахъ турецкихъ подданныхъ. Примѣромъ можетъ служить трактатъ съ Англіей 1838 года: по этому договору ввозъ и вывозъ товаровъ на британскихъ судахъ въ Турціи былъ обложенъ одинаковой пошлиной въ 3%, тогда какъ другія государства, кромѣ того, платили вдобавокъ массу внутреннихъ сборовъ. Подобные

специфическіе оклады пошлинъ и особые способы взиманія ихъ встрѣчаются въ турецкой торговой политикѣ очень часто, къ выгодѣ однихъ странъ и къ ущербу другихъ, не говоря уже о потеряхъ турецкаго казначейства. Такъ, пошлина на сукно платится *съ цѣны* товара, если онъ доставленъ изъ Австріи, и *съ вѣса* его, если изъ германскаго таможеннаго союза, что̀ дѣлаетъ важную разницу для торговца и побуждаетъ его къ обману: тонкія сукна австрійской фабрикаціи, напр., везутся, поэтому, черезъ Пруссію и Гамбургъ, чтобы явиться въ Турцію въ качествѣ нѣмецкаго продукта.

Понятенъ результатъ такой нелѣпой и самоубійственной торговой политики. Послѣ застоя, вызваннаго въ англійской торговлѣ наполеоновскими войнами начала XIX вѣка, промышленность Великобританіи воспрянула съ новой энергіей и силой, и торговля, искала себѣ выхода и новыхъ рынковъ. Между тѣмъ, кромѣ кратковременнаго опыта Россіи и Пруссіи въ двадцатыхъ годахъ, вся Европа держалась строгой покровительственной системы, тарифы превосходили нерѣдко 100% и развитіе британской торговли встрѣчало въ нихъ неодолимое препятствіе. Единственное исключеніе составляла Турція съ своимъ абсурдно-щедрымъ для иностранцевъ тарифомъ, въ прямой ущербъ собственнымъ, кровнымъ интересамъ. Англійскіе товары, поэтому, ринулись на турецкій рынокъ и быстро начали унич-

тожать несовершенное мѣстное производство. Въ 1827 году Англія ввозила въ Турцію товаровъ всего только на ½ милл. фунтовъ стерлинговъ, почему становится понятнымъ фактъ участія Англіи въ 1827 году въ освобожденіи Греціи—фактъ, въ настоящее время абсолютно невозможный [11]). Въ три послѣдующіе года цифра англійскаго ввоза выросла въ два слишкомъ раза и равнялась въ 1830 г. 1.040,000 ф. с., а въ 1874 г. — уже болѣе семи милл. однихъ британскихъ товаровъ, не говоря о привозимыхъ англичанами же продуктахъ колоніальныхъ и иностранныхъ; менѣе, чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ, англійская торговля съ этой страной возросла, слѣдовательно, болѣе, нежели *въ четырнадцать разъ*, а собственная мануфактура Турціи соотвѣтственно уменьшилась.

Весьма любопытно было бы прослѣдить эту печальную лѣтопись быстраго уничтоженія промышленности цѣлой страны и тѣхъ средствъ, той энергіи, которую прилагали англичане къ этому разрушенію.

---

[11]) Къ этому, впрочемъ, присоединяются и нѣкоторыя другія, косвенныя причины. Во-первыхъ, до реформъ представительства 1832 года, палата общинъ была въ большой зависимости отъ аристократіи и менѣе представляла торговые интересы страны. Во-вторыхъ, Россія, во время наваринскаго погрома, была отдѣлена отъ Индіи независимымъ Туркестаномъ и полузависимымъ Кавказомъ и, слѣдовательно, была менѣе опасна для британскихъ интересовъ.

Мы ограничимся только немногими данными. Такъ, приводимый нами выше англійскій изслѣдователь Урквардтъ уже въ 1833 году обращаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на возрастающую важность Турціи, какъ обширнаго рынка для британскихъ продуктовъ. Съ цѣлью вполнѣ завладѣть этимъ рынкомъ, онъ совѣтуетъ, прежде всего, *удешевить*, *по возможности*, *англійскія хлопчатобумажныя издѣлія*, чтобы *убить* важнѣйшую на Востокѣ мануфактуру. «Какъ важно такъ устроить, говоритъ онъ, чтобы наши хлопчатобумажныя матеріи сдѣлались достаточно дешевы, чтобы уничтожить туземное производство! Излишне перечислять всѣ обширныя послѣдствія, которыя отсюда могутъ произойти; но нельзя, при этомъ, опять не замѣтить, что нѣсколько пенсовъ на фунтъ стер. пониженія или повышенія цѣны продуктовъ совершенно достаточны, чтобы открыть или закрыть доступъ для нашихъ мануфактуръ къ рынку какъ одной деревни, такъ и четверти земнаго шара» [15]). Рецензентъ книги Урквардта въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» 1834 г. придаетъ турецкому рынку еще бо́льшее значеніи и обстоятельно разбираетъ данный вопросъ со всѣхъ сторонъ. По его мнѣнію, Турція могла бы покупать у Англіи однихъ хлопчатобумажныхъ ма-

---

[15]) *D. Urquardt*: Turkey and its Resources, 1833. См. также Edinburgh Review, vol. LVIII, 1834, „State and Relations of the Turkish Empire“.

терій на сумму болѣе 6 милл. фунт. стер.; но для достиженія этого необходимо, по его мнѣнію, обыкновенную денежную систему торговли измѣнить относительно Турціи на *мѣновую* торговлю, какая ведется у русскихъ съ китайцами. Затѣмъ нужно усилить покупательную способность турокъ, давая имъ возможность легче сбывать свое сырье. Средствомъ для этого можетъ послужить уничтоженіе англійскихъ ввозныхъ пошлинъ на сырье. «Тогда бы ничто не помѣшало болѣе, говоритъ онъ, чтобы нашъ ввозъ въ Турцію вполнѣ и всецѣло сравнялся съ ея потребленіемъ». «Но если либеральныя (?) и тѣсныя связи съ Турціей, по его словамъ, такъ важны въ коммерческомъ отношеніи, то онѣ одинаково важны и въ политическомъ. Благосостояніе есть лучшій врагъ всякаго мятежа: полный желудокъ (a full belly) находится во враждѣ со всякой революціей. Никакимъ другимъ образомъ мы не можемъ поддержать и укрѣпить султана такъ достойно и дѣйствительно въ его стремленіи къ реформамъ, какъ пробуждая трудолюбіе его подданныхъ. Развѣтвленія нашей торговли могутъ распространиться по всей странѣ и укрѣпить ея силы; между тѣмъ, присутствіе нашихъ консуловъ и купцовъ можетъ ободрять и поддерживать менѣе просвѣщенныхъ (?!) (encourage the less enlightened)... Наши соотечественники могутъ сдѣлаться миссіонерами въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова: они могутъ увеличить

склонность этой страны (т.-е. Турціи) къ ея старому союзнику (Англіи) и, не вмѣшиваясь въ политику, они могутъ *подъ рукой открывать и доносить* (at hand to discover and report) *нашему посланнику въ Константинополь объ интригахъ, которыя можетъ возбуждать недовольство турецкихъ подданныхъ или кривая политика ихъ сосѣдей* (т.-е. Россіи...). Какъ мы частью видѣли, эти желанія, за исключеніемъ благосостоянія Турціи и ея спокойствія подъ англійской эгидой, вполнѣ сбылись: торговый трактатъ 1838 года предоставилъ Турцію почти въ полную торговую зависимость отъ Великобританіи; пошлины на сырье въ послѣдней были скоро уничтожены, и въ пятидесятыхъ годахъ извѣстный экономистъ Макколохъ имѣлъ уже основаніе сказать про бумажную промышленность: «мы теперь находимся почти въ исключительномъ обладаніи турецкимъ рынкомъ».

При отсутствіи правильно устроенной оффиціальной статистики въ Турціи, трудно опредѣлить сравнительное торговое значеніе Англіи въ настоящее время; но, безъ всякаго сомнѣнія, она занимаетъ тамъ первое мѣсто, преобладая въ огромной пропорціи надъ всѣми другими государствами, ведущими торгъ съ Турціей. По англійскимъ источникамъ, которымъ въ этомъ случаѣ нельзя особенно довѣрять, около 40% всего ввоза и 60% вывоза Турціи принадлежитъ Великобританіи. По разсчету но-

вѣйшаго путешественника Біанкони, 70% всей заграничной турецкой торговли находится въ рукахъ англичанъ, и этотъ разсчетъ, по многимъ соображеніямъ, кажется вѣроятнымъ. Если считать общій ежегодный оборотъ всей турецкой торговли, согласно лучшимъ авторитетамъ, въ 38 милл. ф. ст., то на долю Великобританіи придется не менѣе 25 милл. фун. ст., или около 200 милл. нашихъ бумажныхъ рублей въ годъ. Сюда относится также и задолженность Турціи. Втеченіе двадцати лѣтъ, послѣдняя успѣла надѣлать долговъ болѣе, нежели на милліардъ металлическихъ рублей. Большая часть этихъ займовъ заключена въ Англіи, и отъ существованія Турціи зависитъ надежда кредиторовъ получить когда нибудь хоть часть своихъ денегъ обратно. Наконецъ, внутри самой Оттоманской имперіи немало различныхъ коммерческихъ предпріятій ведется на деньги англичанъ (между прочимъ, англійскимъ компаніямъ принадлежатъ двѣ линіи желѣзныхъ дорогъ), и, кромѣ того, множество англичанъ разсѣяно по всей странѣ въ качествѣ негоціантовъ, торговыхъ агентовъ, механиковъ, машинистовъ, инженеровъ и военныхъ инструкторовъ.

Вотъ въ этихъ сотняхъ милліоновъ, получаемыхъ отъ Турціи, и нужно искать, главнымъ образомъ, отвѣта на вопросъ, въ чемъ заключаются британскіе интересы въ Турціи. Полная экономическая зависимость Турціи, благодаря ея нелѣпой торговой

политикѣ, отъ Англіи и почти всецѣлая эксплуатація ея наличныхъ производительныхъ силъ,—таковъ результатъ взаимныхъ сношеній этихъ двухъ странъ. «Интересы Британской имперіи, весьма существенные для ея благосостоянія, говорятъ сами англичане, заключаются въ томъ, чтобы поддерживать сообщенія между всѣми частями имперіи и *принимать мѣры къ стяжанію и обезпеченію возможно наибольшаго числа рынковъ для нашей торговли и продуктовъ нашей промышленности*». Если поразмыслить объ англійской иностранной политикѣ «со временъ ея колоніальнаго расширенія, то окажется, что *она не имѣетъ другихъ цѣлей, какъ защищать эти интересы, исключая всѣ другіе.* Можно замѣтить также, что это составляетъ базисъ общей политики и соединенныхъ усилій всѣхъ англичанъ, подъ какой бы широтой не было ихъ поле дѣятельности» [16]). Турція именно представляетъ такой рынокъ и притомъ весьма выгодный, который Англія захватила, благодаря означеннымъ «соединеннымъ усиліямъ», и которымъ, конечно, не желаетъ ни съ кѣмъ подѣлиться. Въ то же время Англія имѣетъ основаніе полагать, что всякая значительная политическая перемѣна на Балканскомъ полуостровѣ можетъ повести къ уничтоженію этой односторонней,

---

[16]) *G. Powell*: Fraser's Magazine въ „Revue Britannique", № 2, стр. 311.

выгодной только для нея, зависимости и къ измѣненію торговой политики въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Едва-ли, разумѣется, вновь созданная Болгарія захочетъ давить собственную промышленность, чтобы соблюдать интересы мануфактуристовъ Манчестера и Бирмингэма. Турція, во мнѣніи англичанъ, всегда вызывала похвалы, какъ *представительница началъ свободной торговли*, выгодныхъ въ данномъ случаѣ только для нихъ самихъ; наоборотъ, Россія, за охраненіе своей національной промышленности, всегда вызывала строгое порицаніе и до настоящаго времени является, въ глазахъ англичанъ, *синонимомъ покровительственной системы*, вредной для расширенія ихъ торговли. Достаточно указать для примѣра на «запретительныя преграды русской торговой системы», о которыхъ упоминаетъ знаменитая циркулярная депеша лорда Сэлисбюри отъ 1 апрѣля 1878 года.

Понятны отсюда опасенія Англіи за созданіе самостоятельнаго славянскаго государства подъ вліяніемъ Россіи: ее страшитъ призракъ протекціонизма. Доказательствомъ можетъ служить огромный туркофильскій митингъ 24-го февраля н. ст., сообщенный «Times'омъ». Однимъ изъ первыхъ обвинительныхъ пунктовъ, выставленныхъ ораторами противъ Россіи, служитъ именно то, что она тѣснитъ и давитъ всегда англійскую торговлю своимъ покровительственнымъ тарифомъ. «Всѣми признано

(по откровенному сознанію Дж. Поуэля въ цитированной статьѣ «Frazer's Magazine»), что *англійскіе купцы не могутъ терпѣть русскихъ протекціонистовъ*, которые, въ интересахъ собственной торговли въ Черномъ морѣ, стараются запереть англичанамъ доступъ къ восточнымъ рынкамъ». Въ виду этого соображенія, каждый лишній вершокъ болгарской территоріи, по мнѣнію англичанъ, можетъ быть равносиленъ уменьшенію британскаго рынка въ Турціи, и подобное произошло съ завоеваніемъ русскими части Средней Азіи.

Но если Турція такъ дорога вообще для британскихъ интересовъ, какъ хорошій рынокъ для сбыта мануфактуръ, то ея значеніе должно особенно усиливаться теперь, въ виду положительнаго торговаго упадка Англіи за послѣднее время и особенно въ 1877 году. Вотъ уже четыре года, какъ въ Великобританіи постоянный неурожай, обусловливающій усиленный ввозъ хлѣба изъ за границы. Въ 1877 г. въ Шотландіи урожай былъ такъ плохъ, что по словамъ «Экономиста», даже старожилы не запомнятъ подобнаго. Такимъ образомъ требуется большой ввозъ хлѣба изъ-заграницы, а между тѣмъ иностранная торговля Англіи идетъ годъ отъ году хуже, особенно благодаря мануфактурной конкурренціи Соединенныхъ Штатовъ и нѣкоторыхъ государствъ Европы. Мы уже упоминали о сильномъ кризисѣ, постигшемъ англійскую желѣзную промыш-

ленность. «Англія въ настоящее время, говоритъ «Экономистъ», далеко не можетъ уже считаться поставщикомъ желѣза и стали на весь міръ, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ: другія страны почувствовали важность снабжать себя собственными продуктами вмѣсто того, чтобы довѣрять это другимъ, и Англія потеряла въ этой конкурренціи почву если не абсолютно, то по крайней мѣрѣ относительно». Точно также сильно потерпѣла втеченіе 4-хъ лѣтъ и другая важнѣйшая отрасль англійской мануфактуры, именно хлопчатобумажная, для которой имѣетъ особенно большое значеніе восточный сбытъ. Изъ всего огромнаго производства бумажныхъ матерій—60% Англія отправляетъ на Востокъ, а между тѣмъ въ 1877 году, въ этой столь важной для британскихъ интересовъ промышленности, она понесла положительное крушеніе: съ американской междуусобной войны еще не было для нея такого дурного года, какъ 1877. То же самое, въ большей или меньшей мѣрѣ, можетъ быть сказано и о промышленности шерстяной, шелковой, кожевенной, химической и почти всѣхъ остальныхъ отрасляхъ. Результатомъ этой торгово-промышленной депрессіи послѣднихъ лѣтъ явилось для Англіи обстоятельство весьма тревожнаго свойства, несмотря на всѣ успокоенія теоріи, а именно: сильно возрастающій перевѣсъ ввоза товаровъ надъ вывозомъ. Въ 1871 году этотъ перевѣсъ составлялъ 47 мил.

ф. с., въ 1875 году—91 мил., а въ 1876 уже 118 мил. фунтовъ или около 1 милліарда кредитныхъ билетовъ по настоящему курсу. Этотъ громадный перевѣсъ до сихъ поръ покрывался съ избыткомъ процентами и прибылями съ огромныхъ британскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ заграницей во всевозможныхъ видахъ; но нѣтъ сомнѣнія, что перевѣсъ растетъ настолько быстро, что существуетъ полное основаніе для тревоги, происходящей въ англійскомъ общественномъ мнѣніи [17]).

Въ такое то тревожное время Великобританія не можетъ не быть, конечно, особенно чувствительной къ тому, что̀ считаетъ нарушеніемъ своихъ торговыхъ интересовъ. Но понятно, что это соображеніе отнюдь также не можетъ служить къ оправданію или защитѣ этихъ интересовъ, построенныхъ на угнетеніи и эксплуатаціи другихъ народовъ. Британскіе интересы прежде всего односторонне-эгоистичны и отнюдь не могутъ считаться солидарными ни съ интересами Востока, ни цѣлой Европы, какъ хотѣло всѣхъ завѣрить въ этомъ министерство Биконсфильда. Характеръ ихъ опредѣляется современнымъ экономическимъ и политическимъ строемъ страны, во главѣ которой, рядомъ съ поземельной аристократіей, стоитъ могущественный среднiй классъ, привыкшій отожествлять свои интересы съ интересами цѣлаго на-

[17]) Supplement to the «Economist». № 1802.

рода. Измѣнится этотъ строй, этотъ анормальный экономическій распорядокъ англійскаго общества, — долженъ будетъ измѣниться и самый характеръ британскихъ интересовъ, чему уже встрѣчаются тревожные симптомы, частью нами указанные. «Черная туча нависла надъ нами уже много лѣтъ, говоритъ сэръ Селливэнъ, но мы только теперь начинаемъ чувствовать, что она обозначаетъ нашъ упадокъ... Конечно, великая мануфактурная нація, подобная Англіи, не можетъ сразу пасть или уступить мѣсто другой, но наша промышленность, кусокъ за кускомъ, уступаетъ свое мѣсто другимъ странамъ; процессъ этотъ совершается постепенно, и мы неудержимо слѣдуемъ ему въ настоящее время»...

Но даже и теперь есть основаніе думать, что британскіе интересы не представляютъ истинныхъ интересовъ и чувствъ всей британской націи, а главнымъ образомъ только господствующихъ классовъ, держащихъ въ Англіи бразды правленія. Намъ припоминается, по этому поводу, одинъ народный митингъ въ Англіи, на которомъ намъ лично пришлось присутствовать: «Насъ хотятъ убѣдить, говорилъ извѣстный вожакъ сельскихъ рабочихъ Англіи Джозефъ Арчъ, что вопросъ о свободѣ Дарданеллъ заключаетъ въ себѣ національный британскій интересъ; но это—положительная неправда. Отдайте Дарданеллы русскимъ, отдайте кому хотите! Вопросъ этотъ представляетъ интересъ только англійскихъ

торгашей, а не англійскаго народа, интересы котораго—у себя дома и, главное, заключается въ правильномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса». Можно надѣяться, поэтому, что англійскій народъ, который далъ міру столько великаго и прекраснаго, вмѣстѣ съ измѣненіемъ своего экономическаго строя, выкажетъ въ будущемъ болѣе безкорыстное и гуманное отношеніе къ интересамъ другихъ народовъ, и, наконецъ, сами британскіе интересы перестанутъ быть тѣмъ, что они являются теперь, т.-е. эгоистическимъ поползновеніемъ одного народа наживаться на счетъ всѣхъ прочихъ. Очень вѣроятно, что міру еще долго придется дожидаться этой перемѣны; во всякомъ случаѣ, до нея, за Англіей, по справедливости, удержится ея печальная слава—поработителя и эксплоатора полуміра, и останутся въ полной силѣ слова ея великаго поэта:

О если бы она (Англія) вполнѣ узнала,
Какой позоръ теперь ее покрылъ,
И какъ бы вся земля возликовала,
Когда бъ ей грудь ударъ меча пронзилъ
И какъ ее теперь клянутъ народы,
Привыкшіе когда-то обожать
Фальшивую поборницу свободы,
Что хочетъ ихъ цѣпями оковать!

(Байронъ: *Донъ-Жуанъ.* Пѣснь X).

Англійская торговая политика въ Ирландіи *).

«Я видѣлъ индѣйца въ лѣсахъ и негра въ цѣпяхъ и, созерцая ихъ положеніе, достойное жалости, я полагалъ, что вижу крайній предѣлъ человѣческой нищеты; но я еще ничего не зналъ тогда объ участи бѣдной Ирландіи». Этими словами извѣстный путешественникъ Густавъ де Бомонъ начинаетъ свое описаніе ирландской нищеты.

Онъ не находитъ достаточно словъ и красокъ, чтобы изобразить ея бѣдственное экономическое положеніе. «У всѣхъ народовъ, говоритъ онъ, находится большее или меньшее количество бѣдныхъ, но единственный примѣръ представляетъ собою Ирландія, въ которой весь народъ состоитъ исключительно изъ однихъ бѣдныхъ [1]).

---

*) Помѣщена въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1877 г.

[1]) *Gustave de Beaumont*: L'Irlande sociale, politique et religieuse, Paris, 1863. Tome 1-er, p. 222.

Одинаково мрачно описываютъ бѣдность этой страны и всѣ другіе изслѣдователи или путешественники, имѣвшіе случай посѣщать Ирландію. Сходясь въ этомъ отношеніи, однако, они весьма различаются въ объясненіи причинъ ирландской нищеты; изъ болѣе ходячихъ воззрѣній по этому предмету можно привести слѣдующія.

Большая часть старыхъ экономистовъ приписывала бѣдность Ирландіи ея чрезмѣрному будто-бы населенію. Но такое объясненіе не выдерживаетъ даже малѣйшей критики, если сравнить Ирландію съ другими, сосѣдними странами. Бельгія имѣетъ около $6^1/_2$ милліоновъ акровъ подъ пашней, которыми прокармливаетъ почти 5 милліоновъ населенія; Ирландія же имѣетъ земли до $15^1/_2$ мил. акровъ (еще лучшаго достоинства) и населенія менѣе 6 мил. душъ, слѣдовательно отнюдь не можетъ пожаловаться, противно утвержденію, на избытокъ населенія. Наконецъ, если взять Англію, то мы увидимъ, что она съ $25^1/_2$ милліонами акровъ обработанной земли содержитъ двѣ трети всего своего населенія, или около 15 мил. человѣкъ: т.-е. опять-таки населеніе Ирландіи сравнительно слабѣе.

Несравненно болѣе значенія имѣетъ другое объясненіе ирландской бѣдности, принятое преимущественно новыми экономистами. По ихъ мнѣнію нищета населенія этой страны обусловливается главнымъ образомъ дурной, существующей тамъ, систе-

мой землевладѣнія. Краткосрочная или даже совсѣмъ безъ сроку, «по первому требованію» (at will) отдача въ аренду земли, которая во всей странѣ принадлежитъ немногимъ крупнымъ собственникамъ, живущимъ за границей, ведетъ, конечно, къ плохой и нерадивой обработкѣ земли, а черезъ то и къ посредственнымъ урожаямъ. Кромѣ того, т. н. система *коттъерства* или передаточной аренды, или аренды черезъ посредниковъ (middlemen) возвышаетъ цѣну ренты и ухудшаетъ и безъ того дурное положеніе народа [2]).

Нельзя, конечно, не согласиться, что настоящая система землевладѣнія до значительной степени способствуетъ бѣдности ирландцевъ, но ее отнюдь нельзя считать исключительной причиной означеннаго яв-

---

[2]) „Ирландскіе землевладѣльцы", говоритъ одинъ путешественникъ сороковыхъ годовъ, „еще хуже нежели крупные польскіе или русскіе помѣщики. У послѣднихъ уже почти принято обычаемъ, что они должны помогать мужику при починкѣ его хижины, что они должны дать ему пищи, если у него нѣтъ ея. Ирландскій помѣщикъ этого не дѣлаетъ, такъ какъ его арендаторъ свободный человѣкъ, который можетъ уйдти куда хочетъ. Онъ имѣетъ всѣ неудобства раба, развѣ только свободенъ отъ кнута, не пользуясь его выгодами, состоящими въ участіи и заботѣ хозяина; вдобавокъ имѣетъ и всѣ неудобства свободы (нужду, заботу, голодъ), не будучи въ состояніи пользоваться какими-либо ея преимуществами". *J. G. Kohl*: Reise nach Jrland, 1843 стр. 27.

ленія. Въ Англіи система землевладѣнія весьма схожа съ ирландской, и между тѣмъ положеніе массы народа экономически несравненно выше. Въ послѣднее время, наконецъ, для Ирландіи вышелъ рядъ законовъ, который ограничилъ произволъ землевладѣльцевъ относительно арендаторовъ (at will); тѣмъ не менѣе бѣдность страны, возмущающая своими размѣрами наблюдателей, нисколько не уменьшается. Нужно слѣдовательно, поискать также и другихъ причинъ, которыя обусловили такую нищету и создали для ирландцевъ единственно возможный выборъ между медленной голодной смертью или эмиграціей изъ своей родины. Англичане любятъ, между прочимъ, обвинять ирландцевъ въ лѣнности, какъ собственной винѣ ихъ печальной участи; но достаточно взглянуть на трудолюбіе и благосостояніе этого народа въ Америкѣ и колоніяхъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности этого обвиненія. «Мы привыкли» замѣтилъ остроумно Свифтъ, «упрекать ирландцевъ въ лѣни, видя ихъ часто безъ работы, но мы забываемъ при этомъ, что они рѣдко имѣютъ (находятъ) работу». Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи и Шотландіи земледѣліе занимаетъ не болѣе одной трети рукъ всего населенія, въ Ирландіи же не менѣе двухъ третей, хотя ея территорія почти втрое меньше, нежели въ этихъ двухъ странахъ [3]). «Наконецъ, го-

---

[3]) Г. Бомонъ ошибочно опредѣляетъ это отношеніе въ

воритъ Густавъ Бомонъ, при ирландскомъ способѣ обработки земля производитъ вдвое менѣе, нежели при шотландскомъ или англійскомъ, изъ чего выходитъ, что трое земледѣльческихъ рабочихъ Ирландіи производятъ вдвое меньше работы, чѣмъ одинъ англичанинъ или шотландецъ» [4]). Это несовершенство въ обработкѣ земли, по объясненію того же писателя, *именно происходитъ отъ многочисленности земледѣльцевъ*, почему Бомонъ и считаетъ необходимымъ отвлечь ихъ на другое занятіе. Такимъ дѣломъ, котораго не достаетъ ирландцамъ, по мнѣнію Бомона, представляется мануфактурная промышленность. Нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы мануфактурная промышленность явилась большимъ благодѣяніемъ, чѣмъ въ Ирландіи. Промышленность дастъ работу празднымъ или невыгодно занятымъ рукамъ и послужитъ не только основой богатства, но и средствомъ спасенія страны. Ирландія имѣетъ въ настоящее время цѣлые милліоны рукъ или совсѣмъ бездѣятельныхъ, или дурно направленныхъ. Промышленность есть единственное орудіе, которое можетъ привести ихъ въ движеніе и черезъ это распространить повсюду изобиліе на мѣсто теперешней нужды [5]).

два раза: передъ этимъ онъ самъ пространство Англіи съ Шотландіей означаетъ въ 54 мил. акровъ, а Ирландіи—въ 19 мил., что и даетъ въ отношеніи около 3.

[4]) *Gustave Beaumont*: L'Irlande etc... 1863. Tome II, p. 82.

[5]) Idem, 84.

Такимъ образомъ Бомонъ подтверждаетъ остроумное замѣчаніе Свифта, о недостаткѣ труда для ирландцевъ и считаетъ упадокъ промышленности въ этой странѣ главной причиной ея бѣдственнаго положенія. Между тѣмъ Ирландія соединяетъ въ себѣ многія выгодныя условія для благосостоянія и счастія ея жителей: съ прекраснымъ климатомъ и почвой болѣе плодородной, нежели англійская, соединяется удобное и выгодное морское положеніе. Въ то же самое время, однако, при отсутствіи мануфактуръ эта страна отличается страшной бѣдностью населенія. Еще болѣе другихъ отраслей промышленности въ ней развито разведеніе и выдѣлка льна, но и тутъ Ирландія встрѣчаетъ сильныхъ соперниковъ въ Россіи, Голландіи и Бельгіи, что̀ и не даетъ развиться даже этому ея собственному производству. «При всѣхъ данныхъ къ матеріальному преуспѣянію, говоритъ одинъ ирландскій патріотъ, становится вопросомъ чрезвычайной важности разрѣшить, почему оно (т.-е. преуспѣяніе) не существуетъ въ этой странѣ, и почему Ирландія такъ далеко позади другихъ странъ, которыхъ естественныя условія очень рѣдко выше и очень часто ниже ирландскихъ [6])?» Для этого необходимо обратиться къ исторіи и поискать тамъ разрѣшенія даннаго вопроса.

---

[6]) *Rob. Kane*: The Industrial Resources of Irland. Dublin. 1845. 2 vol., 322.

Было нѣкогда время, когда обратно съ настоящимъ, мануфактурная промышленность въ Ирландіи процвѣтала далеко даже болѣе, чѣмъ въ самой Англіи. Но цѣлый рядъ усилій англійскаго правительства, возбуждаемыхъ корыстными побужденіями уничтожить торговаго соперника, положилъ предѣлъ этому процвѣтанію. «Угнетеніе Ирландіи Англіей», говоритъ Бомонъ, «нигдѣ такъ хорошо не обрисовывается, какъ въ ея торговой политикѣ. Англія хотѣла все продавать Ирландіи и ничего у нея не покупать, что, конечно, такъ же безсмысленно, какъ и несправедливо, ибо Ирландія не могла ни съ кѣмъ торговать кромѣ Англіи, и разумѣется та страна не можетъ ничего покупать, которая сама ничего не продаетъ» [7]). Шерстяное и полотняное производства, напр., существовали въ Ирландіи съ самыхъ давнихъ временъ; но очень рано ихъ процвѣтаніе возбудило зависть англійскихъ купцовъ и промышленниковъ и вызвало противъ себя цѣлый рядъ рѣшительныхъ законодательныхъ мѣръ. Такъ, актомъ парламента въ 1542 году, при Генрихѣ VIII, былъ запрещенъ ввозъ ирландской шерсти въ Англіи, причемъ льняныя и шерстяныя матеріи перечисляются какъ главныя вѣтви производства этой страны. Мотивомъ этого запрещенія выставляется въ статутѣ «дороговизна», будто бы, «вслѣдствіе означеннаго

---

[7]) *Beaumont*: v. II p. 85.,

вывоза сукна въ странѣ и лѣнность (!?) народа», кромѣ еще того, что этотъ вывозъ велъ къ разрушенію и опустѣнію бѣдной страны» (!).—Второй статутъ, вышедшій въ то же царствованіе, подтверждалъ, и усиливалъ исполненіе перваго закона различными наказаніями [8]).

Эти репрессивныя мѣры торговой политики, направленныя противъ благосостоянія Ирландіи, становятся сильнѣе и разнообразнѣе, начиная съ ранней части XVII вѣка. Къ этому времени, несмотря на предъидущія преслѣдованія, ирландскія мануфактуры начали сильно тѣснить англійскія на иностранныхъ рынкахъ, а ирландскій ввозъ въ Англію имѣлъ значительное вліяніе на тамошнія цѣны. Такъ, въ 1863 году, ренты въ Англіи сильно упали вслѣдствіе войны и эмиграціи трудолюбивыхъ пуританъ, выселившихся въ Голландію и Соединенные Штаты. Между тѣмъ, причина была отнесена ко ввозу скота изъ Ирландіи, и новымъ актомъ парламента немедленно этотъ ввозъ былъ запрещенъ «для поощренія торговли», какъ въ немъ говорилось. Тогда ирландцы начали убивать свой скотъ и ввозить въ Англію солонину, но и этому вскорѣ былъ положенъ предѣлъ: въ 1665 г. актъ англійскаго парламента по-

---

[8]) The Commercial Restraints of Irland considered in a series of Letters to a nobl e Lord, containing an historical account of the affairs of that Kingdom. London, MDCCLXXX, p. 172 and 173.

становилъ запрещеніе для ввоза всякаго скота изъ Ирландіи—«живаго и битаго, жирнаго и худаго» [9]). Въ 1670 году вышелъ актъ въ Англіи, который запретилъ прямой ввозъ въ Ирландію изъ англійскихъ колоній различныхъ матеріаловъ для мануфактуръ, т.-е. нужнаго для производства сырья. Черезъ эту мѣру ирландскіе мануфактуристы были, слѣдовательно, поставлены въ необходимость пріобрѣтать всѣ колоніальные продукты только изъ вторыхъ рукъ—отъ Англіи и, конечно, по увеличенной цѣнѣ; этимъ простымъ способомъ уменьшилась ихъ способность конкуррировать съ англичанами. Нѣсколько позднѣе дѣйствіе означеннаго закона было распространено рѣшительно на всѣ колоніальныя произведенія: Ирландія могла ихъ получить только изъ Англіи. Между тѣмъ, Ирландія хорошо расположена именно для торговли съ колоніями; и такимъ образомъ она, значитъ, лишилась одной изъ важныхъ выгодъ своего естественнаго положенія.

Эта же самая политика повторялась и со многими другими отраслями ирландской промышленности и торговли. Всякая ея самостоятельная попытка въ этомъ отношеніи встрѣчалась запретительными статутами со стороны англичанъ. Такъ, въ концѣ XVII в. Ирландія еще представляла собой столь хорошій

---

9) *J. Murphy:* Irland industrial, political and social. 1870. стр. 35. Кромѣ того смотри: The Commercial Restraints, 1780, стр. 176.

внутренній рынокъ, что несмотря на запрещенія къ вывозу, ткацкія производства процвѣтали и доводили зависть англійскихъ мануфактуристовъ до высшей степени. Жалобы въ англійскій парламентъ сыпались кучей и наконецъ возымѣли свое дѣйствіе: въ іюнѣ 1698 г. обѣ палаты подали королю адрессы. Петиція первой палаты заключается въ слѣдующемъ: «Мы лорды духовные и свѣтскіе, собравшіеся въ Парламентъ, нижайше представляемъ Вашему Величесгву, что выросшее шерстяное производство въ Ирландіи, вслѣдствіе дешевизны тамъ всѣхъ необходимостей жизни, а также по причинѣ хорошаго матеріала, даетъ право думать Вашимъ англійскимъ подданнымъ, что если этому производству въ Ирландіи предоста вить дальнѣйшій ходъ, то этимъ нанесется чрезвычайный ущербъ нашему собственному шерстяному ткачеству, торговля націи и цѣна земли падетъ, уменьшится также и народонаселеніе». По этимъ причинамъ лорды просили короля подавить и запретить для ирландцевъ шерстяное производство; а если они пожелаютъ заняться льняной мануфактурой (почти не существовавшей въ самой Англіи), то ей можно даже оказать поощреніе. Король на петицію отвѣчалъ: «Я сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ, чтобы уничтожить шерстяную промышленность Ирландіи, поощряя замѣсто того льняную». И дѣйствительно, вскорѣ прошелъ въ парламентѣ законъ, положившій конецъ ирландской мануфакту-

рѣ: вывозъ шерстяныхъ издѣлій изъ Ирландіи въ Англію былъ запрещенъ. «Между тѣмъ», говоритъ одинъ писатель, «ирландцы въ это время не только имѣли цвѣтущую промышленность, но производили даже многія шерстяныя издѣлія, которыя въ Англіи совсѣмъ не вырабатывались; и все это было подавлено и уничтожено запретительнымъ закономъ 1698 года» [10]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ этой мѣры, вслѣдъ за немедленнымъ разрушеніемъ цвѣтущей мануфактуры, было переселеніе множества ирландскихъ ткачей въ Англію и Францію; въ первой они переполнили рынокъ и сбили цѣны заработной платы, во второй своимъ искусствомъ создали и развили шерстяную мануфактуру, отчего пострадали отчасти интересы всей Великобританіи: шерстяная торговля съ Турціей перешла, напримѣръ, во французскія руки.

Указанными мѣрами далеко не ограничивается дѣятельность Англіи для подавленія и уничтоженія самостоятельной ирландской мануфактуры. Всякая попытка Ирландіи въ этомъ направленіи встрѣчалась запретительными статутами. Такъ это повторилось, напр., съ стекляннымъ производствомъ. Даже азіатская торговля была для нея запрещена, чтобы не нарушить монополію лондонскихъ купцовъ. Амери-

---

[10]) *Murphy*: Irland industrial, political and social. 1870. Стр. 27—29.

жанцы могли вести свою торговлю съ Ирландіей исключительно только черезъ Англію и въ англійскихъ портахъ. Но и тутъ употреблялись всевозможныя уловки убить прямую или непосредственную торговлю Ирландіи съ заграницей, даже и черезъ Англію. Законъ 1698 г. оставилъ право Ирландіи вывозить сырую шерсть; но, чтобы уничтожить ирландскій вывозъ транзитомъ черезъ Англію, была принята такая простая мѣра: возвратная пошлина (drawback) была сдѣлана ниже ввозной, и такимъ образомъ ирландцы очутились въ совершенной невозможности конкуррировать съ англичанами [11].

Вообще, по откровенному выраженію одного писателя начала XVIII вѣка, Англія всегда привыкла смотрѣть на Ирландію какъ на *свою дойную корову* (milk cow) [12]. Другой старый писатель, современникъ запретительнаго закона 1698 года, описывая весь вредъ, наносимый англійскимъ интересамъ развитіемъ ирландскихъ мануфактуръ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ экономическое отношеніе обѣихъ странъ: «До тѣхъ поръ, пока этотъ народъ будетъ наслаждаться шерстяной торговлей съ иностранцами, до тѣхъ поръ Англія не можетъ развить

---

[11]) An Essay on Trade, in general, and on that of Irland, in particular. Dublin, 1728, p. 85.

[12]) *John Brown*: Reasonable Remarks on Trade. Dublin, 1728 p. 59.

своихъ силъ. Главное занятіе для Ирландіи всегда должно быть земледѣліе, столь противоположное мануфактурѣ и торговлѣ по своему характеру» [13]).

Къ этой послѣдней цѣли и стремилась всегда Англія съ небольшимъ перерывомъ отъ 1783 по 1801 г., — временемъ существованія независимаго ирландскаго парламента, клавшимъ предѣлъ себялюбивымъ стремленіемъ этой сосѣдки. Едва Ирландія получила въ собственныя руки контроль надъ своей промышленной политикой, какъ немедленно наложила первымъ дѣломъ пошлины на тѣ привозные англійскіе товары, которые могли производиться въ самой странѣ. По свидѣтельству современниковъ, въ эти восемнадцать лѣтъ она сдѣлала чрезвычайно быстрые успѣхи въ земледѣліи, и особенно въ мануфактурѣ. Даже и за этотъ періодъ, впрочемъ, англичане дѣлали попытки дѣйствовать репрессивно на ирландскую промышленность. Въ 1785 году манчестерскіе фабриканты, напр., представили англійскому парламенту петицію съ 117,000 подписей, требовавшую запрещенія ирландской полотняной мануфактуры [14]).

Союзъ съ Англіей, вынужденный этой послѣдней въ 1881 году, нанесъ тяжкій ударъ развивавшейся

[13]) *John Cary*: A Discourse concerning the Trade etc. 1696. стр. 2, 3.

[14]) *R. E. Thompson*: Social Science and National Economy: Philadelphia, 1875. p. 312.

промышленности Ирландіи и положилъ предѣлъ ея самостоятельному развитію. Ввозныя пошлины на Англійскіе товары начали немедленно уничтожаться, и слѣдовательно еще слабая ирландская мануфактура была предоставлена на полную конкурренцію англійскимъ производителямъ. Всѣ пошлины на привозныя изъ Англіи хлопчато-бумажныя произведенія были уничтожены втеченіе времени отъ 1808 до 1821 г.; пошлины на другой важный продуктъ. шерстяныя издѣлія, были отмѣнены въ 1810 году [15]). Одинаково постепенно вмѣстѣ съ этими отмѣненіями закрывались ирландскія фабрики и прекращалось мануфактурное производство. Въ 1800 году въ Ирландіи существовала 91 фабрика шерстяныхъ издѣлій, въ 1840 г. уже оставалось только 12 фабрикъ; въ первомъ случаѣ число рабочихъ было 4038, во второмъ — уже 682. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ирландіи шерстяная мануфактура или совсѣмъ прекратилась, или дошла до крайняго минимума: такъ въ графствѣ Уикло (Wicklow) въ 1800 г. существовало до 1,000 станковъ для выдѣлки фланели; теперь же только 1. Въ 1800 г. Ирландія имѣла до 13 ковровыхъ фабрикъ; въ 1841 г. уже только 1 фабрику. Такой же рѣшительный упадокъ ирландской промышленности со времени ея союза съ Англіей и къ сороковымъ годамъ замѣчается и во всѣхъ другихъ

---

[15]) Jdem, 313.

родахъ мануфактуры. Чесаніе шерсти и тканье доставляло въ графствѣ Коркъ въ 1800 г. средства существованія для 6,000 человѣкъ, но къ 1834 г. это число уменьшилось уже до 478 душъ, а затѣмъ упало еще ниже. Все число ирландскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ не превосходитъ 8, съ числомъ рабочихъ рукъ въ 3,000; между тѣмъ, до времени союза одно только производство муслину въ двухъ графствахъ Мюнстерѣ и Коннаутѣ доставляло пропитаніе 300,000 рабочихъ женщинъ. Артуръ Юнгъ въ 1778 г., въ своемъ знаменитомъ путешествіи, упоминаетъ о существованіи у ирландцевъ шелковаго производства: ирландскіе поплины (полушелкъ и полушерсть) имѣли большой рынокъ во всей южной Европѣ и давали занятіе множеству рукъ. Въ настоящее время осталось всего двѣ поплиновыхъ фабрики въ Дублинѣ съ незначительнымъ производствомъ [16]).

Таковъ ходъ постепеннаго упадка ирландскихъ мануфактуръ послѣ заключенія союза. Ирландскіе патріоты предвидѣли, этотъ печальный результатъ для народнаго благосостоянія и боролись противъ союза сколько могли, доказывая съ основаніемъ, что онъ выгоденъ исключительно только для англійской промышленности [17]). Послѣдствія, какъ видимъ, оп-

---

[16]) *Murphy*: стр. 45, 46.

[17]) См., напр., журналъ того времени: The Anti-Union, Dublin, 1798, № V, № XVI. Въ № XI этого журнала (стр. 44) помѣщена между прочимъ слѣдующая любопытная

равдали эти предвѣщанія, и ирландская мануфактура уже къ сороковымъ годамъ была значительной частію разрушена англійской конкурренціей. Послѣдній ударъ ирландскому благосостоянію нанесенъ уже новой системой англійской торговой политики, принятой съ этого времени. Съ сороковыхъ годовъ Англія обратилась къ системѣ свободной торговли, репрессивныя мѣры и разнообразныя запрещенія относительно Ирландіи совершенно прекратились; но все это явилось уже слишкомъ поздно, и свободная торговля, выгодная при измѣнившихся условіяхъ для Англіи, принесла Ирландіи гораздо болѣе вреда, нежели пользы [18]).

«Мануфактурная промышленность», справедливо говоритъ по этому случаю ирландецъ Морфи, «есть

эпиграмма, рисующая воззрѣнія ирландцевъ на этотъ союзъ съ Англіей:

«How kind 'tis in England to force us to take
That favor an Union, and all for our sake!
Just so we treat turkeys: we cram them with food
To make them grow fat; but 'tis all for their good»!?

„Какое великодушіе со стороны Англіи заставить насъ принять, какъ милость союзъ, какъ бы для нашего счастія! Такъ же мы обходимся съ индѣйками: откармливаемъ ихъ, чтобы были жирнѣе—ужь не для ихъ-ли тоже пользы“?

[18]) *James Colter Morrison*: Irish Grievances shortly stated. 1869. Стр. 31. *Thom*'s Irish Almanack and Official Directory for 1868. Statistics of the United Kingdom of Great Britain and Irland reprinted with Additions, p. 129.

результатъ постепеннаго роста, требующій много лѣтъ для своей зрѣлости. Если государство разрушаетъ какую-нибудь отрасль промышленности въ странѣ, то шансы могутъ быть, что она никогда болѣе не поднимется, или по крайней мѣрѣ ея возбужденіе будетъ затруднительно, если не совсѣмъ невозможно рядомъ съ крѣпкимъ, здоровымъ ростомъ возмужалой мануфактуры другихъ странъ. Эта глава ирландской исторіи была часто упускаема изъ виду при изслѣдованіи ирландскаго вопроса; между тѣмъ она такова, что мы не можемъ даже оцѣнить всю ея важность». Въ самомъ дѣлѣ, принятіе Великобританіей политики свободной торговли нанесло Ирландіи двоякій вредъ. Открывши свободный доступъ для иностраннаго хлѣба и сырья въ Англіи, оно тѣмъ самымъ ограничило единственный почти предметъ сбыта Ирландіи или понизило его цѣну, что отразилось хуже всего на положеніи рабочей массы народа. Земледѣліе — главный источникъ существованія для большинства ирландцевъ—сдѣлалось занятіемъ невѣрнымъ и непостояннымъ, зависящимъ отъ цѣны на хлѣбъ въ Америкѣ и Россіи. Короче, Ирландія, со введеніемъ системы свободной торговли, потеряла единственную свою выгоду отъ союза съ Англіей — монопольный отчасти рынокъ для своего сырья. Кромѣ того, свободная торговля оказала на Ирландію и другаго рода вліяніе. Въ немногихъ изъ своихъ уцѣлѣвшихъ мануфактуръ Ирландія имѣла

соперницей до тѣхъ поръ одну Англію; съ открытіемъ же британскихъ гаваней для всѣхъ народовъ земнаго шара, эта страна получила огромное число конкуррентовъ, что пагубно дѣйствовало на всю ея промышленность, уменьшивъ еще болѣе ея размѣры. Почти всѣ ирландскіе промыслы съ сороковыхъ годовъ нетолько не расширились подобно остальнымъ великобританскимъ (за временнымъ исключеніемъ полотнянаго производства) но напротивъ значительно упали. Огромное большинство ирландскаго народа, такимъ образомъ, было брошено на одно земледѣліе, черезъ что оно лишилось тѣхъ выгодъ, какія доставляетъ странамъ мануфактура вмѣстѣ съ земледѣліемъ.

Одну изъ важныхъ вѣтвей народнаго хозяйства въ Ирландіи составляетъ рыбная ловля: въ 1846 г., тамъ насчитывалось до 19,883 рыбаловныхъ судовъ доставлявшихъ занятіе 93,073 человѣкамъ; черезъ двадцать лѣтъ политики свободной торговли, т.-е. къ 1866 году, насчитывалось всего 9,444 судовъ съ экипажемъ въ 40,663 души, что представляетъ убыль на 40,439 судовъ и 52,410 человѣкъ: т.-е. болѣе половины ирландскихъ рыбалововъ потеряли занятіе. Земледѣльческая статистика Ирландіи за это время представляетъ данныя одинаково неутѣшительныя: все пространство земли, засѣянной хлѣбомъ въ 1849 г. равнялось 3,174,424 акрамъ, а въ 1867 г.— уже только 2,115,700 акровъ: самое сильное умень-

шеніе при этомъ приходится на лучшій сортъ хлѣба—пшеницу (на цѣлыхъ двѣ трети). Жатва 1849 г. доставляла около 14 милліоновъ квартеровъ хлѣба всякаго рода, а продуктъ 1867 г.—менѣе 10 милліоновъ; пшеница въ первый періодъ доставлялась въ количествѣ 2 мил. 167 тыс. квартеровъ ежегодно во второй—только 725 тысячъ и т. д.

Какъ незначительна въ настоящее время ирландская промышленность, лучше всего видно, если сопоставить ее съ шотландской и англійской: изъ 2,655 хлопчатобумажныхъ фабрикъ во всей Великобританіи почти съ полмилліономъ рабочихъ (въ 1874 г.) на долю Ирландіи приходится всего 8 фабрикъ и три тысячи рукъ, тогда какъ одинъ Лэнеркъ въ Шотландіи имѣетъ 83 фабрики; изъ 1800 фабрикъ всѣхъ родовъ шерстяныхъ мануфактуръ Великобританіи Ирландія заключаетъ всего 60, и изъ 135,000 рабочихъ всего Соединеннаго Королевства въ ней занято шерстяной фабрикаціей не болѣе 1,500 человѣкъ; шелковое производство занимаетъ въ Великобританіи 45,559 рукъ на 818 фабрикахъ, изъ нихъ въ Ирландіи всего 2 фабрики съ 200 человѣкъ. Соотвѣтственно ничтожна и вся другая ирландская мануфактура: многихъ производствъ, напр., метталлическихъ, въ ней и совсѣмъ не существуетъ. Даже ирландская національная и самая крупная по размѣрамъ мануфактура полотняная—уступаетъ шотландской: Ирландія имѣ-

етъ 149 полотняныхъ фабрикъ, Шотландія 159; изъ всего же числа рабочихъ рукъ, занятыхъ этимъ производствомъ въ Великобританіи — 128 тысячъ — только около половины приходится на Ирландію (60 тыс.).

Такимъ образомъ Ирландія, сначала вслѣдствіе прямыхъ репрессивныхъ мѣръ, а позднѣе благодаря превосходству англійской и иностранной конкурренціи, лишилась большей части своихъ мануфактуръ, и ея жителямъ осталось одно только занятіе—земледѣліе. Но и тутъ, мы видѣли, вслѣдствіе той же причины, т.-е. принятой системы свободной торговли ирландцы должны были измѣнить систему культуры: засѣвъ хлѣба уменьшился, его мѣсто заняло луговодство для откармливанія скота съ цѣлью вывоза и посѣва картофеля для прокормленія самихъ жителей Ирландіи. Всѣмъ извѣстны результаты этой перемѣны. Масса ирландскаго народа дошла до крайней степени нищеты, и самое его существованіе стало въ тѣсную зависимость отъ хорошаго или дурнаго урожая картофеля. Болѣзнь его или неурожай равнялись для бѣдныхъ ирландцевъ голодной смерти и усиленной эмиграціи, хотя бы въ это же время житницы страны ломились отъ избытка хлѣба, что было, напр., въ знаменитый голодъ 1847 года. «Каждые два или три года», говоритъ достопочтенный О'Руркъ—историкъ ирландскаго голода, «начиная отъ 1821 г. и до общей картофельной болѣзни

1845 и 1846 годовъ, непремѣнно происходила большая или меньшая неудача въ сборѣ картофеля не только въ Ирландіи, но и вездѣ, гдѣ его разведеніе достигало значительныхъ размѣровъ. Вообще, обозрѣвая исторію этого знаменитаго корнеплоднаго, мы найдемъ, что хотя картофель на одномъ и томъ же пространствѣ земли даетъ большій запасъ человѣческой пищи, чѣмъ всякая жатва, онъ тѣмъ не менѣе представляетъ собой продуктъ весьма измѣнчивый и непостоянный. Очень можетъ быть будущія поколѣнія будутъ не мало удивляться, что государственные люди и поземельные собственники ничего не дѣлали столько времени, чтобы регулировать народное хозяйство этой страны такимъ образомъ, чтобы уничтожить зависимость существованія цѣлаго народа отъ какого-нибудь урожая картофеля, подверженнаго самымъ разнообразнымъ случайностямъ» [19]).

Благодаря всѣмъ перечисленнымъ условіямъ, Ирландія представляетъ невѣроятное событіе въ исторіи: начиная съ 1841 г. ея населеніе все болѣе и болѣе уменьшается. Періодически повторяющіеся тамъ неурожаи создаютъ страшныя бѣдствія: тысячи людей умираютъ голодной смертью и отъ эпи-

---

19) Rev. *John O'Rourke*: The History of the great Irish Famine of 1847 with notices of earlier Irish famines. Dublin, 1875, стр. 34.

демій, всегда тѣсно связанныхъ съ голодомъ; другія тысячи ищутъ спасенія за Океаномъ. Особенно знаменитъ страшный голодъ 1847 г., въ который число умирающихъ было такъ велико, что не успѣвали готовить гробы и ихъ принуждены были привозить изъ-за границы. Въ 1841 г. населеніе Ирландіи составляло 8.175,124 человѣка, а въ 1851— уже 6.522,385, т.-е. уменьшеніе на *двадцать* процентовъ, а слѣдующіе два ценза — на *восемнадцать*, такъ что по переписи 1871 г. Ирландія имѣетъ уже не болѣе 5.411,416 душъ. О'Рурк, принимая во вниманіе естественное приращеніе населенія посредствомъ рожденій и вычтя эмиграцію, кладетъ уменьшеніе ирландскаго населенія въ періодъ отъ 1841 до 1851 г. отъ голода и эпидемій, какъ послѣдствій голода, въ *одинъ милліонъ двѣсти сорокъ тысячъ смертей* [20]).

Даже экономисты-фритредеры признаютъ это косвенное вліяніе системы свободной торговли на опустѣніе Ирландіи посредствомъ голода и эмиграціи. «Когда хлѣбные законы, говоритъ одинъ изъ таковыхъ новѣйшихъ экономистовъ, были уничтожены, то фермера въ Ирландіи, чтобы получать прежнія цѣны, были вынуждены замѣнить пашни лугами. Эта перемѣна въ Ирландіи приняла такіе размѣры, что возбудила серьезныя послѣдствія, и

---

[20]) *O'Rourke*: 496—499.

свободная торговля можетъ быть справедливо обвиняема въ значительномъ обезлюденіи острова, которое произошло въ послѣдніе тридцать лѣтъ». Далѣе, отрицая — противно господствующему мнѣнію—голодъ и болѣзнь картофеля какъ ближайшія и непосредственныя причины этого явленія, Шэдуэль (имя этого экономиста) опять повторяетъ ту же самую мысль: «Если обезлюденіе можетъ быть разсматриваемо какъ зло, то тогда свободная торговля произвела это зло...» [21]). Замѣчательно, что въ странахъ мануфактурно сильно развитыхъ, какъ Шотландія и Англія, населеніе за тотъ же періодъ господства свободной торговли не только не уменьшилось, но столь значительно увеличилось, что въ общемъ итогѣ населеніе Великобританіи покрыло собою ирландскую убыль.

Но рядомъ съ уменьшеніемъ населенія замѣчается и другое странное явленіе въ экономической исторіи Ирландіи: народное хозяйство Ирландіи, сосредоточенное, при упадкѣ промышленности, на одномъ земледѣліи, въ суммѣ продуктовъ этого послѣдняго не только не выиграло, но напротивъ значительно потеряло. Извѣстный д-ръ Ляйонъ Плейферъ, членъ бывшаго гладстоновскаго министерства и одинъ изъ оффиціальныхъ изслѣдователей ирландскаго голода

---

[21]) *John Lancelot Shadwell*: A System of Political Economy. 1877. Стр. 411, 499, 500.

1847 г., представилъ въ одной статьѣ слѣдующія любопытныя вычисленія «объ уменьшеніи производства человѣческой пищи въ Ирландіи» [22]). Онъ взялъ два періода — 1856—7 и 1866—7 гг. и сравнилъ за это время производство сельскихъ продуктовъ въ Ирландіи. Изъ этой параллели оказывается, что количество получаемыхъ тамъ пищевыхъ продуктовъ значительно уменьшилось — именно, не менѣе какъ на $7^3/_4$ милліона квартеровъ хлѣба. Если принять, говоритъ онъ, по квартеру хлѣба годичнаго потребленія для человѣка, который приравнять также извѣстному количеству мяса; если, затѣмъ, вычесть то̀ количество прибавившихся мясныхъ продуктовъ, которое получается благодаря обращенію многихъ полей въ луга и увеличенію въ Ирландіи скотоводства, то все-таки получится упадокъ пищи за означенные десять лѣтъ не менѣе какъ для 1.900,000 человѣкъ. Далѣе, если мы сравнимъ двѣ провинціи Ульстеръ и Мюнстеръ—первая мануфактурная, вторая земледѣльческая, — то окажется, что *хорошее земледѣліе вполнѣ совмѣстимо только съ вниманіемъ къ мануфактурной промышленности.* Провинція Мюнстеръ расположена на югѣ Ирландіи, наслаждается мягкимъ климатомъ и плодородной почвой, будучи всецѣло посвящена земледѣлію. Ея

[22]) См. Sir Alexander *Grant*: Recess Studies. 1870. VI. On the Declining Production of Human Food in Irland, by D-r Lyon *Playfair*, p. 255—258.

пространство равняется 5.934,787 акрамъ, тогда какъ производительная сила, которая вызывается въ значительной степени мануфактурой, простирается до 360 лицъ на тысячу акровъ. Мюнстеръ уменьшилъ въ разсматриваемый періодъ времени количество воздѣлываемыхъ полей на цѣлыхъ 190,714 акровъ, или на 3% прежнего количества; а мануфактурный Ульстеръ, хотя тоже сократилъ сельское производство, но всего на 7,685 акровъ. Вообще, по мнѣнію Плейфера, недостатокъ мануфактуръ составляетъ одну изъ главныхъ причинъ ирландскихъ бѣдствій, и слѣдовательно, съ устраненіемъ этого недостатка, т.-е. съ расширеніемъ ирландской промышленности, слѣдуетъ ждать улучшенія экономическаго положенія массы народа.

И такъ, всѣ данныя указываютъ на неразвитость мануфактурной промышленности какъ одну изъ важныхъ причинъ (вслѣдъ за аграрной системой) бѣдственнаго положенія ирландскаго народа. Нѣкоторые писатели и политики, впрочемъ, до сихъ поръ настойчиво къ числу этихъ причинъ относятъ и излишнюю, будто бы, населенность Ирландіи, рекомендуя эмиграцію какъ лучшее средство улучшить ея матеріальное положеніе. Насколько это мнѣніе неосновательно, мы уже видѣли изъ приведенной выше сравнительной параллели ирландской населенности съ великобританской, не говоря уже о другихъ странахъ Европы, еще гуще населенныхъ. Въ послѣд-

нюю четверть только текущаго столѣтія (отъ 1851 до 1875 г.) Ирландія отправила за Океанъ 2.377,391 человѣкъ эмигрантовъ, и между тѣмъ положеніе массы народа нисколько чувствительно не измѣнилось къ лучшему: все та же нищета и хроническій голодъ. Кромѣ того, противъ эмиграціи—какъ средства помощи—говоритъ также одно обстоятельство весьма немаловажное: согласно многимъ наблюденіямъ, при свободѣ эмиграціи, переселяются преимущественно лучшія рабочія силы—личности большею частію энергичныя, способныя къ жизненной борьбѣ, которая имъ предстоитъ въ будущемъ отечествѣ; напротивъ, люди малоспособные остаются на родинѣ, не помышляя о лучшемъ. На этомъ основаніи сэръ Нихольсъ, напр., относится неодобрительно къ эмиграціи, какъ средству облегченія Ирландіи. Онъ полагаетъ, согласно съ сказаннымъ, что изъ страны убываютъ главнымъ образомъ болѣе интеллигентные и лучшіе рабочіе люди. «Я видѣлъ это на мальчикахъ въ школахъ при рабочихъ домахъ. Самые острые и разумные ребята постоянно эмигригруютъ, и только болѣе тупые, слабые и не энергичные кажутся настолько довольными, что остаются дома» [23]). Слѣдовательно, эмиграція измѣняетъ только къ худшему качественный составъ рабочаго населенія, а

---

[23]) Sir *G. Nicholls*: History of Irish Poor Laws. Стр. 401, 402.

никакъ не можетъ служить путемъ освобожденія страны отъ того числа голодающихъ, которое ежегодно въ ней повторяется. Средства же спасти Ирландію отъ нищеты лежатъ тамъ, гдѣ ихъ причины, т.-е. въ коренномъ измѣненіи настоящей аграрной системы и въ созданіи національной промышленности.

Торговля людьми

въ современной Европѣ *).

Кто не знаетъ или не слыхалъ о крайней чопорности и щепетильности англійскихъ дамъ? Весьма многіе предметы изъ обыденной жизни исключены изъ круга разговоровъ, которые допускаются въ присутствіи англійской лэди. Знаменитое «It is shocking!» раздается при упоминаніи, хотя бы въ самыхъ деликатныхъ формахъ и по необходимой связи разговора, о многихъ вещахъ, обсужденіе которыхъ во всей континенентальной Европѣ производится свободно въ каждой гостиной. Всѣмъ извѣстенъ, повторяемъ, этотъ фактъ чопорности англійскихъ дамъ; но не всѣ, можетъ быть, знаютъ, что когда дѣло касается долга человѣколюбія или гражданской обязанности, такъ тѣ же самыя щепетильныя лэди отбрасываютъ въ сторону всякую въ этомъ родѣ эксцентричность и не стѣсняются не только публично говорить и пи-

*) Была помѣщена въ газетѣ «Порядокъ» въ 1881 году.

сать, но и самымъ дѣятельнымъ образомъ агитировать по такимъ вопросамъ, о которыхъ одно лишь упоминаніе дамой во многихъ странахъ, менѣе развитыхъ нравственно, уже считается неприличнымъ. Многимъ-ли извѣстенъ, напримѣръ, фактъ, что въ Англіи существуетъ одинадцать *политическихъ обществъ*, въ числѣ членовъ которыхъ находится очень много дамъ, *съ цѣлью уничтоженія полицейскаго контроля надъ проституціей*? Представители и представительницы этихъ обществъ, между которыми встрѣчаются герцогини и графини, убѣждены всѣ въ одномъ и томъ же, что подобный контроль полиціи, прилагаемый хотя и къ падшимъ женщинамъ, заставляетъ ихъ падать еще ниже, нарушаетъ ихъ гражданскія права, унижаетъ человѣческое достоинство, закрѣпощаетъ въ ихъ постыдномъ занятія, усиливаетъ и развиваетъ ихъ численность и, слѣдовательно, деморализируетъ общество, не принося въ то же время, будто бы, никакой пользы ни въ гигіеническомъ, ни въ полицейскомъ отношеніи. Справедливы или нѣтъ такія мнѣнія членовъ этихъ многочисленныхъ обществъ, это—вопросъ, который мы рѣшать не будемъ; во всякомъ случаѣ, имъ нельзя отказать въ искренности, человѣчности и настойчивости ихъ стремленій. Съ цѣлью пропаганды своихъ идей, эти оригинальныя общества имѣютъ три журнала на англійскомъ языкѣ и одинъ на французскомъ. Одно изъ этихъ обществъ, не ограничи-

ваясь предѣлами британской короны, рѣшило перенести свою дѣятельность, ради той же цѣли — уничтоженія полицейскаго надзора за проституціей, и на континентъ Европы (British and Continental Fedaration for the Abolition of State-Regulated Prostituton); мы не говоримъ уже о массѣ чисто филантропическихъ обществъ, имѣющихъ задачей исключительно спасеніе погибшихъ женщинъ или помощь, и не преслѣдующихъ никакой политической задачи. Тутъ опять-таки видную роль играютъ дамы какъ въ сборѣ денегъ, такъ и въ распредѣленіи ихъ, отысканіи несчастныхъ (напр., въ больницахъ), убѣжденіяхъ — измѣнить образъ жизни, и т. д. Отъ первыхъ — это послѣднія общества отличаются тѣмъ существенно, что не хлопочатъ ни о какомъ измѣненіи законодательства или не требуютъ вмѣшательства правительства, а преслѣдуютъ чисто одно лишь дѣло человѣколюбія.

Но ни одно изъ этихъ обществъ, можетъ быть, при короткомъ времени существованія, не успѣло обратить на свою дѣятельность такого вниманія всей публики и принесть столько пользы, какъ новое общество подобнаго рода, всего годъ тому назадъ основанное и первый годичный отчетъ котораго лежитъ передъ нами *). Названіе этого общества, въ которомъ

---

*) Report of the London Committee for the Exposure and Suppression of the Traffic in English Girls for Purposes of Continental Prostitution. 1881.

опять-таки, между дѣятельными членами встрѣчается нѣсколько дамъ, уже указываетъ на цѣль его основанія. Оно называется: «Лондонскій комитетъ для обнаруженія и уничтоженія торговли англійскими дѣвушками для цѣлей континентальной проституціи» (The London Committee for the Exposure and Suppression of the Traffic in English Girls for Purposes of Continental Prostitution). Его стараніямъ англійскій народъ обязанъ раскрытіемъ позорной торговли людьми, существующей въ современной Европѣ. Оказывается, что въ то время, когда рабство уничтожено законами всѣхъ просвѣщенныхъ странъ, ничто не мѣшаетъ ему существовать во всей почти Европѣ въ самыхъ возмутительныхъ формахъ, о которыхъ не подозрѣваетъ общество, но которыя извѣстны и терпятся мѣстной администраціей. Мы познакомимся вкратцѣ съ исторіей возникновенія любопытнаго общества для борьбы съ означеннымъ зломъ и съ самою его дѣятельностью.

Въ одномъ изъ февральскихъ нумеровъ за 1876 годъ газеты «Times», появилось письмо къ редактору отъ м-ра Баррона, британскаго chargè d'affaire

---

Въ заголовкѣ означено красными литерами, что отчетъ предназначается «*конфиденціально* для чтенія родителей, опекуновъ, духовныхъ лицъ и другихъ, имѣющихъ попеченіе о молодыхъ дѣвушкахъ — сиротахъ и иныхъ, а также *государственныхъ людей и законодателей*, которые должны быть ихъ покровителями».

въ Брюсселѣ, подъ заглавіемъ: «Англичанки заграницей» М-ръ Барронъ обращаетъ вниманіе публики на лично и близко ему извѣстный фактъ, на возрастающій ежегодно сильный привозъ англійскихъ дѣвушекъ въ Бельгію, подъ разными обманными предлогами для цѣлей разврата. Завлекаемыя сюда ловкими ходоками обоего пола, подъ предлогомъ найма на какую-либо должность (гувернантки, бонны и т. д.), онѣ прямо, по прибытіи въ Бельгію, попадаютъ, вмѣсто того, въ дома терпимости и весьма рѣдко уже успѣваютъ оттуда вырваться и воротиться къ честному образу жизни. Полицейскія регуляціи въ Бельгіи, по его словамъ, представляютъ, къ сожалѣнію, весьма слабыя гарантіи противъ повторенія такихъ гнустныхъ злоупотребленій. Письмо это, какъ и всякое другое газетное свѣдѣніе, прочли въ публикѣ и весьма скоро забыли. Оно осталось лишь въ памяти и произвело сильное впечатлѣніе на одного изъ лондонскихъ книгопродавцевъ, нѣкоего м-ра Альфреда Дайера (Dyer), котораго возмутилъ фактъ возможности такихъ вопіющихъ насилій и неволи, налагаемой на англійскихъ подданныхъ, когда освобождены вездѣ даже черные рабы. (Когда-то, въ свое время, между-прочимъ, Дайеръ былъ ревностнымъ аболиціонистомъ и издалъ нѣсколько книгъ противъ существовавшаго въ Америкѣ невольничества). Осенью 1879 г., до свѣдѣнія м-ра Дайера случайно дошло извѣстіе, что въ одномъ изъ домовъ

терпимости, въ Брюсселѣ, содержится молодая англичанка противъ ея воли и что, тщетно стараясь вырваться изъ своего ужаснаго положенія, она нѣсколько разъ покушалась даже на самоубійство. Доброе сердце этого человѣка, очевидно, не вынесло такой несправедливости къ его соотечественницѣ, совершенно ему незнакомой, и онъ, немедленно покинувши свой книжный магазинъ, отправился въ Брюссель выручать и спасать эту несчастную. Много усилій и хлопотъ онъ употребилъ для этого въ Брюсселѣ; англійское посольство на его ходатайство отвѣтило отказомъ и отослало къ вице-консулу, который жилъ даже внѣ города, куда ему и пришлось отправиться. Но вице-консулъ, хотя принялъ его и лучше посольства, увѣрялъ, что онъ не въ состояніи, въ данномъ случаѣ, ничѣмъ помочь, и совѣтовалъ обраться къ королевскому прокурору. Этотъ принялъ его крайне сухо, заявивши, что дѣло его не касается, что онъ долженъ отнестись къ начальнику полиціи. Полиція, по его настоянію, наводила справки, но крайне неумѣло, и запуганная дѣвушка, допрошенная въ присутствіи хозяйки, даже отказывалась отъ всего съ нею происшедшаго и, въ противность сказанному ею лично Дайеру, говорила, что она остается въ домѣ по своей волѣ. При такихъ результатахъ человѣкъ всякой иной націи вѣроятно бы бросилъ дѣло; но упрямый, какъ истый бриттъ, м-ръ Дайеръ, хотя и воротился въ Лондонъ, но поручилъ вести дѣло

въ Брюсселѣ мѣстному пастору Ане и адвокату Сплингарду и скоро добился своего, хотя обстоятельства успѣли даже еще болѣе осложниться, такъ какъ эта дѣвушка, какъ оказалось, проживала подъ чужимъ именемъ, и, несмотря на то, что въ этомъ обманѣ цѣликомъ были виноваты лишь люди, завлекшіе ее въ Брюссель, тѣмъ не менѣе просидѣла въ наказаніе цѣлый мѣсяцъ въ тюрьмѣ. Дайеръ, наконецъ, самъ отвезъ ее въ Англію, возвратилъ семейству, и затѣмъ опубликовалъ во всѣхъ газетахъ ея трогательную исторію, желая возбудить общественное мнѣніе къ борьбѣ противъ подобнаго зла. Въ немногихъ словахъ ея исторія слѣдующая: молоденькая дѣвушка и дочь одной бѣдной вдовы, она была служанкой въ Лондонѣ, гдѣ познакомилась случайно на желѣзной дорогѣ съ однимъ хорошо одѣтымъ джентльменомъ, по ея словамъ, весьма респектабельной наружности. Послѣ нѣсколькихъ свиданій съ нимъ, она получила отъ него предложеніе выдти замужъ, но непремѣннымъ условіемъ онъ ставилъ, чтобы она послѣдовала при этомъ за нимъ въ Парижъ, гдѣ онъ постоянно живетъ и имѣетъ, будто бы, даже домъ. Неопытная, влюбленная дѣвушка повѣрила ему и отправилась съ нимъ на континентъ. Уже въ Калэ, подъ предлогомъ, что ему необходимо на короткое время вернуться въ Лондонъ и что онъ ее догонитъ, онъ сдалъ ее своимъ сообщникамъ, которые привезли ее, вмѣсто Парижа, прямо въ Брюссель, въ извѣстный

домъ. Не зная ни слова по французски, она первоначально ничего не понимала. Ее немедленно свезли въ полицейское бюро, увѣривши, что это таможенный домъ, гдѣ заставили глупенькую дѣвушку подписаться чужимъ именемъ и обозначить себѣ 21 г., хотя она въ дѣйствительности была моложе. Когда всѣ эти формальности были исполнены, то маски были сброшены, и несчастная скоро поняла, гдѣ она находится и чего отъ нея требуютъ; но дѣло было уже поздно поправить: всѣ ея возгласы, протесты и попытки бѣжать встрѣчали грубое насиліе, и тутъ она передаетъ длинный разсказъ своихъ страданій, пока ее не выручилъ благодѣтельный м-ръ Дайеръ съ его друзьями...

Исторія эта произвела нѣкоторую сенсацію въ публикѣ. На вопросъ этотъ обратили вниманіе и заговорили о немъ въ газетахъ, особенно когда появились на свѣтъ вскорѣ двѣ книжки: м-ра Дайера: «Европейская торговля рабами» (въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержавшая *четыре* изданія), и «Бѣлые рабы въ Европѣ», женевскаго пастора Бореля, въ переводѣ на англійскій языкъ и также имѣвшая *два* изданія въ короткое время *). Обѣ книги, примѣрно, одного содержанія, одинаково описываютъ несчаст-

*) The European Slave Trade in English Girls. By *Alfred S. Dyer*. London, 1880. Fourth edition.—The White Slavery of Europe, from the French of Pastor *F. Borels*, of Geneva. London, Second edition. 1880.

ное положеніе жертвъ обмана, завлеченныхъ, большею частью, далеко отъ родины и удерживаемыхъ въ домахъ разврата въ самомъ жестокомъ и унизительномъ рабствѣ и безъ надежды когда-либо вырваться. Нѣсколько лицъ въ Лондонѣ, тронутыхъ состраданіемъ, благодаря этому раскрытію зла, основали означенное общество съ цѣлью общими силами бороться и противодѣйствовать этому явному нарушенію личныхъ и гражданскихъ правъ британскихъ подданныхъ. Какъ видно изъ устава этого общества, «Лондонскій комитетъ для обнаруженія и подавленія торговли англійскими дѣвушками» главнѣйшими своими цѣлями ставитъ слѣдующія: «Всѣми способами обнаруживать случаи и доводить до свѣдѣнія публики о существованіи этой торговли людьми и тѣмъ предостерегать невинныхъ и ничего не подозрѣвающихъ жертвъ отъ возможной для нихъ опасности. Ходатайствовать передъ британскимъ правительствомъ и просить парламентъ о такихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ или измѣненіяхъ закона, которыя бы сдѣлали невозможнымъ продолженіе такой торговли. Настаивать передъ британскимъ правительствомъ о принятіи мѣръ противъ такого постыднаго факта, что британскіе подданные всего лишь въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ англійскихъ береговъ удерживаются въ самомъ отвратительномъ рабствѣ, съ согласія полиціи иностранныхъ государствъ и безъ всякой личной вины или преступленія. И, наконецъ,

послѣдняя цѣль лондонскаго комитета состоитъ въ помощи жертвамъ избавиться отъ этого рабства и въ необходимомъ для того содѣйствія».

Всего годъ съ небольшимъ существуетъ это общество, и между тѣмъ принесло уже не мало пользы; оно успѣло за это время обнаружить множество случаевъ подобнаго рода обмановъ и насилій и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не только наказать виновныхъ, но и предупредить несчастіе. Такъ, напр., нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, двѣ англійскія дѣвушки, подъ предлогомъ найма на службу во Францію, переѣзжали Ламаншъ на британскомъ пароходѣ «Кёльнъ», направлявшемся изъ Лондона въ Булонь, въ сопровожденіи одного француза. Три англійскихъ матроса, наслушавшись раньше о публикаціяхъ лондонскаго комитета, заподозрили намѣренія этого француза, и когда, по прибытіи въ Булонь, ихъ подозрѣнія подтвердились разговорами этого человѣка со встрѣтившими его сообщниками, дѣвушки къ ужасу узнали объ ожидавшей ихъ участи и, благодаря состраданію капитана, безплатно отвезены обратно; сопровождавшій же ихъ человѣкъ заарестованъ, преданъ суду и приговоренъ къ восемнадцати мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Какъ оказалось, уже онъ нѣсколько лѣтъ былъ занятъ продажей англійскихъ дѣвушекъ на континентѣ.

Какъ успѣло уже выясниться, благодаря дѣятельности новаго общества, и его агентовъ, между Ан-

глiей и континентомъ существуетъ правильно организованная торговля малолѣтними и несовершеннолѣтними дѣвушками изъ Англiи, Шотландiи и Ирландiи, поставляемыми для публичныхъ домовъ Францiи, Бельгiи, Голландiи. Одна изъ участницъ этой постыдной торговли, на недавнемъ процессѣ въ Брюсселѣ, о которымъ мы будемъ далѣе говорить, созналась даже, что для этихъ цѣлей существуетъ въ Лондонѣ своего рода торговое товарищество изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ! На континентѣ всегда существуетъ большой спросъ, по показанiямъ подобныхъ личностей, на молоденькихъ невинныхъ дѣвушекъ—англичанокъ. Для этой цѣли агенты, не жалѣя денегъ, шныряютъ по странѣ, розыскивая жертвъ, которыя соединяли бы въ себѣ три условiя: молодость, красоту и невинность, и, по возможности, безпомощность и беззащитность, почему сироты и предпочитаются всѣмъ инымъ и всего чаще попадаются въ ловушку. Предлогами обыкновенно являются или брачное предложенiе, или обѣщанiе выгоднаго и приличнаго занятiя или мѣста въ родѣ домашней прислуги, гувернатки или приказчицы въ магазинѣ. Въ большинствѣ случаевъ дѣвушки не знаютъ ни языка, ни обычаевъ той страны, куда ихъ везутъ, и потому весьма легко съ ними обдѣлываютъ всѣ формальности, нужныя въ полицiи, и, какъ доказываютъ многочисленные случаи, онѣ заносятся въ полицейскiе списки проститутокъ, будучи нерѣдко вполнѣ невинными дѣвушками и не

понимая нисколько, что онѣ дѣлаютъ подъ вліяніемъ лишь обмана, а иногда застращиванья.

Разъ попавши въ такой домъ, дѣвушка уже имѣетъ, въ большинствѣ случаевъ, мало возможности возвратить свою свободу выходомъ и даже хотя бы бѣгствомъ. Какъ доказываютъ послѣдніе процессы, пытавшихся бѣжать весьма нерѣдко перепродаютъ въ другія подобныя заведенія внутри страны и «британскія подданныя такимъ образомъ, говоритъ съ горечью отчетъ общества, находятся въ полномъ рабствѣ подъ покровомъ полицейскихъ законовъ иностраннаго государства». Наемные негодяи, очень часто преступники, отбывшіе свой срокъ или бѣжавшіе, находятся всегда тамъ на-лицо, чтобы воспрепятствовать всякой попыткѣ къ бѣгству или къ ихъ спасенію. Пока онѣ не освоились въ домѣ, хозяйки ихъ совсѣмъ не выпускаютъ со двора; если же и дѣлаютъ исключеніе и имъ позволяется выходить, то не иначе, какъ подъ эскортомъ довѣренныхъ лицъ, и, какъ видно изъ тѣхъ же процессовъ, эти несчастныя нерѣдко не видятъ дневнаго свѣта по цѣлымъ мѣсяцамъ: по полицейскимъ правиламъ двери и окна должны быть постоянно завѣшены: выходныя двери такъ устроены, что снаружи отворяются легко, извнутри же выходъ невозможенъ безъ ключа, находящагося всегда у хозяйки или у лица довѣреннаго. Побоямъ и другимъ наказаніямъ въ случаѣ непокорности жертвы,—нѣтъ числа. Какъ это извѣстно,

напр., бельгійской полиціи, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ есть комнаты безъ оконъ, сплошь уложенныя тюфяками, чтобы заглушить крики и стоны истязаемыхъ или заключенныхъ тамъ за неслушаніе распоряженіямъ хозяекъ. Однимъ словомъ, трудно перечислить всѣ тѣ страданія и мученія, которыя должна испытывать тамъ дѣвушка, попавшая не по собственному желанію, а путемъ обмана и насилія, какъ доказываютъ многочисленные примѣры.

Соединивши свои усилія съ другимъ обществомъ (British and Continental Federation for the Suppression of State Regulated Vice), «Лондонскій комитетъ для обнаруженія и подавленія торговли англійскими дѣвушками» началъ на континентѣ нѣсколько судебныхъ преслѣдованій противъ виновныхъ въ торговлѣ этимъ живымъ товаромъ. Одинадцать такихъ дѣлъ 1874 года происходили по иниціативѣ этихъ двухъ обществъ въ Бельгіи и два во Франціи. Наиболѣе извѣстный процессъ имѣлъ мѣсто 13-го и 14-го декабря 1880 года въ Брюсселѣ, причемъ цѣлая группа лицъ была приговорена къ болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ (до трехъ лѣтъ тюремнаго заключенія) и штрафамъ, и выяснилась организація постыдной торговли. Какія выгоды съ ней связаны, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, приводимаго въ обвинительной рѣчи при этомъ процессѣ. Одинъ изъ обвиняемыхъ, бывшій нѣсколько лѣтъ тому

назадъ простымъ служителемъ гостиницы, владѣетъ въ настоящее время состояніемъ въ 700,000 франковъ, и нахально заявлялъ, что не думаетъ никакимъ образомъ прекратить свою профессію, пока не будетъ владѣть милліономъ. Процессъ этотъ произвелъ большіе толки въ бельгійской и англійской прессѣ противъ системы полицейскаго контроля и повлекъ за собой выходъ въ отставку брюссельскаго бургомистра и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ городскаго управленія. Съ своей стороны, англійское правительство обратило на вопросъ этотъ болѣе серьезное вниманіе. Лондонскій комитетъ воспользовался этимъ и представилъ британскому правительству длинную петицію, въ которой ходатайствуетъ о томъ, чтобы правительство вошло въ дипломатическія сношенія съ иностранными государствами о принятіи мѣръ противъ повторенія подобныхъ случаевъ и необходимыхъ для того измѣненій въ полицейскихъ правилахъ и законахъ Бельгіи и Франціи.

Преслѣдуя свои благородныя цѣли, «Лондонскій комитетъ для обнаруженія и подавленія торговли англійскими дѣвушками» обратилъ вниманіе также и на другую, не менѣе важную, сторону вопроса—крайнее несовершенство и неудовлетворительность самого англійскаго законодательства по отношенію къ соблазну и похищенію дѣвушекъ. Какъ видно изъ данныхъ, сообщаемыхъ обществомъ, англійскій законъ отличается въ этомъ случаѣ крайней неспра-

ведливостью и невниманіемъ къ интересамъ именно тѣхъ классовъ, которые наиболѣе всего здѣсь страдаютъ. Именно, увозъ дѣвушки моложе двадцатиодного года для безнравственныхъ цѣлей считается за *преступленіе* въ томъ случаѣ только, *если она имѣетъ какія-либо права или виды на собственность;* если же она такихъ правъ или видовъ не имѣетъ, то увозъ ея наказуется лишь въ томъ случаѣ, если она моложе шестнадцати лѣтъ. Такимъ образомъ, богатые, которые менѣе собственно нуждаются, въ данномъ случаѣ, въ покровительствѣ закона, пользуются имъ, однако, несравненно больше, и, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, бѣдная дѣвушка, соблазненная и увезенная для извѣстной цѣли за-границу, въ возрастѣ отъ 16 до 21 года, не находитъ никакой защиты закона; между тѣмъ, какъ видно изъ данныхъ, приводимыхъ лондонскимъ комитетомъ, въ большинствѣ случаевъ эти жертвы современной торговли людьми—сироты и принадлежатъ къ рабочему классу и, слѣдовательно, не могутъ разсчитывать на покровительство британскаго закона, существующаго для однихъ богатыхъ. По дѣйствующему обычному закону (Common-Law) Англіи, подговоры или убѣжденіе дѣвушки или женщины сдѣлаться проституткой считается преступленіемъ; къ сожалѣнію, это положеніе обычнаго права въ проэктѣ новаго уголовнаго кодекса совершенно опущено и, такимъ образомъ, если Англіи суждено имѣть такой

кодексъ, то англійскія дѣвушки и женщины будутъ имѣть еще однимъ узаконеніемъ меньше для обезпеченія ихъ чести и цѣломудрія. Но самымъ страннымъ, если не сказать больше, постановленіемъ англійскаго закона, на которое напираетъ лондонскій комитетъ, является то, что никакого наказанія не существуетъ даже совсѣмъ за увозъ дѣвушки моложе 16-ти лѣтъ, *если она не имѣетъ родителя или опекуна.* Такимъ образомъ, сироты закономъ предоставлены на произволъ судьбы. «Лондонскій комитетъ для обнаруженія и подавленія торговли англійскими дѣвушками» обращаетъ вниманіе всего общества на эту несправедливость и несовершенство законовъ своей страны, и предполагаетъ даже принять мѣры болѣе серьёзныя къ ихъ устраненію. Частью онъ уже указывалъ на эту сторону въ петиціи къ правительству, о которой мы говорили. Въ ближайшемъ будущемъ предполагается новая петиція, или даже прямо внесеніе билля поэтому вопросу кѣмъ-либо изъ членовъ парламента.

Мы уже заканчивали настоящую статью, какъ газеты принесли извѣстіе о новомъ благомъ результатѣ дѣятельности разсматриваемаго нами общества. Газета «Globe» сообщаетъ содержаніе весьма интереснаго процесса, только лишь на-дняхъ окончившагося въ Брюсселѣ. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Нѣкто Жанъ Селькаръ (Jean Sellekart), уже нѣсколько лѣтъ занимавшійся поставкой англій-

скихъ дѣвушекъ, для извѣстной цѣли, на континентѣ въ дома распутства, уговорилъ въ Лондонѣ съ годъ тому назадъ, молодую дѣвушку Луизу Генесси (Henessy) (18 лѣтъ отъ роду) ѣхать въ Парижъ на должность приказчицы, будто бы, въ ресторанѣ, на хорошее жалованье. Вмѣсто Калэ, Селькаръ привезъ ее въ Остенде и тамъ продалъ нѣкоей мадамъ Парадисъ, содержательницѣ одного изъ роскошнѣйшихъ домовъ терпимости въ Брюсселѣ. Привезя ее далѣе въ Брюссель и предварительно запугавши, они представили ее на медицинское освидѣтельствованіе, причемъ четыре доктора нашли ее слишкомъ юной, чтобы быть записанной въ полицейскіе списки, для чего требуется, по бельгійскимъ правиламъ, двадцать-одинъ годъ. Тогда мадамъ Парадисъ повезла ее въ провинцію, разсчитывая, вѣроятно, на бо̀льшую снисходительность тамъ полиціи, сначала въ Гентъ, но неудачно; затѣмъ, въ Антверпенъ, гдѣ она была помѣщена въ одинъ домъ терпимости, гдѣ заболѣла; послѣ чего больная перепродана въ Гагу за 1,200 фр. и оттуда уже выручена своими соотечественниками и возвращена въ Лондонъ. Преслѣдованіе виновныхъ было начато англійскимъ правительствомъ по указаніямъ лондонскаго комитета и другихъ подобныхъ обществъ на этотъ фактъ. Всѣ подсудимые были признаны виновными. Мадамъ Парадисъ и ея мужъ были приговорены къ *четыремъ годамъ* тюремнаго заключенія, а Селькаръ—къ *шести*.

Нѣтъ сомнѣнія, что оригинальное общество, описанное нами — а подобныхъ обществъ въ Англіи множество - составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій англійской государственной жизни и невольно вызываетъ къ ней уваженіе иностранца. Хотя англійское правительство, въ большинствѣ своемъ, состоитъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и способныхъ людей науки и практической жизни, а также по самымъ формамъ управленія и свободной прессѣ представляетъ широкое поле для законодательной дѣятельности, но тѣмъ не менѣе, и оно, даже безъ частной помощи всего общества считаетъ себя не въ силахъ предусмотрѣть всевозможные разнообразные случаи необходимости измѣненія или дополненія, въ томъ или иномъ смыслѣ, существующихъ законовъ, или даже ихъ примѣненія. Отсюда-то, рядомъ съ правительственной и парламентской, является крайне важной *частная законодательная иниціатива*, которой Англія много обязана за врачеваніе общественныхъ язвъ черезъ постоянное привлеченіе къ нимъ вниманія всей страны. Очень можетъ быть, напримѣръ, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ и мы увидимъ измѣненіе тѣхъ англійскихъ уголовныхъ законовъ, на которые такъ указываетъ разсмотрѣнное нами общество и которые безъ этихъ указаній, можетъ быть, еще на много лѣтъ сохранили бы свои несовершенства. Даже въ сосѣдней Бельгіи полицейскія правила въ послѣдніе

мѣсяцы, подъ вліяніемъ, повидимому, той же агитаціи «Лондонскаго комитета для обнаруженія и подавленія торговли англійскими дѣвушками», подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, и если этой постыдной торговлѣ людьми въ современной Европѣ еще и суждено существовать долгое время, то, по крайней мѣрѣ, относительно британскихъ подданныхъ, можно думать, эта торговля встрѣтитъ серьезныя препятствія къ своему продолженію.

Англійскіе кабатчики *).

(Письмо изъ Лондона).

Какъ извѣстно, въ началѣ 1874 года Гладстонъ внезапно распустилъ парламентъ съ цѣлью найти въ его новомъ составѣ болѣе сторонниковъ своей партіи и поддержку своимъ планамъ, но жестоко обманулся во всѣхъ этихъ надеждахъ. Консерваторы составили въ парламентѣ подавляющее большинство, и Дизраели занялъ мѣсто Гладстона. Этому неожиданному исходу, какъ извѣстно, много способствовала могущественная и сильная партія, состоящая изъ лицъ, прямо или косвенно связанныхъ съ питейною торговлею и носящихъ вообще названіе «лиценцированныхъ или патентованныхъ кабатчиковъ» (licensed victuallers). Въ настоящее время, повидимому, для Гладстоновскаго министерства опять настаетъ время кризиса: число недовольныхъ его мѣрами увеличивается все

---

*) Помѣщена въ «Недѣлѣ» за 1880 г.

болѣе и болѣе, и даже между либералами (особенно по поводу ирландскаго вопроса) являются въ парламентѣ рѣшительные противники его политики, пристающіе къ оппозиціи. Между «кабатчиками» тоже замѣчается нѣкоторое броженіе, какъ это видно по статьямъ въ ихъ спеціальномъ органѣ («Licensed Victuallers Gazette»). Когда Биконсфильдъ (тогда еще Дизраели) принялъ послѣдній разъ министерство, то немедленно наградилъ «кабатчиковъ», продолживши на полчаса время закрытія питейныхъ заведеній въ странѣ и тѣмъ доставилъ не одну лишнюю сотню фунтовъ каждому изъ главнѣйшихъ дѣятелей этой партіи. Гладстонъ не только не оказалъ имъ никакой подобной любезности, но даже въ сессію 1879 года, проведя важный законъ о замѣнѣ налога на солодъ налогомъ на пиво, прибавилъ весьма непріятную для нихъ статью, допускающую въ интересахъ преимущественно бѣдныхъ классовъ домашнее пивовареніе въ небольшихъ, конечно, размѣрахъ, черезъ что они опасаются потерять профитъ, созданный лишнимъ получасомъ, который имъ подарилъ Биконсфильдъ.

Неизвѣстенъ, конечно, исходъ этой агитаціи, замѣтно возростающей въ странѣ между «кабатчиками», противъ Гладстона; но нельзя ее не назвать серьезной. Партія эта сильна не только своимъ богатствомъ и численностью, но и единодушіемъ. Такъ, на выборахъ въ 1874 году, столь неблагопріятныхъ для

Гладстона, «кабатчики» постановили избирать въ члены парламента, *не обращая вниманія на политическія воззрѣнія избираемыхъ*, лишь лицъ, которыя дадутъ обѣщаніе стоять за интересы питейной торговли и промышленности. Наименѣе щекотливыми и щедрыми на обѣщанія оказались консерваторы; Дизраели прямо сулилъ кабатчикамъ разныя льготы которыя частью, какъ мы видѣли, и далъ, и вотъ «кабатчики» лично и черезъ своихъ кліентовъ агитируютъ вездѣ за консерваторовъ: Гладстонъ терпитъ пораженіе, и Дизраели занимаетъ его мѣсто.

Русскому читателю, вѣроятно, будетъ интересно знать, что это за партія «кабатчиковъ», чѣмъ объясняется ея значеніе и насколько она сильна. На этотъ вопросъ я и постараюсь дать въ своемъ письмѣ возможно сжатый отвѣтъ.

Подъ именемъ «кабатчиковъ» (victuallers) въ широкомъ смыслѣ въ Англіи, какъ было упомянуто, разумѣются всѣ лица, прямо или косвенно заинтересованныя въ питейной торговлѣ и промышленности, т.-е. винокуры, пивовары, содержатели питейныхъ домовъ или кабатчики въ тѣсномъ смыслѣ, солодовые заводчики, бочары, стеклянные заводчики, приготовляющіе посуду для напитковъ, импортеры иностранныхъ винъ, многочисленный классъ, занятый продажей питей, прислуга питейныхъ домовъ и т. д. и т. д. Всѣ эти лица заинтересованы въ возможномъ расширеніи и процвѣтаніи питейной торговли и, со-

ставляя различныя мѣстныя общества, благотворительныя и политическія, соединены въ то же время въ одинъ союзъ, обладающій огромнымъ капиталомъ, на который содержатся общины и богадѣльни для больныхъ и устарѣлыхъ членовъ союза, богато-обставленныя среднія учебныя заведенія (одно подъ патронатомъ принца Вэльскаго) и нѣсколько школъ. Изъ этого же фонда черпаются средства, нужныя для политической агитаціи во время выборовъ въ интересахъ союза.

Обыкновенно привыкли считать въ Англіи важнѣйшими отраслями промышленности—хлопчато-бумажную и желѣзную, и между тѣмъ обѣ эти отрасли англійской индустріи, созидающія ея богатство и оставляющія за собой всѣ остальныя страны, далеко въ сущности уступають, по количеству капитала на нихъ затрачиваемаго, питейному производству и торговлѣ. По вычисленію извѣстнаго профессора Леона Леви, весь основной и оборотный капиталъ, вложенный въ хлопчато-бумажную промышленность въ Англіи, не превосходить все-таки 85 мил. фунтовъ стерлинговъ, и на желѣзное производство — 31 мил. фунтовъ, тогда какъ питейная промышленность и производство въ широкомъ смыслѣ составляетъ сумму этихъ двухъ производствъ, вмѣстѣ взятыхъ, и равняется громадной цифрѣ 117 мил. ф. с. Чтобы представить читателю нагляднѣе весь объемъ этого громаднаго капитала, вложеннаго въ питейное произ-

водство Англіи, достаточно напомнить о размѣрахъ франко-прусской контрибуціи (въ пять милліардовъ франковъ), составлявшей такую неслыханную въ обыкновенныхъ денежныхъ операціяхъ величину, что придумывались различныя остроумныя сравненія, чтобы дать только понятіе публикѣ о величинѣ этой суммы. Пять милліардовъ франковъ составляютъ на англійскія деньги 200 мил, фунтовъ, и слѣдовательно размѣры только капитала, вложеннаго въ одну великобританскую питейную торговлю и промышленность, составляютъ гораздо больше половины этой страшной и неслыханной въ исторіи контрибуціи!

Но войдемъ для большей наглядности въ дальнѣйшія подробности. По оффиціальнымъ отчетамъ, на пивовареніе въ Великобританіи въ 1878 г. было затрачено солоду до 59 мил. бушелей, и хлѣба пошло на винокуреніе около 12 мил. бушелей, т.-е. вмѣстѣ свыше 71 мил. бушелей (около *ста милліоновъ* русскихъ четвериковъ). По разсчету Макколоха, среднее производство съ хорошей земли составляетъ 32 бушеля на акръ, по другимъ же авторитетамъ— лишь 28 бушелей. Принимая за средній урожай 30 бушелей съ акра, мы придемъ къ заключенію, что въ Соединенномъ Королевствѣ требуются *два съ третью милліона* акровъ земли для производства лишь сыраго матерьяла для пивоваренія и винокуренія, за исключеніемъ хмѣля, для котораго, кромѣ того, требуется соразмѣрно объему пивоваренія *60*

тысячъ акровъ, т.-е. для приготовленія однихъ только продуктовъ, потребныхъ для производства напитковъ, воздѣлывается болѣе *восьми сотъ тысячъ* русскихъ десятинъ или одна девятнадцая всей обработываемой (включая и луга) земли Великобританіи. По разсчету проф Леви, далѣе, для обработки этого пространства земли и приготовленія нужныхъ для питейнаго производства продуктовъ, требуется 107,000 сельскихъ рабочихъ; сверхъ того 72,000 лицъ употребляется на солодовыхъ заводахъ, пивоварняхъ, винокурняхъ и при дистиллировкѣ вина; до 100,000 рабочихъ заняты укупоркой и упаковкой напитковъ, 2,000 лицъ—производствомъ бутылокъ и пробокъ, и до 600,000 лицъ обоего пола составляютъ прислугу въ питейныхъ заведеніяхъ. Причисляя къ этому различныхъ владѣльцевъ сюда относящихся отраслей производства и ихъ семейства, Леонъ Леви считаетъ общее число лицъ, такъ или иначе связанныхъ съ производствомъ и продажей спиртныхъ напитковъ, не менѣе *полутора милліоновъ* для всего Соединеннаго Королевства. Вотъ изъ этихъ то полутора милліоновъ, сплоченныхъ общностью интересовъ, и составляется сильная богатствомъ и вліяніемъ партія англійскихъ «Колупаевыхъ»....

Но чтобы составить себѣ понятіе еще болѣе нагляднымъ образомъ о грандіозныхъ размѣрахъ питейной промышленности, и слѣдовательно, о богат-

ствѣ и силѣ англійскихъ «кабатчиковъ», мы остановимся на одной отрасли ея, на пивовареніи, представители котораго и являются важнѣйшими охранителями интересовъ этого обширнаго союза. Рѣдко кто изъ иностранцевъ и даже англичанъ слыхалъ имя какого-либо британскаго винокура или дистилятора; но кто не знаетъ именъ знаменитыхъ англійскихъ пивоваровъ, какъ, напр., Бассъ или Ольсоппъ? Можно сказать безъ преувеличенія, что найдутся уголки земнаго шара, куда не проникали сочиненія и имена Шекспира и Байрона, но гдѣ навѣрное найдется хоть одна бутылка эля или портера одного изъ этихъ генераловъ отъ пивоваренія. Красный трехугольникъ на сѣтчатомъ фонѣ—торговую марку фирмы Басса и К° — можно навѣрняка встрѣтить въ любой странѣ свѣта, гдѣ живутъ или куда только проникаютъ евпропейцы: въ снѣжныхъ пустыняхъ Сибири и въ пампасахъ Южной Америки, на Нижегородской ярмаркѣ и въ ресторанахъ Мадрида, въ Ситхѣ и на Сандвичевыхъ островахъ, въ Ташкентѣ и Мадрасѣ, въ Константинополѣ и Ріо-Жанейро; вообще въ популярности, если не фешіонабельности, англійскій эль и портеръ смѣло состязаются съ французскимъ шампанскимъ и едва-ли не превосходятъ его.

Главный центръ англійскаго пивоваренія и, слѣдовательно, въ то же время главную квартиру союза «кабатчиковъ» составляетъ Бёртонъ на Трентѣ.

У каждаго промышленнаго города Англіи есть своя спеціальная отрасль производства и своя особая физіономія: Манчестеръ славится хлопчатобумажными мануфактурами и поражаетъ закоптѣлымъ и мрачнымъ видомъ своихъ громадныхъ фабрикъ; Шеффильдъ славится стальными издѣліями и весь усѣянъ массой трубъ, горновъ и печей, видныхъ издалека, подъѣзжая къ городу. Въ такой же степени славится и Бёртонъ своимъ элемъ и немедленно всякому вновь прибывшему даетъ чувствовать свою спеціальность: запахъ солода преслѣдуетъ всюду и носится въ воздухѣ. Весь городъ живетъ исключительно пивовареніемъ и представляетъ собой какъ бы одну гигантскую пивоварню и солодовый заводъ: повсюду, куда ни бросишь взглядъ, встрѣчаешь длинныя постройки солодовень, изрѣдка высокія трубы пивоварень и башни, служащія для водоснабженія. Во всѣ стороны, съ убійственнымъ однообразіемъ, большею частію, тянутся ряды сараевъ и складовъ съ бочками, которые встрѣчаешь на каждомъ шагу. Городъ во всѣхъ направленіяхъ перерѣзывается желѣзными дорогами, по которымъ тамъ и сямъ снуютъ длинные поѣзда, преимущественно состоящіе изъ длинныхъ платформъ, наполненныхъ тѣми же бочками. Въ Бёртонѣ сосредоточена большая часть англійскаго пивовареннаго производства: здѣсь находятся знаменитые во всемъ мірѣ пивоварни Басса, Ольсоппа, Инда, Купа, Сольта, Робинзона и многихъ другихъ.

Если брать въ разсчетъ отдѣльныя пивоварни, то самая громадная изъ нихъ принадлежитъ Ольсоппу, который производитъ 2,000 баррелей элю въ день (около 24,000 русскихъ ведеръ); но если взять во вниманіе общій размѣръ производства, то самая крупная фирма принадлежитъ Бассу и К°, имѣющему три завода въ одномъ этомъ городѣ, и о ней-то мы приведемъ нѣсколько данныхъ, чтобы познакомить читателя съ грандіозностью этого производства.

Пивоварни и солодовые заводы Басса вмѣстѣ съ громадными складами занимаютъ подъ постройкой въ городѣ до 140 акровъ земли и разбросаны по всему городу, владѣя колодцами лучшей воды, которые между прочимъ и играютъ не малую роль въ достоинствѣ самаго пива. Бассъ предпочитаетъ солодъ собственнаго приготовленія покупному и съ этой цѣлью имѣетъ нимало-немного—*тридцать девять* солодовень, изъ которыхъ тридцать двѣ въ Бёртонѣ, и всѣ онѣ соединены желѣзными путями. Производство солода равняется 7,588 квартерамъ въ недѣлю; тѣмъ не менѣе своего солода не хватаетъ, и онъ прикупаетъ ежегодно до 20,000 квартеровъ чужаго. Минимумъ потребленія солода на его заводахъ составляетъ 267,000 квартеровъ. Считая, что съ одного акра собирается 4 квартера ячменя, требуется слѣдовательно болѣе 66,000 акровъ (22 тысячъ десятинъ) земли для производства солода, нужнаго для одной только фирмы Басса. Потребленіе хмѣля на

его пивоварняхъ составляетъ 36,000 квартеровъ въ годъ, для чего необходимо, по самому низкому разсчету, 5,000 акровъ земли засадить хмѣлемъ. Все производство пива разныхъ сортовъ фирмы Басса составляетъ въ годъ 837,000 баррелей, т.-е. около *десяти милліоновъ* русскихъ ведеръ! Съ этого производства, въ видѣ налога на солодъ (замѣненнаго съ 1880 г. непосредственнымъ налогомъ на пиво) и патентнаго сбора, Бассъ ежегодно уплачиваетъ казнѣ налоговъ 300,000 фунтовъ, т.-е. *три милліона* бумажныхъ рублей по настоящему курсу. Когда фирма Басса въ прошломъ вѣкѣ начала пивовареніе въ Бёртонѣ, никакихъ искусственныхъ двигателей на заводѣ, кромѣ одной лошади, не существовало; вся работа исполнялась руками нѣсколькихъ человѣкъ рабочихъ. Въ настоящее время у Басса работаетъ двѣ тысячи человѣкъ рабочихъ, которые получаютъ еженедѣльно заработной платы до двухъ съ половиной тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ его владѣніяхъ находится двѣнадцать миль собственныхъ желѣзныхъ дорогъ, употребляются для движенія девять локомотивовъ и работаютъ тридцать двѣ паровыя машины, которыя вмѣстѣ поглощаютъ до сорока тысячъ тонъ каменнаго угля. Одинъ запасъ бочекъ въ его складахъ доходитъ до громадной цифры 543,869. Чтобы составить нѣкоторое понятіе объ этой массѣ, достаточно привести два примѣра: одной изъ величайшихъ построекъ въ мірѣ считается

Хеопсова пирамида въ Египтѣ; еслибы бочки съ завода Басса составить одну на другую, то можно было бы выстроить пирамиду въ пять слишкомъ разъ выше египетской; если же бочки класть на землю одна около другой, то можно было бы ими уложить всю дорогу отъ Лондона до Манчестера и все-таки ихъ бы остался достаточный запасъ для средней руки завода на цѣлый годъ!...

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы судить о тѣхъ страшныхъ, трудно вообразимыхъ богатствахъ, которыя находятся въ рукахъ нѣкоторыхъ «кабатчиковъ». Такое богатство дало бы, конечно, имъ огромное значеніе и власть во всякой странѣ, а тѣмъ болѣе въ Англіи—странѣ капиталистовъ. Не только въ Бёртонѣ, гдѣ они положительно царятъ, но и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Англіи ихъ голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Бассъ, Ольсоппъ и другіе пивовары засѣдаютъ, конечно, въ палатѣ общинъ, но не умственныя и душевныя качества, конечно, помѣщаютъ ихъ туда. Обратно съ тѣмъ вліяніемъ, которымъ они пользуются внѣ стѣнъ парламента, и тою говорливостью, которою они отличаются въ частныхъ собраніяхъ своей партіи, въ палатѣ общинъ они по большей части молчатъ; и ихъ голоса рѣдко слышатся, особенно въ вопросахъ важныхъ для народа. Касаются-ли парламентскія пренія вопросовъ о народномъ воспитаніи, о мѣрахъ къ улучшенію положенія бѣдныхъ, о рас-

ширеніи фабричныхъ законовъ, о санитарномъ улучшеніи жилищъ рабочихъ классовъ, о расширеніи права представительства и т. п. — кабатчики молчатъ и отнюдь не спѣшатъ поддерживать предложенныя мѣры. Другое дѣло, когда рѣчь заходитъ о необходимости ограниченія пьянства и т. п. вопросахъ, бьющихъ ихъ по карману: здѣсь они встаютъ, какъ одинъ человѣкъ, и, какъ умѣютъ, выгораживаютъ свои интересы! Еще сильнѣе они агитируютъ внѣ парламента, что имъ сподручнѣе и для чего не требуется особеннаго образованія или краснорѣчія, а лишь тугой карманъ. Тамъ они устраиваютъ многолюдные митинги, на которыхъ поятъ задаромъ или за дешевую цѣну народъ и кормятъ роскошными обѣдами въ Хрустальномъ дворцѣ англійскую аристократію; тамъ они нанимаютъ профессора Леона Леви доказывать огромную важность кабачныхъ интересовъ для преуспѣянія народнаго хозяйства; тамъ, наконецъ, «кабатчики», чуя какую-нибудь опасность вродѣ слуховъ о предположеніи министерства закрыть питейные дома по воскресеньямъ, съ наглымъ цинизмомъ дѣлаютъ публичныя заявленія и даютъ взаимныя обѣщанія, забывая всякій гражданскій долгъ, отложить въ сторону свои политическія убѣжденія и вотировать впредь за тѣхъ лицъ, на которыхъ союзъ укажетъ, т.-е. только за защитниковъ ихъ карманныхъ интересовъ, охотно доставляемыхъ консервативнымъ лагеремъ!....

Любопытно, что при всей огромной разницѣ, какая существуетъ между сильнымъ, богатымъ и вліятельнымъ классомъ аглійскихъ кабатчиковъ и только-что начинающимъ развиваться и поднимать голову классомъ русскихъ кабатчиковъ вродѣ Щедринскаго Колупаева, замѣчается одна оригинальная черта сходства: тѣ и другіе, повидимому, недалеко ушли другъ отъ друга по образованію, что замѣтно, по нескладнымъ рѣчамъ англійскихъ «кабатчиковъ» въ парламентѣ, чѣмъ отчасти и объясняется ихъ частое тамъ молчаніе. Такъ, знаменитый Бассъ, богатства котораго держатся въ фамиліи уже полтора вѣка и которыя еще труднѣе изсчислить, нежели пирамиду изъ его бочекъ, ограничилъ свое воспитаніе лишь посѣщеніемъ въ дѣтствѣ grammar school — нѣчто вродѣ нашего уѣзднаго училища. Глухой въ парламентѣ ко всякимъ предложеніямъ, полезнымъ для народа, и скупой для тратъ на народную пользу вродѣ школъ и библіотекъ, онъ — извѣстенъ своимъ ханжествомъ, при чемъ щедръ на церкви и всячески старается заслужить расположеніе духовенства. Такъ, въ одномъ Бёртонѣ онъ выстроилъ двѣ церкви и часовню, а его компаніонъ м-ръ Греттонъ выстроилъ третью въ окрестностяхъ Бёртона....

Вопросъ о городскихъ общественныхъ библіотекахъ *).

«Кажется что на эту тему мечтать нечего»?

Н. Щедринъ: Монрепо-Усыпальница.

Никто, вѣроятно не будетъ спорить, что одна грамотность не дѣлаетъ еще человѣка образованнѣе и не возвышаетъ его умственнаго уровня: большинство начальныхъ школъ, доставляя своимъ ученикамъ возможность выучиться только читать и писать, почти не расширяютъ его умственный горизонтъ надъ той средой, надъ тѣмъ классомъ общества, къ которому онъ принадлежитъ по своему рожденію. У такого ученика остается то же узкое міровоззрѣніе, тѣ же предразсудки, почти тотъ же скудный запасъ знанія и въ большинствѣ такое же малое уваженіе къ образованію, какъ это было бы, если бы онъ оставался совсѣмъ неграмотнымъ. Можно считать труиз-

*) Была помѣщена въ журналѣ „Слово" въ 1878 году.

момъ, что грамотность сама по себѣ еще значитъ весьма мало и составляетъ лишь орудіе образованія, а отнюдь не цѣль, не задачу его. Чтобы дать средство грамотному человѣку воспользоваться этимъ орудіемъ, необходимо доставить ему легкій и удобный способъ полученія книгъ, нужныхъ для его развитія. Книги могутъ расширить его образованіе, дать запасъ новыхъ свѣдѣній и, такимъ образомъ, самому воочію практически убѣдиться въ пользѣ грамотности, которая безъ чтенія нетолько приноситъ ему мало толку, но даже просто забывается, какъ всякое знаніе безъ упражненія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, въ этой важной сферѣ народнаго образованія, въ доставленіи удобствъ для чтенія народу сдѣлано у насъ въ Россіи всего наименѣе. Какъ извѣстно, на народное образованіе, въ широкомъ смыслѣ, Россія вообще затрачиваетъ менѣе всѣхъ остальныхъ государствъ Европы. Собственно государство тратитъ у насъ пропорціонально населенію въ два съ четвертью раза менѣе нежели Франція, въ три раза—чѣмъ Пруссія, почти въ четыре раза—нежели Великобританія и въ десять разъ меньше, нежели Цюрихскій кантонъ въ Швейцаріи [1]). Но, кромѣ государства, на разныя учебныя заведенія и разнаго рода образовательныя цѣли расходуютъ у насъ города,

---

[1]) *Eduard Pfeifer*: Vergleichende Zusammenstellung der Europäischen Staatsausgaben, 1877. Стр. 229.

земства и частію благотворительныя общества и частныя лица; и тѣмъ не менѣе, общій итогъ будетъ все-таки во много разъ менѣе суммы, расходуемой на тотъ же предметъ въ другихъ государствахъ. Ежели возможно было бы вычислить точно весь расходъ изъ государственныхъ и общественныхъ денегъ у насъ и заграницей на библіотеки, это важное условіе народнаго образованія, то навѣрное разница, не въ нашу пользу, была бы еще сильнѣе.

Не говоря о библіотекахъ разныхъ спеціальныхъ учрежденій, главная русская библіотека есть Императорская публичная, на которую казна затрачиваетъ всего ежегодно не болѣе 79,000 рублей, тогда какъ, напримѣръ, Британскій музей стóитъ Англіи около 135,000 ф. с. въ годъ, т.-е. (по курсу 9 бумаж. р. въ фунт. стер.) въ 14 разъ больше. Мы не говоримъ уже о томъ, что самое основаніе Императорской публичной библіотеки, этого нашего богатѣйшаго книгохранилища, обошлось Россіи, менѣе, нежели всякой другой странѣ подобная библіотека, ибо начало ея обязано, главнымъ образомъ, какъ извѣстно, успѣхамъ русскаго оружія, а не большимъ денежнымъ затратамъ (конфискованныя библіотеки Царства Польскаго). Расходы государства на другія библіотеки, напр., Румянцевскую въ Москвѣ, еще незначительнѣе. Земства и города (не считая ничтожной по размѣрамъ дѣятельности частныхъ обществъ) до сихъ поръ для основанія безплатныхъ

библіотекъ дѣлали также весьма немного. Вся помощь имъ въ большинствѣ случаевъ выражалась въ заведеніи не многихъ училищныхъ библіотекъ и небольшихъ субсидіяхъ, выдаваемыхъ публичнымъ библіотекамъ, основаннымъ преимущественно съ помощью частной благотворительности. Это относится ко многимъ нашимъ городскимъ библіотекамъ, число которыхъ, впрочемъ, въ цѣлой странѣ крайне незначительно: не только бо̀льшая часть нашихъ уѣздныхъ городовъ не имѣютъ такихъ библіотекъ, но даже многіе губернскіе; мало того, въ послѣдніе годы даже въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ были такія библіотеки, онѣ закрыты. Число частныхъ библіотекъ, какъ и книжныхъ магазиновъ, въ нашей провинціи также весьма ничтожно, и во многихъ городахъ единственной библіотекой является клубская, библіотека мѣстнаго клуба, доступная только для его членовъ.

Нельзя сказать, чтобы наше законодательство не сознавало важности и пользы основанія библіотекъ; поэтому, конечно, оно сочло нужнымъ частнымъ библіотекамъ дать нѣкоторыя преимущества и поощренія сравнительно съ другими торговыми заведеніями. Такъ, напр., по нашему закону, «содержаніе библіотекъ для чтенія допускается повсемѣстно безъ взятія промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ» [2]).

[2]) *З. М. Мсеріанцъ.* Законы о печати. Изданіе четвертое, стр. 879.

Но въ то же время, впрочемъ, распространеніе частныхъ библіотекъ обставлено и нѣкоторыми затрудненіями. Такъ, для открытія библіотеки требуется, по общему порядку, особое дозволеніе отъ мѣстнаго начальства (въ провинціи отъ губернатора); полученное дозволеніе имѣетъ силу только впродолженіе двухъ лѣтъ; передача и продажа библіотеки связана съ особыми формальностями, даже при перемѣнѣ помѣщенія испрашивается новое разрѣшеніе; библіотеки находятся подъ строгимъ надзоромъ инспекторовъ типографій и т. д., а все это, конечно, въ извѣстной степени, должно затруднять распространеніе частныхъ библіотекъ, особенно въ провинціи. Такимъ образомъ, отношеніе у насъ государственной власти къ вопросу о библіотекахъ можно назвать пассивно-полицейскимъ: государство не ставитъ особенно серьезнымъ препятствій заведенію этихъ важныхъ образовательныхъ учрежденій, хотя и не мало стѣсняетъ его значительными формальностями и вмѣшательствомъ, активное же участіе государства главнымъ образомъ выражается лишь въ поддержаніи Императорской публичной библіотеки и сравнительно немногочисленныхъ библіотекъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ заведеній и учрежденій! Не говоря уже о томъ, что эти библіотеки немногочисленны и при томъ сосредоточены преимущественно въ столицахъ, самое назначеніе ихъ имѣетъ особый характеръ. Такія книгохранилища, какъ Императорская публичная биб-

ліотека у насъ, Британскій музей въ Англіи, Національная библіотека во Франціи, существуютъ не столько въ образовательныхъ цѣляхъ всего народа, сколько въ научныхъ—для сравнительно небольшой кучки наиболѣе просвѣщенныхъ людей. Такія библіотеки правильнѣе назвать было бы *книжными музеями*, нежели библіотеками. Имѣя часто огромное значеніе для ученой дѣятельности въ странѣ, онѣ имѣютъ весьма ограниченное для распространенія образованія.

Итакъ, главнымъ книжнымъ источникомъ для народнаго образованія (кромѣ немногихъ библіотекъ, устроенныхъ земствомъ при сельскихъ училищахъ) должны служить у насъ частныя, а особенно городскія публичныя библіотеки, какъ представляющія изъ себя безплатныя отчасти учрежденія; но въ этомъ именно отношеніи, какъ мы уже упомяли, наше отечество обставлено хуже всего. Въ огромномъ большинствѣ провинціальныхъ городовъ совсѣмъ нѣтъ библіотекъ, какъ и книжныхъ магазиновъ: если же онѣ и существуютъ, то въ большинствѣ случаевъ весьма неудовлетворительны. Насколько извѣстно, почти всѣ наши городскія публичныя библіотеки своимъ основаніемъ обязаны голому случаю. Если находилось въ городѣ нѣсколько доброжелательныхъ и энергичныхъ людей, сочувствовавшихъ этому дѣлу, то они составляли складчину, обращались къ чужой благотворительности, каждый сочувствовавшій жертвовалъ чѣмъ

могъ, преимущественно книгами ему ненужными, городское управленіе выдавало обыкновенно какое-нибудь пособіе, болѣе или менѣе незначительное, смотря по его средствамъ и соображеніямъ. Дальнѣйшее ея существованіе обусловливалось тѣми же случайностями, т.-е. зависѣло отъ средствъ, отпускаемыхъ городомъ, или отъ частныхъ пособій и отъ присутствія въ городѣ сколько-нибудь дѣятельныхъ лицъ, могущихъ ею руководить и ее поддерживать. Гдѣ такіе люди и средства находятся до сихъ поръ, тамъ городскія библіотеки болѣе или менѣе сносно существуютъ и до настоящаго времени; гдѣ же нѣтъ — онѣ постепенно захилѣли или даже закрылись. Намъ извѣстны двѣ провинціальныя библіотеки лично (рязанская и ржевская—Тверской губерніи) и три по разсказамъ (скопинская — Рязанской губ., симбирская-карамзинская и вятская). Сказанное нами объ основаніи и условіяхъ существованія нашихъ городскихъ библіотекъ примѣняется въ большей или меньшей мѣрѣ и ко всѣмъ этимъ пяти библіотекамъ. Рязанская библіотека, какъ слышно, годъ назадъ закрылась вслѣдствіе этихъ стучайныхъ условій существованія [3]), ржевская библіотека закрыта уже нѣсколько

---

[3]) Эта библіотека была основана частными пожертвованіями и, кажется, въ основаніи легла библіотека, завѣщанная однимъ лицомъ. Небольшія средства она получала отъ города, подписчиковъ и помѣщеніе отъ дворянства. Вслѣдствіе отсутствія достаточнаго контроля и дурного веденія дѣла,

лѣтъ назадъ, судьба скопинской библіотеки, которая обязана своимъ появленіемъ извѣстному скопинскому рыковскому банку, вполнѣ связана съ судьбою этого банка и покончится вмѣстѣ съ нимъ, если дирекція банка не сочла нужнымъ закрыть ее раньше. Наконецъ, вятская библіотека, какъ слышно, близка къ закрытію.

Но, кромѣ недостатка прочныхъ средствъ къ существованію и часто хорошихъ руководителей и контроля, существуетъ еще причина, которая обусловливаетъ неуспѣхъ многихъ нашихъ городскихъ библіотекъ, нерѣдко кончающійся ихъ закрытіемъ. Такъ какъ библіотеки эти составились въ большинствѣ случаевъ изъ книгъ, пожертвованныхъ или скупленныхъ задешево, причемъ почти каждый жертвователь слѣдовалъ старинной народной поговоркѣ: «бери, боже, что намъ негоже», то выборъ книгъ отличается отсутствіемъ всякой системы и полнѣйшей случайностью: второстепенные авторы встрѣчаются по нѣсколько экземпляровъ, многихъ классическихъ же писателей — ни одного или какой-нибудь одинъ разрозненный экземпляръ; встрѣчаются книги положительно негодныя, и нѣтъ книгъ безусловно необходимыхъ въ каждой библіотекѣ. Понятно, что, при такомъ составѣ библіотекъ, онѣ не могутъ имѣть

также какъ и ограниченія ея средствъ, она постепенно приходила въ упадокъ и была продана одному книгопродавцу за 150 р., на что городъ или завѣдующія сю лица едва-ли даже имѣли право.

большого круга читателей, а тѣмъ менѣе заохочивать къ чтенію публику и составлять для нея серьезный источникъ умственнаго развитія [1]).

И такъ характеръ большинства нашихъ городскихъ общественныхъ библіотекъ отличается тремя главными чертами: случайностью основанія, случайностью средствъ существованія и случайнымъ выборомъ книгъ; при такихъ условіяхъ нельзя, конечно, и ждать большаго успѣха и пользы отъ нихъ. Не менѣе важно то обстоятельство, что, насколько мы знаемъ, большинство (если только не всѣ) изъ нашихъ городскихъ библіотекъ отпускаютъ книги на домъ не иначе, какъ за плату и съ денежнымъ залогомъ, и только чтеніе въ самомъ помѣщеніи библіотеки безвозмездно. Благодаря этому, семейства недостаточныхъ жителей города и лица свободныя только по вечерамъ отъ занятій, до извѣстной степени лишаются возможности пользоваться услугами библіотеки, и такимъ образомъ главная цѣль этихъ библіотекъ—распространеніе книгъ между классами,

[1]) Въ рязанской библіотекѣ, напр., насколько я припоминаю, не было полнаго экземпляра сочиненій Пушкина, но за то находилась попавшая какимъ-то образомъ ученая драгоцѣнность: Cahiers и разныя французскія оффиціальныя изданія временъ Конвента. Въ ржевской библіотекѣ долго не было Бѣлинскаго, но за то большой выборъ книгъ также XVIII вѣка, напр., путешествіе академика Палласа (по нѣмецки) и огромное иллюстрированное описаніе народовъ Россіи Георги и т. п.

не имѣющими возможности покупать ихъ или получать инымъ способомъ — почти не удовлетворяется. Важность этой цѣли настолько очевидна, что не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Во всѣхъ образованныхъ государствахъ уже давно сознана необходимость возможно бо́льшаго числа городскихъ общедоступныхъ библіотекъ: прежде всего значеніе ихъ крайне важно само по себѣ для поднятія умственнаго уровня городскихъ классовъ населенія и затѣмъ по тому косвенному вліянію, которое имѣетъ образованіе городскихъ классовъ на образованіе сельскихъ жителей. Особенно это должно быть примѣнимо въ Россіи, гдѣ мѣщанство, составляющее большинство городскаго населенія, такъ мало отличается по своему развитію отъ сословія крестьянъ. Ежегодно сотни тысячъ крестьянъ являются зимой на заработки въ однѣ лишь столицы, и имъ приходится вращаться и часто проживать по цѣлымъ годамъ между такими слоями городскаго населенія, которые не могутъ оказать на нихъ никакого умственнаго вліянія и прививаютъ имъ лишь свои пороки. Наконецъ, большинство нашего, такъ-называемаго, средняго класса въ провинціи, чиновничество и купечество, которыя даже имѣютъ средства и нѣкоторую потребность въ чтеніи, при отсутствіи порядочныхъ библіотекъ и умственныхъ интересовъ въ окружающихъ, погрязаютъ исключительно въ дрязгахъ обыденной жизни и съ ходомъ времени не

только замѣтно не развиваются, но скорѣе тупѣютъ, опускаются. Вѣроятно, многіе изъ моихъ столичныхъ читателей вспомнятъ по этому случаю нѣкорыхъ своихъ школьныхъ товарищей, десятокъ лѣтъ проживших въ провинціи и сдѣлавшихся въ умственномъ отношеніи неузнаваемыми.

Но если значеніе хорошо устроенныхъ общедоступныхъ библіотекъ въ городахъ такъ велико, то отсюда слѣдуетъ, что нельзя оставлять эту сторону народнаго образованія втунѣ, на произволъ случайныхъ причинъ, отъ которыхъ, мы видѣли, зависитъ существованіе теперешнихъ городскихъ библіотекъ. Очевидно, нужны болѣе прочныя условія ихъ существованія и необходимо устраненіе всѣхъ указанныхъ нами недостатковъ. Главный изъ нихъ, конечно, заключается въ отсутствіи твердаго опредѣленнаго источника матерьяльныхъ средствъ. Если бы нашелся таковой, то тѣмъ самымъ устранились бы и почти всѣ остальные недостатки. Городская библіотека, которая имѣла бы постоянный и прочный доходъ, независимый отъ прихоти частной благотворительности и отъ воли тѣхъ или другихъ воротилъ думы, могла бы, во-первыхъ, считать свое существованіе обезпеченнымъ навсегда, во-вторыхъ, выборъ книгъ и журналовъ, въ ней заключающихся, зависѣлъ бы не отъ случайныхъ пожертвованій, а опредѣлился бы спросомъ со стороны публики, и составленъ былъ бы болѣе систематично по всѣмъ отрас-

лямъ знанія и литературы. Наконецъ, самый важный вопросъ, плата за пользованіе книгами, при существованіи постояннаго и опредѣленнаго дохода, потеряла бы свое значеніе.

Въ этомъ случаѣ, такія библіотеки могли бы сдѣлаться вполнѣ безплатными народными учрежденіями, доступными для самаго послѣдняго бѣдняка, жаждущаго знанія или умственнаго развлеченія. Онѣ могли бы тогда не только безвозмездно допускать чтеніе въ своемъ помѣщеніи, но и отпускать книги даромъ на домъ всякому желающему, при соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей. Остается разрѣшить коренной вопросъ: откуда добыть эти средства, достаточныя произвести такія благія послѣдствія?

При косности нашего городскаго управленія и отсутствіи развитія частной иниціативы въ нашемъ обществѣ, нельзя, къ сожалѣнію, ждать его разрѣшенія прямо, благодаря частному почину или почину какой-нибудь изъ нашихъ общественныхъ группъ. Даже въ странахъ, гдѣ частный починъ и самодѣятельность въ обществѣ развиты до такой степени, о которой мы не можемъ имѣть настоящаго понятія, даже и тамъ эта частная иниціатива, какъ мы увидимъ дальше, оказалась недостаточной безъ вмѣшательства законодательной власти государства. Къ намъ же это, конечно, примѣняется во много разъ больше, и лишь помощь государственной власти можетъ имѣть здѣсь мѣсто и своимъ воздѣйствіемъ

дать надлежащую постановку и ходъ всему вопросу. Но что именно можетъ и должно сдѣлать въ этомъ случаѣ государство? Въ своемъ прошломъ мы на это не имѣемъ никакихъ удовлетворительныхъ указаній, такъ какъ относительно библіотекъ, мы видѣли, государствомъ сдѣлано болѣе, нежели мало, и нашъ опытъ крайне скуденъ. Въ такомъ случаѣ, чтобы избѣжать ошибокъ, происходящихъ всегда отъ неопытности, и рискованныхъ экспериментовъ, остается одно — обратиться къ опыту чужихъ странъ и поискать тамъ способовъ разрѣшенія интересующаго насъ вопроса.

Такимъ поучительнымъ для насъ образцомъ можетъ служить Англія. Впродолженіе многихъ лѣтъ эта страна имѣла не мало библіотекъ по разнымъ отдѣламъ, но доступныхъ главнымъ образомъ только людямъ просвѣщенія и науки. Нѣкоторыя изъ нихъ носили названіе «свободныхъ библіотекъ»: это значило, что не брались деньги за допущеніе въ нихъ, но за то требовались такія формальности и рекомендаціи, которыя служили преградой доступу къ нимъ большинства публики, и онъ дѣлался возможнымъ преимущественно лицамъ болѣе энергичнымъ и наиболѣе настойчиво добивавшимся права пользованія книгами. Другія библіотеки были доступны на условіяхъ подписки, повидимому, подходящихъ для всѣхъ классовъ, но количество лицъ, пользовавшихся этими библіотеками, составляло все-таки по-

разительно малую пропорцію ко всему населенію: собственно масса народа, наиболѣе нуждающаяся въ просвѣщеніи, въ нихъ не проникала.

Мнѣнія по этому вопросу въ Англіи долго весьма различались. Одни желали все предоставить частной иниціативѣ и устраняли всякую возможность въ этомъ дѣлѣ вмѣшательства и издержекъ со стороны государства или общества. Другіе смотрѣли на этотъ вопросъ гораздо шире и видѣли въ его правильномъ разрѣшеніи возможность серьезно содѣйствовать народному образованію и даже поднятію народной нравственности. Они думали, такъ передаетъ одинъ историкъ англійскаго библіотечнаго дѣла, что «суммы денегъ, потраченныя на библіотеки, навѣрное сберегутся въ расходахъ на тюрьмы и рабочіе дома» [5]. По ихъ мнѣнію, «вмѣсто жалобъ на то, что небогатый людъ всѣхъ классовъ идетъ въ трактиръ и кабаки — искать себѣ тамъ препровожденія времени, слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы для него сдѣлались доступными другіе болѣе полезные роды развлеченія; и изъ нихъ на первомъ планѣ такимъ противоядіемъ кабакамъ и трактирамъ должны явиться хорошо устроенныя безплатныя библіотеки».

Въ вопросѣ о такихъ библіотекахъ до 1848 года Англія весьма походила на теперешнюю Россію: по городамъ существовало сравнительно небольшое количество публичныхъ библіотекъ, основанныхъ бла-

---

[5]) *J. D. Mullins*: Free Libraries and Newsrooms. Their Formation and Management. Third Edition. London. 1879.

годаря частной благотворительности, а иногда при нѣкоторомъ содѣйствіи города. Выборъ книгъ, составленныхъ пожертвованіями, отличался одинаково съ нашими библіотеками крайней разношерстностью и случайностью; недостатокъ средствъ не дозволялъ держать порядочныхъ библіотекарей и имѣть хорошія помѣщенія. Въ большинствѣ онѣ помѣщались въ домахъ священниковъ, при церквахъ или при часовняхъ, что придавало всѣмъ этимъ библіотекамъ клерикальный характеръ и отталкивало многихъ читателей изъ числа сектантовъ. Наконецъ, въ 1848 году въ положеніи англійскихъ публичныхъ городскихъ библіотекъ произошла крупная перемѣна, обязанная всецѣло почину одного почтеннаго человѣка по имени Вильяма Юарта (Ewart). По его настоянію, парламентъ назначилъ комитетъ для изслѣдованія положенія городскихъ библіотекъ въ странѣ, и черезъ два года прилежной работы этого комитета явился на свѣтъ въ 1850 году первый «Актъ объ общественныхъ библіотекахъ» (Free Libraries Act, 1850), положившій твердое начало нынѣшнему цвѣтущему существованію этихъ библіотекъ, имѣющихъ огромное вліяніе на народное образованіе въ Англіи. Съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый, довольно длинный, рядъ другихъ парламентскихъ актовъ, дополнявшихъ или измѣнявшихъ частности перваго закона [6]). Но

[6]) 1) «Public Libraries Act (Ireland), 1855»; 2) «Public Librairics Act (England), 1855»; 3) «Public Libraries

въ сознаніи всѣхъ дальнѣйшихъ актовъ лежатъ тѣ же главные принципы, которые были установлены первымъ актомъ, явившимся по иниціативѣ Юарта. Со времени его городскія публичныя библіотеки сдѣлались въ истинномъ смыслѣ слова библіотеками «общественными» и «даровыми».

Сущность англійскаго законодательства о библіотекахъ заключается въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ. Во всякомъ городѣ королевства, имѣющемъ населеніе болѣе пяти тысячъ душъ, или даже части города и даже приходѣ, если таковой будетъ заключать не менѣе того же узаконеннаго количества населенія, достаточно заявленія десяти совершеннолѣтнихъ плательщиковъ городскихъ налоговъ (а въ Шотландіи собственно домовладѣльцевъ) для того, чтобы потребовать общаго собранія для баллотировки вопроса о принятіи «акта о городскихъ общественныхъ библіотекахъ». На собраніе это въ Англіи и Ирландіи имѣютъ право являться всѣ плательщики налоговъ, а въ Шотландіи всѣ домовладѣльцы. Личное присутствіе по послѣднему акту

Amendment Act (England and Scotland, 1866»; 4) Public Libraries Act (Scotland), 1867»; 5) «Public Libraries Act (Scotland), 1867) Amendment Act, 1871»; 6) «Public Libraries Act (1855), Amendment Act (1871) (England)», 7) Public Libraries Amendment Act, 1877» (England Scotland and Ireland); 8) Malicious Injuries to Property Act, 1861», Section 39 (England and Ireland).

(1877 года) можетъ быть замѣнено присылкой на имя собранія записки отъ лица имѣющаго право голоса, со словами «да» или «нѣтъ». Это собраніе плательщиковъ налоговъ рѣшаетъ вопросъ баллотировкой, и въ случаѣ, если окажется въ пользу принятія закона двѣ трети голосовъ, то актъ считается принятымъ и обязательнымъ для города или части его, или прихода, со всѣми его послѣдствіями. Первое дѣйствіе принятія акта выражается въ томъ, что съ этого дня устанавливается въ городѣ или части его спеціальный «библіотечный налогъ», который или составляетъ особый налогъ, или дополненіе къ одному изъ существующихъ городскихъ сборовъ. Во всякомъ случаѣ размѣръ этого налога не долженъ превосходить одного пенни въ каждомъ фунтѣ стерл. облагаемой въ городѣ собственности. Для управленія и завѣдыванія будущей библіотекой втеченіе мѣсяца, дума обязана выбрать «библіотечный комитетъ» не менѣе какъ изъ двадцати человѣкъ, на половину изъ членовъ думы или городскаго совѣта, а на половину изъ постороннихъ лицъ, плательщиковъ налоговъ или домовладѣльцевъ. Чтобы имѣть возможность немедленно приступить къ основанію библіотеки, комитетъ имѣетъ право заключать для нея займы, погашаемые постепенно будущими сборами библіотечнаго налога. Въ виду того, что этотъ налогъ постоянный и будетъ существовать пока существуетъ самъ городъ, недостатка въ капиталистахъ,

желающихъ ссудить для этой цѣли деньгами, никогда не бываетъ. На полученныя деньги комитетъ, если городъ не можетъ предоставить библіотекѣ для постояннаго пользованія опредѣленнаго помѣщенія, или нанимаетъ его, или большею частію покупаетъ землю въ центрѣ города, на бойкомъ мѣстѣ, и строитъ для библіотеки особое зданіе, снабжаетъ его книгами по всѣмъ отраслямъ знанія и нанимаетъ нѣсколько лицъ для завѣдыванія библіотекой. Далѣе акты устанавливаютъ правила отчетности, контроля и ревизіи библіотекъ, порядокъ ежемѣсячныхъ собраній членовъ комитета, вообще даютъ свѣдѣнія, которыя имѣютъ лишь спеціальный интересъ, и мы ограничимся указаніемъ еще лишь на два важныхъ пункта въ дѣйствующихъ по этому предмету законахъ. Принятіе акта о городскихъ общественныхъ библіотекахъ дѣлаетъ, кромѣ заведенія библіотеки для города обязательнымъ, если только будетъ найдено возможнымъ тратить на это часть денегъ, собираемыхъ библіотечнымъ налогомъ, основаніе также и музея для распространенія въ народѣ свѣдѣній «по наукамъ и искусствамъ». Во всѣхъ актахъ основнымъ принципомъ поставлено непремѣнное условіе: *вполнѣ безплатное, даровое пользованіе библіотеками и музеями во всѣхъ случаяхъ, и никакихъ денежныхъ залоговъ*—какъ для чтенія книгъ въ помѣщеніи библіотеки, такъ и у себя на дому. Единственныя деньги, которыя эти библіотеки имѣютъ

право требовать отъ публики, это—штрафы за просрочку взятыхъ на домъ библіотечныхъ книгъ. Комитетъ этотъ, съ согласія думы, имѣетъ право устанавливать обязательныя для лицъ, посѣщающихъ библіотеку, правила и за нарушеніе ихъ взыскивать штрафы не свыше 5 ф. стер. каждый. Что касается до наказаній, устанавливаемыхъ закономъ за злоумышленную порчу книгъ или предметовъ, принадлежащихъ городской библіотекѣ или музею, или воровство ихъ, законъ устанавливаетъ весьма строгія наказанія, въ томъ числѣ тюремное заключеніе срокомъ до шести мѣсяцевъ *безъ* или даже *съ* тяжелой работой и съ обязательствомъ вознаградить учрежденіе за весь причиненный убытокъ [7]).

Новый законъ о городскихъ общественныхъ библіотекахъ прививался сначала къ странѣ туго, и главнѣйшій его успѣхъ принадлежитъ къ послѣднимъ семидесятымъ годамъ, въ теченіе которыхъ одинъ городъ за другимъ принимали его и заводили свои библіотеки на условіяхъ, согласныхъ акту. Въ настоящее время онъ имѣетъ примѣненіе уже *въ вось-*

---

[7]) „Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas". Эта поговорка очень часто примѣняется къ англичанамъ, отличащимся своею оригинальностью. Такъ и тутъ: въ актѣ (24 & 25 Vict. cap 97 § 39), вмѣстѣ съ другими наказаніями за проступки противъ библіотекъ, означается для лицъ мужскаго пола моложе 16 лѣтъ сѣченіе розгами!!..

мидесяти одномъ городѣ, которые открыли библіотеки: небольшіе города по одной, а крупные центры промышленности, какъ, напр., Манчестеръ и Ливерпуль—даже по нѣсколько, и вмѣстѣ съ музеями. Первый городъ, которому принадлежитъ честь принятія акта—Манчестеръ, граждане котораго оказались настолько щедры, что, не ограничиваясь узаконеннымъ налогомъ пенни въ одномъ фунтѣ, осыпали новое учрежденіе пожертвованіями. Въ Ливерпулѣ также не представлялось даже надобности затрачивать доходы съ «библіотечнаго налога» на помѣщеніе библіотеки, такъ какъ одинъ изъ гражданъ выстроилъ на свой счетъ для библіотеки и музея превосходное зданіе, составляющее одно изъ лучшихъ украшеній города. Въ Бирмингэмѣ городъ затратилъ около 30,000 ф. на постройки и ежегодно доставляетъ 5,000 ф. на содержаніе нѣсколькихъ библіотекъ. Замѣчательно, что наиболѣе сочувственно къ дѣлу отнеслись вообще всѣ новые и промышленные города. Изъ нихъ приняли актъ даже нѣкоторые малолюдные города, для которыхъ заведеніе общественныхъ библіотекъ обошлось поневолѣ дороже сравнительно съ крупными центрами. Напротивъ, старинные города отнеслись къ новому закону далеко не такъ сочувственно и, напр., четырехмилліонный Лондонъ открылъ такую библіотеку всего лишь позапрошлый годъ и то одну (въ Guildhall'ѣ) на весь громадный городъ, а Эдинбургъ даже со-

всѣмъ большинствомъ голосовъ (исключительно—домовладѣльцы) отвергъ принятіе акта.

Теперь мы должны описать, какъ устроены въ Англіи эти учрежденія и на какихъ началахъ ведутся. Начнемъ съ зданія. Открыть библіотеку въ какомъ-либо слишкомъ скромномъ зданіи и вдали отъ центра города значило бы совсѣмъ не обезпечить успѣхъ дѣла; нанимать для библіотеки частный домъ значило бы затрачивать на него даромъ денегъ весьма много; поэтому принято за правило при первой возможности заводиться для библіотеки своимъ собственнымъ зданіемъ, вновь выстроеннымъ по особому плану и съ претензіей на изящную архитектуру и убранство зданія. Если трактиры и даже кабаки, разсуждаютъ англичане, считаютъ нужнымъ превращаться въ дворцы (gin-palace), чтобы привлекать больше посѣтителей, то тѣмъ болѣе это нужно, чтобы обезпечить успѣхъ благородной задачи, для которой учреждаются библіотеки. Прекрасный ходъ съ улицы ведетъ васъ въ обширную, хорошо вентилируемую свѣтлую комнату въ верхнемъ этажѣ; если же зданіе одноэтажное, то окна этой комнаты возвышаются на семь или восемь футовъ надъ поверхностью мостовой, чтобы движеніе и уличный шумъ менѣе развлекали читающихъ. Рядомъ или въ другомъ этажѣ помѣщается отдѣленіе библіотеки, изъ котораго книги отпускаются на домъ. Библіотекари, которыхъ по одному находится въ

каждомъ отдѣленіи, отличаются вѣжливостью, предупредительностью и готовностью дать всякое объясненіе. Мальчики, изъ которыхъ многіе, какъ доказалъ прежній опытъ, въ качествѣ библіотекарей, оказывались невнимательными или относились свысока къ людямъ бѣдно одѣтымъ, признаны поэтому негодными для исполненія означенныхъ обязанностей.

Почти обязательно каждая общественная библіотека должна имѣть три отдѣленія: *первое*, чуть-ли не самое существенное, есть *«читальный залъ для газетъ»* (Newsroom): оно важно потому, что огромное большинство людей начинаетъ пріучаться къ чтенію именно съ газетъ. До основанія такихъ общественныхъ библіотекъ грамотный человѣкъ, ремесленникъ или рабочій большею частію встрѣчаетъ газеты лишь случайно, въ трактирѣ или иномъ подобномъ мѣстѣ, и его грубому вкусу нравится сначала лишь чтеніе въ газетахъ разныхъ убійствъ, мошенничествъ и ужасовъ; но вотъ въ читальной комнатѣ, комфортабельно устроенной, съ коврами на полу и хорошей мебелью, онъ находитъ цѣлую кучу газетъ и журналовъ. Невольно отъ извѣстій полицейскаго характера онъ переходитъ къ чтенію какихъ-нибудь ремесленныхъ газетъ, извѣстій общественнаго или иного значенія; интересъ къ чтенію возрастаетъ, размѣръ его знанія увеличивается, и черезъ болѣе или менѣе непродолжительное время газеты и журналы, а затѣмъ и книги начинаютъ

становиться для него уже нѣкотораго рода потребностью. Характеръ читальной комнаты, по классу ея посѣтителей, измѣняется нѣсколько разъ въ теченіе дня. Въ девять часовъ утра, немедленно за открытіемъ читальнаго зала, онъ наполняется разношерстной, но вообще бѣдной толпой, въ большинствѣ плохо одѣтыхъ лицъ изъ ремесленниковъ и рабочихъ: многіе изъ нихъ безъ работы и являются въ читальню просматривать объявленія. Читальный залъ такимъ образомъ для нихъ помогаетъ искать работу, или въ томительные часы безработицы является развлеченіемъ, безъ сомнѣнія, во сто-кратъ лучшимъ, нежели кабакъ. Нѣсколько позднѣе, вмѣстѣ съ прибытіемъ столичныхъ газетъ, является другой классъ посѣтителей — мелкіе торговцы, чиновники и т. п. лица, для которыхъ подписка въ фунтъ стерл. за годъ въ частной библіотекѣ была бы вполнѣ по карману, но которые, платя 2 или 3 шиллинга библіотечнаго налога въ годъ, пользуются такимъ образомъ чтеніемъ задешево для себя и своихъ семействъ и, составляя собственно большинство плательщиковъ, даютъ возможность пользоваться тѣмъ же благомъ и классамъ болѣе бѣднымъ. Въ полдень рабочій людъ на полчаса покидаетъ читальню для обѣда, а затѣмъ читальная зала опять наполняется людьми уже разныхъ классовъ общества: бѣдный и богатый сидятъ рядомъ и пользуются одинаково-вѣжливымъ обращеніемъ со стороны библіотекарей; къ

нимъ относятся съ совершеннымъ равенствомъ, не оказывая никому особаго предпочтенія или пренебреженія, почему бѣдные классы съ большой охотой идутъ сюда и составляютъ собственно большинство посѣтителей читальной залы, достигающихъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ до двухъ тысячъ въ день. Какъ мы уже сказали, читальный залъ снабженъ въ изобиліи всѣми лучшими газетами и журналами, какъ столичными, такъ и мѣстными. Но въ большинствѣ библіотекъ дѣлается одно лишь исключеніе: при наличности значительнаго запаса книгъ богословскаго содержанія избѣгается выписка богословскихъ газетъ и журналовъ, по причинѣ существованія въ Англіи множества вѣроисповѣданій и сектъ. Выписать органъ одного вѣроисповѣданія значило бы оказать ему особое предпочтеніе и обидѣть послѣдователей другихъ вѣрованій. Выписывать же нетолько всѣ, но хотя бы нѣкоторые изъ многочисленныхъ духовныхъ органовъ значило бы истратить на нихъ значительную долю средствъ библіотеки. Такимъ образомъ читальный газетный залъ, хорошо устроенный, является главнымъ способомъ для привлеченія и заохочиванія народной толпы къ чтенію [8]).

---

[8]) Небольшія города, открывшіе общественныя библіотеки и не имѣвшіе достаточно средствъ завести особое помѣщеніе для «газетной читальни», употребляютъ для нея даже городскія школы, которыя послѣ ухода дѣтей превращаются на весь вечеръ въ такія читальни.

Другимъ важнымъ для того средствомъ является *второе* отдѣленіе библіотеки — «справочная библіотека»—Reference Library. Значеніе ея опредѣляется тѣмъ, что большинство необразованныхъ людей начинаетъ цѣнить книги только по той практической пользѣ, которую онѣ имъ приносятъ. У такихъ лицъ часто могутъ встрѣчаться надобности въ какихъ-нибудь свѣдѣніяхъ, которыя возможно получить съ помощью книгъ. Справиться, напр., относительно какого-нибудь города или страны, куда имъ приходится отправиться или съ которыми имѣть дѣло, относительно иностранныхъ мѣръ и вѣсовъ, желѣзныхъ дорогъ, рисунковъ и образцовъ архитектуры, различныхъ ремесленныхъ производствъ и т. п. [9]). Выборъ книгъ для этой цѣли состоитъ въ справочной комнатѣ не только изъ словарей и атласовъ и всевозможныхъ въ тѣсномъ смыслѣ справочныхъ книгъ, но также изъ лучшихъ и цѣнныхъ сочиненій по изящнымъ искусствамъ, по разнымъ родамъ техническаго рисованія, по архитектурѣ, по механикѣ, ремесламъ и инымъ отраслямъ знанія. Здѣсь же вообще помѣщаются всѣ дорогія иллюстрированныя

---

[9]) Я слышалъ отъ лица, завѣдывавшаго народной читальней при московской политехнической выставкѣ 1872 года, что точно также подобныя справки и со стороны нашего простого народа дѣлались весьма часто и всегда сопровождались со стороны получившихъ ихъ трогательнымъ выраженіемъ благодарности.

изданія по всѣмъ родамъ литературы, которыя не могутъ быть отпускаемы на домъ безъ значительнаго риска. Посѣтители пользуются тутъ за столомъ всѣми этими произведеніями, могутъ даже ихъ копировать, съ дозволенія библіотекаря, который здѣсь всегда назначается изъ людей болѣе образованныхъ, способныхъ дать толковое объясненіе и указаніе и помочь пріискать нужную справку. Лица, которыя получили ихъ нѣсколько разъ, начинаютъ уважать эти учрежденія и самыя книги, охотно уплачиваютъ свою долю библіотечнаго налога и сознательнѣе начинаютъ относиться къ образованію своихъ дѣтей.

Третье отдѣленіе составляетъ «*библіотека для ссуженія книгъ на домъ*»—Lending Library, открытая только отъ 10 ч. утра до 9 вечера (остальныя отдѣленія открыты отъ 9 до 10). Каждый постоянный житель города, къ какому бы классу ни принадлежалъ и чѣмъ бы ни занимался, имѣетъ право пользоваться этимъ отдѣленіемъ; каждый гражданинъ этого города беретъ книги подъ своей личной отвѣтственностью; остальныя же лица должны представить письменное ручательство, или рекомендацію отъ одного изъ гражданъ, который и обязуется уплатить за книгу въ случаѣ ея пропажи Каждому лицу выдается единовременно не болѣе одной книги и на срокъ, который обозначенъ на ея обложкѣ. Въ случаѣ если книга не возвращена въ срокъ, уплачивается штрафъ за просроченное время, не

больше, впрочемъ, одного пенни въ недѣлю. Желая почему-либо прекратить чтеніе или переселиться въ другой городъ, данное лицо должно возвратить билетъ, выданный ему при началѣ пользованія книгами. Никакихъ денегъ или подарковъ, кромѣ узаконенныхъ штрафовъ за просрочку, библіотекари не имѣютъ права брать. Всякое пользованіе общественной библіотекой, согласно акту, безусловно даровое. Въ случаѣ пропажи книги, потерявшій ее обязанъ возвратить ея полную стоимость; если же онъ уклоняется или пропустилъ наивысшій полугодовой срокъ возвратить книгу, то клеркъ библіотечнаго комитета немедленно взыскиваетъ ея стоимость съ даннаго лица или его поручителя, лично или обыкновеннымъ порядкомъ, черезъ судью и полицію. Благодѣтельность этихъ библіотекъ для публики, впрочемъ, такъ ощутительна, что случаи пропажи и порчи книгъ крайне рѣдки: въ бирмингэмской библіотекѣ, напр., въ теченіе года изъ 300,000 томовъ пропало только 20, стоимость которыхъ была возмѣщена [10]).

Во всякомъ случаѣ важность отпуска книгъ на домъ такъ велика, что здѣсь нельзя стѣсняться соображеніями о возможности пропажи книги или

[10]) Въ бостонской общественной библіотекѣ въ Америкѣ, устроенной на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и англійскія библіотеки, замѣчается почти тотъ же ничтожный процентъ пропажи: изъ 200,000 книгъ, ссуженныхъ на домъ, пропадаетъ не больше 20 въ теченіе года.

назначать какіе-нибудь денежные залоги. Это значило бы затруднить или даже лишить многихъ лицъ изъ бѣдныхъ классовъ, особенно женщинъ и дѣтей, возможности пользоваться богатствомъ библіотеки и, слѣдовательно, исказить, по мнѣнію англичанъ, до нѣкоторой степени самое назначеніе такихъ библіотекъ. Можно привести по этому случаю горячія, прочувствованныя слова Мюллинса, главнаго бирмингэмскаго библіотекаря. «Въ такъ-называемыхъ низшихъ классахъ, говоритъ онъ, гораздо больше жаждутъ чтенія и добиваются его, нежели мы обыкновенно думаемъ. Нерѣдко можно видѣть одного человѣка, читающаго очень старательно, хотя и дурно, другому, который совсѣмъ не умѣетъ читать. Подите въ самые несчастные кварталы любаго большаго города, и вы найдете тамъ массу лавокъ, существующихъ для продажи дешевой періодической литературы. Это можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ спроса на чтеніе со стороны народа, на его жажду познанія. Но какое предложеніе отвѣчаетъ на этотъ спросъ? Тутъ вы получите «Тайны Лондона» и т. п. разсказы о мошенничествахъ и обманахъ, ужасающіе романы всегда «съ продолженіемъ въ слѣдующемъ номерѣ». Тутъ же «Недѣльный Вѣстникъ убійствъ» (Weekly Murdermonger)—двадцать четыре столбца преступленія и грязи за одинъ пенни. Тутъ же такъ-называемый «Halfpenny Holocaust»—«величайшая газета въ мірѣ» съ точно та-

кимъ же характеромъ. И люди упиваются этимъ вздорнымъ чтеніемъ, за незнаніемъ или неимѣніемъ лучшаго. Дайте имъ чистый языкъ, здравую и въ то же время занимательную литературу, и статистика городскихъ библіотекъ покажетъ, что они съумѣютъ ею воспользоваться и оцѣнить ее!.. [11]). Знаете-ли вы невеселую обстановку жилища рабочихъ классовъ? Послѣ окончанія дневной работы, въ шесть или семь часовъ вечера, мужчины возвращаются домой и единственное удовольствіе, которое они тамъ находятъ, это чай. Нельзя ожидать, чтобы они всегда оставались дома нянчить ребенка—гдѣ же они проведутъ свои немногіе свободные часы пріятно? Если существуютъ городскія библіотеки, особенно съ га-

---

[11]) Не приложимо-ли вполнѣ это замѣчаніе и къ нашему народу? Мѣсто «Недѣльнаго Вѣстника убійствъ» занимаютъ для него отчасти «Полицейскія Вѣдомости», мѣсто «Тайнъ Лондона» — «Тайны ада», «Гуакъ» и «Аглицкій Милордъ» (можетъ быть, даже передѣлки съ англійскаго), «Прекрасная Магометанка» и т. п. вздоръ, издаваемый однако въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, что доказываетъ, безъ сомнѣнія, сильную потребность чтенія. Вмѣсто того, чтобы стараться *спуститься* до народа, до уровня его пониманія, сочиняя для того особую литературу на новомъ жаргонѣ, не лучше-ли было бы *поднять* его до нашей литературы, доставить ему широкій и просторный къ ней доступъ? Навѣрное народъ самъ съумѣлъ бы разобрать, что ему по плечу, что нѣтъ; къ тому же, вкусъ и выработывается толко сравненіемъ.

зетными читальнями, они отправляются туда или возьмутъ книжку на домъ; если таковыхъ нѣтъ, они пойдутъ въ кабакъ: и кто же, по справедливости, можетъ упрекать ихъ въ этомъ»? М-ръ Коуелль, ливерпульскій библіотекарь, на недавнемъ съѣздѣ англійскихъ библіотекарей разсказалъ слѣдующій поучительный случай: одна бѣдная женщина, которая часто ходила въ библіотеку мѣнять книги, однажды не наидя требуемой, сильно, повидимому, этимъ огорчилась и съ трогательною довѣрчивостью просила Коуелля достать эту книгу, нужную ей для мужа: «если онъ», говорила она, «находитъ дома занятную, веселую книгу, то остается у себя и проводитъ вечеръ со мной и дѣтьми»; она не досказала, очевидно, что иначе онъ идетъ въ кабакъ и возвращается, можетъ быть, пьянымъ, раззоряя семью и разрушая ея счастіе.... Необходимо, слѣдовательно, чтобы общественныя библіотеки, на основаніи библіотечнаго акта, были устроены во всякомъ городѣ.

Гдѣ уже это сдѣлано (восемьдесять одинъ городъ), благодѣтельныя послѣдствія успѣли достаточно обнаружиться. Масса посѣтителей библіотекъ и читающихъ на дому возрастаетъ ежемѣсячно въ огромной пропорціи и, что замѣчательно, какъ утверждаетъ тотъ же Мюллинсъ, вмѣстѣ съ тѣмъ частныя библіотеки нисколько не пострадали отъ этой конкурренціи въ числѣ своихъ посѣтителей. Напротивъ того, общественныя библіотеки оказали

имъ услугу піонеровъ. Люди начинаютъ читать, когда могутъ получить книгу даромъ; разъ же вкусъ къ чтенію развился, они охотно платятъ за его удовлетвореніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и другое отрадное явленіе: спросъ на серьезныя книги все болѣе и болѣе увеличивается: «Шекспиръ, Мильтонъ, Локкъ, Ньютонъ, Спенсеръ, Галламъ, Карлейль, Маколей дѣлаются быстро извѣстными въ такомъ кругу читателей, благодаря общественнымъ библіотекамъ, о которомъ прежде нельзя было и мечтать. Кузнецъ спрашиваетъ Евклида, а мясникъ жалуется, что никогда нельзя получить Одиссею. Мальчики являются прилежными читателями Купера, Вальтеръ-Скотта и Томъ Брауна и предъявляютъ требованія на естественную исторію и сраженія британской арміи и флота. Остенъ, Эджиуортъ, Бремеръ и др. пользуются расположеніемъ дѣвицъ; тогда какъ Мэри Гоуиттъ и Гансъ Христіанъ Андерсенъ освѣщаютъ многія мрачныя жилища и печальную жизнь массы юныхъ существъ проблесками иныхъ міровъ и лучшаго порядка вещей».

Все, что до сихъ поръ говорилось объ англійскихъ общественныхъ библіотекахъ, въ достаточной степени доказываетъ ихъ важность для народнаго образованія и, слѣдовательно, огромное значеніе того закона, который положилъ имъ основаніе. «Актъ объ общественныхъ библіотекахъ» внесъ два новыхъ начала въ библіотечное дѣло: онъ уничто-

жилъ, во-первыхъ, случайность ихъ существованія отъ произвола частной благотворительности, создавши постоянный и твердый источникъ дохода въ видѣ «библіотечнаго налога» для тѣхъ городовъ, которые пожелаютъ его принять. Онъ рекомендовалъ, если не обязалъ, городамъ принять за принципъ, что удовлетвореніе умственныхъ потребностей ихъ жителей въ формѣ чтенія книгъ и журналовъ должно составлять такую же серьезную задачу городскаго управленія, какъ и удовлетвореніе потребностей нравственно-религіозныхъ, физическихъ и санитарныхъ. Если городъ, напр., заботится о поддержаніи городскаго собора, богадѣленъ, порядочномъ устройствѣ мостовыхъ, освѣщеніи, канализаціи, то въ одинаковой степени онъ обязанъ заботиться и объ удовлетвореніи народной потребности къ чтенію, безъ чего заботы города о школахъ получаютъ односторонній характеръ, половинчатое значеніе. Во-вторыхъ, важность англійскаго законодательства о библіотекахъ заключается въ томъ, что получаемыя правильно и постоянно значительныя средства даютъ возможность этимъ библіотекамъ имѣть болѣе систематичный и богатый выборъ книгъ, а, слѣдовательно, наилучшимъ образомъ и притомъ совершенно даромъ для публики удовлетворять своему назначенію. Прочность средствъ существованія городскихъ общественныхъ библіотекъ, хорошій выборъ книгъ и даровое ими пользованіе, — вотъ тѣ три

важныя стороны, которыя блистательно, по нашему мнѣнію, разрѣшены англійскимъ законодательствомъ.

Практическій смыслъ янки лучше всего оцѣнилъ серьезное значеніе этого закона, и онъ нашелъ себѣ первое подражаніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Слѣдуетъ предварительно замѣтить, что нигдѣ, можетъ быть, ни въ одной странѣ міра не существуетъ, повидимому, такъ мало надобности въ принятіи такого закона, какъ въ Америкѣ, благодаря огромному развитію тамъ библіотечнаго дѣла и безъ его помощи. Публичныя библіотеки насчитываются въ Соединенныхъ Штатахъ многими сотнями, не говоря о библіотекахъ приходскихъ и школьныхъ, заключающихъ вмѣстѣ свыше 6 000,000 томовъ. Однихъ публичныхъ библіотекъ, имѣющихъ болѣе 10,000 томовъ, насчитывается *сто четыре* [13]). Понятно, Соединенные Штаты, какъ молодая страна, не владѣютъ такими богатыми книжными сокровищницами, какъ Британскій музей, наша Императорская публичная библіотека, Національная библіотека и т. п., самая богатая ея публичная библіотека, такъ назыв. «Библіотека Конгресса» въ Вашингтонѣ заключаетъ не болѣе какъ 185,000 томовъ. За то, въ свою очередь, Америка имѣетъ, нѣтъ сомнѣнія, библіотекъ

[13]) У насъ, навѣрное, такихъ библіотекъ, считая университетскія, не болѣе двѣнадцати или много, если пятнадцать.

средняго и небольшого размѣра несравненно болѣе, нежели Старый Свѣтъ: «Библіотека Конгресса» содержится на обще-государственный счетъ; затѣмъ каждый штатъ имѣетъ свою особую государственную библіотеку, и, кромѣ того, множество всякаго рода обществъ и городовъ открыли и содержатъ библіотеки въ разныхъ мѣстахъ страны. Сюда относится, напр., Нью-Іоркская торговая библіотека въ Нью-Іоркѣ (104,500 томовъ), Нью-Іоркская общественная библіотека (57,600 томовъ), Библіотечная компанія въ Филадельфіи (85,000 томовъ), Библіотека-Атенеумъ въ Бостонѣ (100,000 томовъ) и т. д. Многія американскія библіотеки основаны или поддерживаются щедрыми частными пожертвованіями такихъ размѣровъ, о которыхъ Старый Свѣтъ не имѣетъ понятія. Напримѣръ, библіотека Астора въ Нью-Іоркѣ (138,000 томовъ), основанная на пожертвованіе, сдѣланное въ 1839 г. знаменитымъ богачемъ Асторомъ, который, по завѣщанію, предоставилъ городу два процента съ своего громаднаго состоянія въ 20.000,000 долларовъ для основанія безплатной городской библіотеки. Другой богачъ, нѣкто д-ръ Джемсъ Рушъ (Rush), оставилъ филадельфійской библіотекѣ все свое состояніе въ 1.000,000 долларовъ [14]). Даже желѣзнодорожныя

---

[14]) Къ сожалѣнію, онъ обставилъ эту библіотеку весьма странными и стѣснительными условіями. Его завѣщаніе гласитъ: «Библіотека не должна имѣть мягкихъ сидѣній для

общества, которыя въ Америкѣ, какъ и вездѣ, по словамъ одного американца, вообще мало заботятся объ интеллектуальныхъ, моральныхъ и матеріальныхъ интересахъ своихъ служащихъ, тѣмъ не менѣе основываютъ на собственныя средства подвижныя библіотеки для пользованія служащихъ. Такую библіотеку, напр., основало общество Boston and Albany Railroad Company, Cleveland and Pittsburgh Railroad Company, Vermond Central Railroad Company и другія общества. Такимъ образомъ, повторяемъ, въ Америкѣ менѣе можно пожаловаться на недостатокъ безплатныхъ библіотекъ, чѣмъ гдѣ-либо. Тѣмъ не менѣе, штатъ Массачузетсъ, едва въ Англіи прошелъ библіотечный актъ, тотчасъ же установилъ у себя подобный законъ, признавши въ немъ принципомъ, что «общественныя книги также нужны для общаго блага, какъ и общественные фонари», т.-е. городъ обязанъ устраивать безплатныя общественныя библіотеки въ такой же степени, какъ онъ доставляетъ всѣмъ безплатное уличное освѣщеніе. Согласно этому принципу, главная общественная библіотека штата—бостонская, имѣетъ наиболь-

---

лицъ, занимающихся чтеніемъ ради времяпрепровожденія, ни заключать въ себѣ заурядныхъ повѣстей, засаривающихъ головы, журналовъ, полемико-политическихъ изданій, прозаическихъ и поэтическихъ борзописаній, біографій неизвѣстныхъ лицъ, ни ежедневныхъ газетъ,—этихъ учителей несвязнаго мышленія».

шій доходъ изъ всѣхъ подобныхъ же учрежденій Америки—66,000 долларовъ, изъ которыхъ 55,000 (около 110,000 бумажныхъ рублей) вносится городомъ. Пятьдесятъ другихъ городовъ того же штата приняли тотъ же законъ и устроили согласно ему свои общественныя библіотеки [15]).

Въ одинаково завидномъ съ Америкой положеніи находится библіотечное дѣло въ Австраліи, особенно въ колоніи Викторія, гдѣ главная библіотека въ Мельбурнѣ, имѣющая до 100,000 томовъ, не только снабжаетъ книгами всѣхъ жителей города, но и разсылаетъ ихъ во всѣ сосѣднія деревни и мелкіе города, не имѣющіе средствъ завести свои собственныя библіотеки, какъ это начинаетъ практиковаться и въ Англіи. Кромѣ того, почти каждый изъ болѣе значительныхъ городовъ мало населенной Викторіи имѣетъ свою общественную библіотеку [16]).

Если принципы, установленные англійскимъ закономъ объ общественныхъ библіотекахъ, оказались столь цѣлесообразными, благодѣтельными и удобно примѣнимыми не только въ самой Англіи, но и въ другихъ странахъ, то невольно слѣдуетъ задаться

---

15) См. *Ainsworth R. Spofford*: The Public Libraries of the United States, въ «Journal of Social Science: containing the Transactions of the American Association». № 2, 1870.

16) См. Handbook to Victoria (Australia)'a Short Description of the Colony. Melbourne, 1877. Изданіе для Парижской выставки, 1878 г.

вопросомъ, почему нельзя было бы и у насъ примѣнить дѣйствіе однороднаго закона? Конечно, противъ этого существуетъ масса возраженій и препятствій, которыя всякому извѣстны: на первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, общее господствующее воззрѣніе у насъ считать книги и библіотеки легкимъ и удобнымъ орудіемъ для распространенія всяческихъ заблужденій. Пока не будетъ сознана, хоть отчасти, настолько, насколько въ иныхъ болѣе образованныхъ странахъ, несправедливость такого воззрѣнія и не будетъ въ то же время признана безусловная необходимость всякихъ облегченій наибольшему распространенію книгъ въ массѣ публики, до тѣхъ поръ, конечно, нельзя ждать и серьезнаго отношенія къ библіотечному вопросу.

Вторымъ важнымъ препятствіемъ является крайне несовершенная организація нашего городскаго представительства, а за нимъ и вообще системы городскаго хозяйства. При его настоящемъ порядкѣ, большинство интеллигенціи и плательщиковъ городскихъ налоговъ (большею частію косвенныхъ, обратно съ Англіею) лишены права участія въ управленіи.

Третье и далеко, къ сожалѣнію, не послѣднее препятствіе, можетъ быть, заключается въ сравнительной бѣдности многихъ изъ нашихъ городовъ; но это послѣднее возраженіе имѣетъ лишь весьма относительное значеніе, прежде всего уже потому, что у насъ, какъ бы ни было, въ одной европейской

Россіи насчитывается не менѣе восьмидесяти шести городовъ съ населеніемъ въ двадцать и болѣе тысячъ, т.-е. населеніе въ четыре раза больше того, которое въ Англіи признается достаточнымъ для основанія своихъ общественныхъ библіотекъ. Сверхъ того, самыя библіотеки могли бы быть у насъ устроены въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ и вообще съ меньшими требованіями. Наконецъ, русскія условія общественной жизни могли бы вызвать и нѣкоторыя отступленія отъ англійскаго образца: принятіе библіотечнаго закона для нашихъ городовъ, съ извѣстнымъ максимумомъ городскаго дохода, можно бы было признать прямо обязательнымъ: даетъ же, напр., обязательно Москва на императорскіе театры 54,000 въ годъ — пожертвованіе, во всякомъ случаѣ, менѣе производительное, нежели расходъ на библіотеки.

Просматривая настоящую статью, многіе читатели навѣрное выраженныя нами пожеланія назовутъ мечтаніями и будутъ до извѣстной степени правы, имѣя для подтвержденія и самый эпиграфъ настоящей статьи. Но мечты, могу я имъ только отвѣтить на это, нужно различать отъ фантазій и утопій: къ мечтамъ относятся и тѣ идеалы, которые мы себѣ ставимъ въ нашей личной или общественной дѣятельности и которые могутъ придать этой дѣятельности лишь болѣе энергіи и облегчить успѣхъ желаемаго. Вопросъ объ устройствѣ городскихъ общественныхъ

библіотекъ на новыхъ началахъ, можетъ быть, еще и является у насъ такой мечтой, но всѣ препятствія къ ея осуществленію отнюдь нельзя считать непреодолимыми: требуется рядъ нѣкоторыхъ преобразованій въ законодательствѣ и развитіе общественной самодѣятельности, и тогда мечта можетъ превратиться въ дѣйствительность. Des utopies jamais, des réformes toujours!..

Женщины-матери на фабрикахъ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ древнемъ Римѣ, когда говорили о какой-нибудь женщинѣ, то лучшимъ отзывомъ о ней считался отвѣтъ: «она сидитъ дома и прядетъ». Такимъ образомъ, по воззрѣнію древнихъ, кругъ семейныхъ обязанностей и домашняя работа считалась единственнымъ родомъ занятій, не только приличнымъ, но и свойственнымъ и обычнымъ для женщинъ. Средніе вѣка принесли, въ этомъ отношеніи, мало новаго и существенно немного измѣнили положеніе женскаго труда: работа рабовъ замѣнилась работой крѣпостныхъ, а позднѣе — свободныхъ людей, но какъ и прежде, женщина остается привязанною преимущественно къ домашнему очагу: на ней лежатъ различныя домашнія заботы и труды, она помогаетъ мужчинѣ въ земледѣліи, исполняя болѣе легкія, въ физическомъ отношеніи, работы, и пробуетъ свои

*) Публичная лекція, читанная 26 марта 1884 г. въ Политехническомъ музеѣ въ пользу Женскихъ Курсовъ при 3-ей Московской Гимназіи. Напечатана въ первый разъ въ „Вѣстникѣ Промышленности" въ апрѣлѣ 1884 г.

силы лишь въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, занимающихъ численно лишь небольшое количество всѣхъ женщинъ. Даже до второй половины XVIII вѣка условія женскаго труда еще мало измѣнились и Адамъ Смитъ, отецъ политической экономіи, въ своей знаменитой книгѣ: «О богатствѣ народовъ», писанной въ третьей четверти прошлаго вѣка, *нигдѣ не упоминаетъ о промышленномъ трудѣ женщинъ:* говоря о мануфактурѣ, онъ всегда имѣетъ въ виду только одну половину человѣческаго рода, *одинъ только мужской трудъ*, а женщинѣ онъ отводитъ мѣсто у домашняго очага лишь какъ *хозяйкѣ семейства* (the mistress of family) съ соотвѣтствующими этому положенію заботами.

Между тѣмъ, именно, во время Адама Смита, и въ той же самой странѣ, Англіи, происходитъ рядъ великихъ техническихъ изобрѣтеній, которымъ было суждено измѣнить коренным образомъ промышленный трудъ женщины и косвенно самое положеніе женщины въ семьѣ. Въ 1764 г., простой ткачъ Джемсъ Харгревсъ изобрѣлъ прядильную машину, извѣстную подъ именемъ: «мюль Дженни». Въ одно почти время съ нимъ цирюльникъ Аркрайтъ создалъ новую чесальную машину и усовершенствовалъ прядильную. Въ 1785 г. Самуилъ Кромптонъ произвелъ важное улучшеніе въ той же прядильной машинѣ, а сельскій священникъ Картрайтъ изобрѣлъ механическій ткацкій станокъ и наконецъ Джемсъ

Уаттъ увѣнчалъ всѣ эти и многія другія важныя изобрѣтенія XVIII-го вѣка величайшимъ продуктомъ человѣческаго ума, примѣненіемъ силы пара, какъ двигателя, къ машинамъ въ промышленности. Всѣ эти и нѣкоторыя иныя изобрѣтенія въ ближайшую затѣмъ эпоху произвели весьма быстрый переворотъ въ всемірной промышленности: убили домашній трудъ, создали невозможныя условія конкурренціи для мелкаго кустарнаго промышленника и превратили всю обработку волокнистыхъ веществъ въ отрасль крупной фабричной промышленности, двигаемой на огромные капиталы, съ цѣнными машинами и со множествомъ рабочихъ рукъ, вмѣсто прежняго семейнаго способа производства, гдѣ каждый имѣлъ возможность работать у себя на дому съ нѣкоторыми приспособленіями или машинами, передаваемыми по наслѣдству. Какой громадный стимулъ получила при этомъ промышленность, можно судить по тому, что въ то время, когда всѣ эти изобрѣтенія стали примѣняться и входить въ употребленіе, то-есть въ концѣ XVIII-го вѣка, производительная сила всѣхъ машинъ въ Англіи равнялась силѣ всего лишь 12-ти милліоновъ человѣкъ, въ 1848 г. она составляла уже силу равную шестистамъ милліонамъ людей, а нынче ее пришлось бы считать милліардами человѣческихъ силъ.

Подъ вліяніемъ этого колоссальнаго увеличенія производительности и коренной перемѣны въ ея

формахъ, измѣнились также и самыя условія труда. Прежде каждый рабочій и особенно женщина могли трудиться у себя на дому, не отрываясь отъ своей обычной обстановки, и образа жизни, теперь работа необходимо сосредоточилась въ огромныхъ зданіяхъ съ правильнымъ, по часамъ, распредѣленіемъ занятій, причемъ работникъ половину, а то и большую часть дня и даже ночи, проводитъ внѣ своего дома. Прежде рабочій могъ трудиться въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ и его предки жили и самыя промышленныя заведенія преимущественно строились по рѣкамъ, гдѣ былъ водяной двигатель; теперь же начали воздвигать на ихъ мѣсто громадныя фабрики вездѣ, гдѣ дешевле топливо и, главное, гдѣ большее предложеніе труда. Отсюда передвиженіе и переселеніе рабочихъ изъ одного пункта страны въ другой семьями и въ одиночку, а послѣднее не могло не отразиться на самомъ складѣ семьи и способствовало разложенію ея стараго патріархальнаго строя. Наконецъ, вновь изобрѣтенныя машины имѣли одно общее свойство: увеличивая во много разъ силу производительности, они до такой степени облегчали трудъ въ физическомъ отношеніи, что малолѣтній ребенокъ или женщина сдѣлались способными выполнять такую работу, для которой, по размѣрамъ производства, прежде потребовалось бы нѣсколько десятковъ мужчинъ. Однимъ словомъ всѣ изобрѣтенія и усовершенствованія про-

шлаго вѣка ведутъ къ легкой и удобной для промышленниковъ замѣнѣ дорогаго, а иногда и рѣдкаго мужскаго труда—трудомъ дѣтскимъ и женскимъ.

Въ этомъ послѣднемъ и заключается одно изъ характерныхъ послѣдствій роста крупной фабричной промышленности: дѣти обоего пола, прежде жившія только при родителяхъ и большею частью безъ всякаго опредѣленнаго занятія, сдѣлались фабричными рабочими, запертыми на цѣлый день, а иногда и ночь на фабрикѣ за лишнее вознагражденіе, которое начали получать ихъ взрослые родственники, зачастую съ ними вмѣстѣ не живущіе. Дѣвушки и замужнія женщины, которыя прежде не покидали никогда почти своихъ семействъ и связанныхъ съ ними заботъ и привычекъ, поступили на фабрики, день и ночь работая съ мужчинами и нерѣдко надолго разлученныя съ семьями и даже забывая всѣ тѣ роды женскаго труда, которые свойственны и привычны всякой женщинѣ, выросшей и живущей у домашняго очага, а не въ фабричной казармѣ (какъ шитье, починка и вязанье)...

Въ результатѣ получается, что въ современной промышленной Англіи многія женщины рабочаго класса не имѣютъ понятія о томъ, какъ готовится кушанье и не знаютъ, какъ починить свое платье или заштопать чулокъ, и Британское правительство вынуждено законодательнымъ путемъ ввести во всѣхъ отдѣленіяхъ народныхъ школъ для дѣвочекъ, а от-

части даже для мальчиковъ обязательное обученіе, такъ называемой, домашней экономіи (domestic economy) [1]): стряпнѣ, чинкѣ платья, шитью и тому подобное; вообще правительство вынуждено было взять на себя трудъ пополнить тотъ пробѣлъ, который созданъ переворотомъ промышленности въ судьбѣ женскаго труда и общаго положенія женщины [2—5]).

Обратимся къ измѣненію, которое произошло въ составѣ рабочихъ рукъ за послѣднее столѣтіе, начиная опять также съ той же самой Англіи. Въ обыденной жизни мы привыкли какъ-то мало придавать значенія труду женщинъ и особенно дѣтей: въ рукахъ женскихъ мы привыкли видѣть лишь нѣкоторыя ремесленныя занятія и особенно шитье и чаще всего тѣ роды труда, которые служатъ для приготовленія предметовъ, потребляемыхъ женщинами же, какъ-то: трудъ бѣлошвейки, портнихи, модистки, кружевницы, перчаточницы и т. п. Фабричная промышленность стоитъ далеко отъ большой

---

1) Education Department. 1880. New Code of Regulations with Appendices, Third Schedule.

2) См. англійскіе учебники по этимъ предметамъ: *Buckmaster*'s Domestic economy and cookery.

3) Plain knitting and mending in six standards.

4) Plain cutting out for standards IV, V and VI, as now required by the government Educational Department.

5) Plain needlework. Arranged in six standards or stages, as now required by the new Educational Code of 1879.

публики и публика привыкла предполагать, что она находится, если не исключительно, то преимущественно въ рукахъ мужскихъ и что большая часть, поэтому, фабрично-заводскихъ продуктовъ создается руками взрослыхъ мужчинъ. Между тѣмъ такое воззрѣніе весьма и весьма ошибочно, по скольку оно относится къ главнѣйшей, нѣтъ сомнѣнія, изъ всѣхъ отраслей промышленности,—къ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, то есть приготовленію всевозможнаго рода тканей изъ шерсти, шелка, хлопка, джуты и другихъ продуктовъ животнаго и растительнаго царства.

Чтобы познакомиться съ истиннымъ положеніемъ промышленности въ настоящее время, достаточно обратиться къ нелицепріятному свидѣтельству статистики и изъ нея постараться извлечь необходимыя для того свѣдѣнія. Въ 1879 году англійскому парламенту представленъ былъ списокъ состава рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ волокнистыхъ веществъ и, сводя эти довольно обширныя данныя къ процентному отношенію, мы получимъ слѣдующую таблицу, выражающую численность женщинъ и малолѣтнихъ на фабрикахъ каждой категоріи производства и самое число фабрикъ [6]).

---

[6]) *Factories*. Return to an Adress of the Honourable House of Commons, dated 16 May 1878.

ПРОИЗВОДСТВА.	Число фабрикъ.	Общее число рабочихъ.		Число малолѣтнихъ обого пола.	% отношеніе женщинъ къ общему числу рабочихъ.	% отношеніе малолѣт. къ общему числу рабочихъ.
		М. п.	Ж. п.			
I. Хлопчато-бумажное:						
1) бумаго-прядильное.	1,159	67,668	87,947	20,766	55,5 %	13,3 %
2) бумаго-ткацкое.	765	36,690	74,974	12,543	67,1 »	11,2 »
3) бумаго-пряд. и бум.-ткац.	597	79,621	131,562	28,364	62,3 »	13,4 »
4) Всѣ остальные виды	153	1,493	2,943	250	66,4 »	5,6 »
II. Обработка шерсти:						
1) Шерстяное	1,832	64,280	70,064	9,410	52,15 »	7 »
2) Суконное.	693	49,713	81,212	21,540	62 »	16,4 »
III. Шелковое.	706	11,873	29,112	4,260	71 »	10,4 »
IV. Полотняное	400	31,835	108,806	8,032	70,7 »	7,4 »
V. Пеньковое	58	2,324	2,456	348	51,2 »	7,3 »
VI. Джутовое	117	10,574	25,780	3,522	70,9 »	9,7 »
VII. Кружевное	283	6,283	3,926	700	38,4 »	6,8 »
Всего по обработкѣ волокнист. веществъ.	7,105	374199	601,347	110000	61,7%	11,3% [7])

[7]) Къ сожалѣнію намъ неизвѣстна вся сумма производствъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ въ Англіи, но вывозъ ихъ равняется примѣрно 100 милліонамъ фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ на долю работницъ — англичанокъ приходится 61 мил. ф. ст. или на русскія деньги 610 милл. рублей.

Эта любопытная таблица совершенно опровергаетъ ходячія въ публикѣ воззрѣнія о распредѣленіи труда женщинъ и мужчинъ въ крупной промышленности. Изъ нея очевидно, напримѣръ, что шелковыя, полотняныя и джутовыя ткани почти на $^3/_4$ являются продуктомъ женскаго труда, а миткаль, ланкортъ и другія бумажныя матеріи въ размѣрахъ $^2/_3$ всего производства вырабатываются женщинами и только въ производствѣ бумажной пряжи, шерстяныхъ и пеньковыхъ матерій число рабочихъ мужчинъ приближается къ женщинамъ, и лишь въ одномъ—въ механическомъ производствѣ кружевъ, въ этомъ старинномъ, par excellence, женскомъ занятіи, мужской трудъ превышаетъ женскій. Если же къ процентному отношенію женскаго труда приложить таковое же дѣтей обоего пола, то участіе взрослыхъ мужчинъ въ означенныхъ производствахъ окажется еще болѣе ничтожнымъ. Напримѣръ: на 100 человѣкъ всѣхъ рабочихъ въ шелковомъ производствѣ приходится 18,6 взрослыхъ мужчинъ (свыше 18 лѣтъ), въ джутовомъ—19,4, въ бумаго-ткацкомъ и суконномъ — 21,7, въ полотняномъ—21,9, въ бумаго-ткацкомъ и прядильномъ 24,3.

Въ обработкѣ неволокнистыхъ веществъ и другихъ производствахъ женскій трудъ играетъ меньшую роль, но и тутъ встрѣчаются довольно крупныя исключенія: на фабрикахъ консервовъ, напримѣръ, 47% составляютъ женщины, не включая дѣ-

вочекъ, въ фарфорово-фаянсовомъ производствѣ женскій трудъ составляетъ около 30%, въ гуттаперчевомъ производствѣ — 55%; при этомъ вездѣ замѣчается быстрое увеличеніе числа рабочихъ женщинъ на счетъ мужчинъ: такъ, напримѣръ, въ послѣднемъ производствѣ (гуттаперчевомъ) въ 1871 г. процентъ женщинъ составляетъ не болѣе 19, а съ тѣхъ поръ, какъ мы видимъ, женскій трудъ вытѣснилъ и замѣнилъ въ значительной части мужской [8]).

Для Россіи сколько-нибудь точныхъ данныхъ о распредѣленіи фабричныхъ рабочихъ по полу не существуетъ, исключая лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей. Оффиціальныя данныя по этому вопросу вообще неудовлетворительны: напримѣръ, Указатель Орлова, изданный министерствомъ финансовъ, основываясь на показаніяхъ самихъ промышленниковъ и полицейскихъ свѣдѣніяхъ, не отличается точностью и численность женщинъ изъ общаго числа рабочихъ въ немъ не выдѣлена. Поэтому я ограничусь немногими данными относительно фабрикъ Москвы и Московской губерніи, собранными мною лично для 158 фабрикъ по 24 производствамъ. Если взять эти свѣдѣнія, начиная съ тѣхъ производствъ, въ которыхъ

---

[8]) The industrial classes and industrial statistics, by *Phillips Bevan*. London. 1877.

женскій трудъ имѣетъ наиболѣе представителей, то получится слѣдующая таблица [9]):

ПРОИЗВОДСТВА.	Процентное отношеніе рабочихъ женскаго пола къ общему числу рабочихъ.	Процентное отношеніе малолѣтнихъ обоего пола къ общему числу рабочихъ.
Бумаго-ткацкія	52,5%	8, 7%
Писчебумажныя.	46,5 »	11 »
Бумаго-прядильн. и ткацкія. .	45,3 »	10,63 »
Бумаго-прядильныя	43 »	10 »
Рогожныя.	42 »	20, 8 »
Табачныя.	40 »	24, 7 »
Бумажн. произ. въ пол. объемѣ.	38 »	8, 2 »
Шелковыя	38 »	8,65 »
Конфектныя и шоколадныя. .	35,6 »	7, 9 »
Шерсто-прядильныя	30 »	22, 4 »
Суконныя.	29 »	9, 3 »
Шерсто-ткацкія.	27,4 »	10, 7 »
Ситцевыя.	25,8 »	7,52 »
Производ. смѣшан. тканей. .	24 »	7,27 »
Спичечныя фабрики	24 »	6 »
Свѣчные и мыловар. заводы .	22 »	10 »
Красильно-отбѣльныя. . . .	18,5 »	10, 8 »
Фарфорово-фаянсовыя	16,8 »	12, 4 »
Стеклянные заводы	8 »	25, 5 »
Типографіи.	1,6 »	10 »

[9]) См. мою книгу «Фабричный бытъ Московской губерніи» С.-Петербургъ, 1884.

ПРОИЗВОДСТВА.	Процентное отношеніе рабочихъ женскаго пола къ общему числу рабочихъ.	Процентное отношеніе малолѣтнихъ обоего пола къ общему числу рабочихъ.
Парфюмерныя.	1,5%	12 %
Сахаро-рафинадныя.	1 »	1, 9 »
Фабр. зол. и серебр. вещей .	0,9 »	11,28 »
Производство обоевъ.	0,6 »	38, 1 »
Мебельныя и рояльныя . . .	0,6 »	27, 3 »
Пиво-и медоваренныя	0,4 »	4, 4 »
Химическое и лаков. произв. .	—	11, 5 »
Челночно-токарныя	—	19, »
Гвоздильныя	—	4, 6 »
Машиностроительныя	—	6, 1 »

Какъ видимъ изъ этой таблицы, численность женщинъ на нашихъ фабрикахъ вообще менѣе, чѣмъ на англійскихъ, но гораздо больше, чѣмъ публика предполагаетъ: на бумаго-ткацкихъ фабрикахъ (механическихъ) женщинъ работаетъ теперь больше, чѣмъ мужчинъ, а на прочихъ изъ приведенныхъ эта цифра колеблется отъ 1/4 и почти до половины. Если же эта численность ниже англійской, то такое явленіе слѣдуетъ приписать исключительно одной причинѣ: низкой заработной платѣ нашихъ мужскихъ рабочихъ (она ниже, нежели въ Англіи примѣрно на 300%). Чѣмъ болѣе будетъ возрастать въ будущемъ мужская плата и чѣмъ болѣе будетъ совершенствоваться техника производства и ручная

выдѣлка замѣняться механическими способами, тѣмъ болѣе будетъ возрастать на нашихъ фабрикахъ спросъ на женскій и дѣтскій трудъ, а мужской соотвѣтственно уменьшаться. Этотъ процессъ довольно быстро совершается и его можно замѣтить нынѣ на нѣкоторыхъ производствахъ, напримѣръ: на всѣхъ капсюльныхъ фабрикахъ, гдѣ приготовляются капсюли для бутылокъ ручнымъ способомъ, работаютъ взрослые мужчины и подростки; гдѣ же есть паровой двигатель, взрослые замѣняются дѣтьми; на шелковыхъ фабрикахъ замѣна ручныхъ станковъ механическими немедленно производитъ въ значительной степени замѣну мужчинъ женщинами, и даже въ такой мужской работѣ, какъ шлифовка хрусталя, на нѣкоторыхъ хрустальныхъ заводахъ съ паровыми двигателями я встрѣчалъ въ шлифовальняхъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ.

Если бросить общій взглядъ на выше приведенную таблицу, то изо всѣхъ указанныхъ 24 производствъ 11 слѣдуетъ считать у насъ исключительно мужскими: женщинъ или совсѣмъ нѣтъ, или процентъ ихъ такъ ничтоженъ, что его нельзя принимать во вниманіе. Сюда принадлежатъ: химическія фабрики, сахаро-рафинадныя, парфюмерныя, мебельныя и рояльныя, обойныя, челночно-токарныя, фабрики золотыхъ и серебряныхъ вещей, типографіи, пиво-и медоваренные, гвоздильные и машиностроительные заводы. Большая часть этихъ производствъ при-

надлежатъ къ такимъ, которыя обусловливаютъ необходимость физической силы: исключенія составляютъ парфюмерныя и обойныя фабрики и отчасти типографіи, гдѣ женскій трудъ можетъ быть примѣненъ, какъ это доказывается примѣромъ Западной Европы (въ Англіи, въ типографіяхъ 5% работающихъ женщинъ и въ производствѣ обоевъ 14%), и если женскій трудъ у насъ въ нѣкоторыхъ производствахъ не имѣетъ мѣста, то это случайное или временное явленіе, по объясненнымъ выше причинамъ.

Во-вторыхъ, изъ остающихся 13-ти производствъ, въ 7—мужской трудъ является рѣшительно преобладающимъ (около ³/₄ рабочихъ): стеклянные заводы, свѣчные и мыловаренные, фарфорово-фаянсовыя, красильно-отбѣльныя, спичечныя фабрики, производство смѣшанныхъ тканей и всѣ виды обработки шерсти. Затѣмъ остаются 6 производствъ, въ которыхъ женскій трудъ играетъ болѣе или менѣе видную роль: почти равенъ или даже превосходитъ численностью мужской; а такъ какъ эти категоріи самыя многочисленныя по числу рабочихъ, то это и поднимаетъ значительно % женскаго рабочаго класса въ общемъ числѣ. Сюда относятся, какъ мы видѣли, разныя отрасли хлопчато бумажнаго производства; на первомъ планѣ стоятъ самоткацкія или механическія фабрики, на которыхъ женщины преобладаютъ надъ мужчинами (52,5%), причемъ на отдѣль-

ныхъ фабрикахъ цифра эта еще выше и составляетъ 60 и 63%; затѣмъ въ прядильно-ткацкихъ 45 и въ прядильныхъ 43%. Изъ другихъ производствъ значительное число женщинъ встрѣчается на писчебумажныхъ фабрикахъ (46,5%), гдѣ на ихъ рукахъ лежитъ сложная операція рѣзки и сортировки тряпья и сортировки бумаги; на рогожныхъ фабрикахъ (42%), гдѣ женщины заправляютъ, а отчасти ткутъ рогожи (когда ихъ мужья спятъ) и тѣмъ нѣсколько пополняютъ ихъ общій скудный заработокъ; на табачныхъ (40%), гдѣ женщины преимущественно работаютъ крученыя папиросы. Въ шелковомъ и шерстяномъ производствахъ число рабочихъ женщинъ у насъ, какъ видѣли, относительно, весьма мало: въ первомъ—38%, во второмъ 28,8%, то-есть меньше одной трети; между тѣмъ шелковое производство, которое переживаетъ у насъ еще ручную форму, въ Англіи является механической и, par excellence, женской и дѣтской работой, а слѣдовательно и у насъ при условіи соблюденія закона 1 іюня 1882 года легко можетъ явиться средство уклониться отъ его ограниченія. Шерстяное производство также представляетъ широкое поле для развитія женскаго труда въ будущемъ, ибо въ разныхъ отрасляхъ его въ Англіи женскій трудъ является преобладающимъ.

Можно еще получить третій весьма любопытный выводъ; если сопоставить процентное отношеніе женщинъ съ таковымъ же дѣвочекъ къ общему числу

малолѣтнихъ, въ такомъ случаѣ окажется, что вездѣ почти, гдѣ женскій трудъ получаетъ болѣе или менѣе значительное примѣненіе, таковое же находитъ и трудъ малолѣтнихъ лицъ женскаго пола и, исключая табачныя фабрики, послѣдній, то-есть трудъ дѣвочекъ, постоянно возрастаетъ: въ бумаго-ткацкихъ фабрикахъ женскій трудъ равняется 52,5% общаго числа, а дѣвочекъ (до 15 лѣтъ)—69% всѣхъ малолѣтнихъ; на писчебумажныхъ женщины—46,5%, а дѣвочки—65%; въ шелковыхъ — 38% и 58%, въ шерстопрядильномъ—30% и 38%. Это явленіе даетъ понять, конечно, что данный трудъ требуетъ весьма малой физической напряженности и силы и затѣмъ косвенно указываетъ на низкую плату женщинъ. Необъяснимымъ, съ перваго взгляда, обстоятельствомъ является, что въ такомъ легкомъ физически дѣлѣ, какъ конфектное или кондитерское производство, при 35,6% работающихъ женщинъ—дѣвочекъ 0%; но это зависитъ, нѣтъ сомнѣнія, отъ принятаго на многихъ московскихъ кондитерскихъ обычая (весьма непохвальнаго въ гигіеническомъ отношеніи) отдавать завертываніе конфектъ, особенно карамели на дома, по семьямъ, гдѣ этимъ и заняты вмѣстѣ съ женщинами преимущественно дѣвочки, на самихъ же фабрикахъ на женщинахъ лежатъ болѣе трудныя работы, напримѣръ, приготовленіе печеній и особенно бисквитъ (Эйнемъ); наконецъ это можетъ происходить отъ того, что на нѣкоторыхъ

крупныхъ московскихъ кондитерскихъ фабрикахъ многія дѣвочки работаютъ лишь поденно и въ число рабочихъ не заносятся.

Еще можно указать на одну особенность: многія фабрики, имѣя въ своихъ стѣнахъ исключительно мужчинъ, доставляютъ массѣ женщинъ работу, напримѣръ: перчаточныя фабрики, въ которыхъ всѣ предварительныя работы (по приготовленію кожъ и кройкѣ) исполняются на фабрикѣ одними мужчинами, а шитье раздается по деревнямъ въ женскія руки; точно также на фабрикахъ папиросныхъ гильзъ, гдѣ одинаково производится лишь приготовительная работа мужскими руками, а дальнѣйшая работа на сторонѣ, по деревнямъ, преимущественно женщинами и дѣтьми. Наконецъ, изъ разсмотрѣнныхъ мною лично заведеній существуетъ совершенно женское производство въ фабричной формѣ—это чулочно-вязальное на ручныхъ машинахъ, гдѣ работаютъ исключительно женщины и дѣвочки и вмѣстѣ съ мужчинами на томъ же производствѣ, гдѣ есть паровой двигатель. Затѣмъ исключительный женскій трудъ имѣетъ приложеніе на многочисленныхъ ремесленныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя находятся всецѣло въ женскихъ рукахъ, какъ напримѣръ: приготовленіе бѣлья, искусственныхъ цвѣтовъ, и значительной части дамскихъ нарядовъ *).

---

*) См. также мою книгу о фабричномъ бытѣ Московской губерніи.

Отсюда видно, какое важное, чуть-ли не первенствующее во многихъ отрасляхъ промышленности, значеніе имѣетъ женскій трудъ, и значеніе это годъ отъ году вмѣстѣ съ ростомъ промышленности, какъ мы видѣли, вездѣ и весьма сильно возростаетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при благопріятныхъ для того обстоятельствахъ, быстрота увеличенія женскаго труда поражаетъ своимъ процентомъ: въ округѣ Бауценъ въ Саксоніи, напримѣръ, въ 1861 году на всѣхъ фабрикахъ работало 2,512 работницъ, а черезъ 14 лѣтъ, въ 1875 году, вслѣдствіе открытія новыхъ фабрикъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и возрастанія мужской платы, число женщинъ на фабрикахъ дошло до 6,150, то-есть выросло на цѣлыхъ 140% за 14 лѣтъ. Замѣтимъ при этомъ, что на фабрикахъ работаетъ по возрасту цвѣтъ женской молодежи; согласно даннымъ наиболѣе точной Германской статистики, изо всѣхъ работницъ на фабрикахъ, — 24% приходится на возрастъ отъ 16 — 18 лѣтъ и 42%—отъ 18 до 25 лѣтъ, то-есть вмѣстѣ составитъ 66% или $^2/_3$ всѣхъ работающихъ женщинъ [10]). Точно также на фабрикахъ Московскаго уѣзда, среднимъ числомъ, изъ общаго числа работающихъ — 33,5% приходится на женщинъ (одинаково съ Германіей) для всѣхъ производствъ, и изъ нихъ на возрастъ отъ 14 до 18

---

10) *Rosher* (*Carl*). Zur Kritik der neuesten wirhtchaft-

лѣтъ приходится —17%, и отъ 18—40 лѣтъ почти 55%, то-есть и тутъ большинство работницъ находятся въ полномъ разцвѣтѣ силъ [11]).

Установивши фактъ значительнаго участія женщинъ въ промышленномъ трудѣ въ Европѣ и притомъ въ весьма важныхъ отрасляхъ промышленности, мы должны перейти теперь къ изслѣдованію условій женскаго фабричнаго труда или, точнѣе, тѣхъ послѣдствій, которыя создаются для рабочихъ классовъ и спеціально для женщинъ-матерей существующими способами крупнаго производства, замѣнившими собою, какъ мы знаемъ, его домашнюю или кустарную форму. Но, чтобы рельефнѣе выставить передъ читателями мою руководящую точку зрѣнія по этому предмету, я долженъ сдѣлать нѣкоторыя отступленія и начать издалека, прибѣгая для наглядности къ сравненію и сопоставленіямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Между развитіемъ человѣческаго общества и развитіемъ представителей животнаго царства можно провести весьма любопытную аналогію. На низшихъ

---

lichen Entwickelung im deutshen Reiche. Zittau. 1876. стр. 263.

[11]) *Эрисманъ.* Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. М. 1882, стр. 43 и 200.

ступеняхъ животной жизни, говорятъ зоологи, замѣчается весьма малое различіе отдѣльныхъ частей тѣла индивида, оно отличается такою однородностью, что, если разрѣзать нѣкоторыя животныя на части (напримѣръ, корненожку), то каждая часть можетъ жить отдѣльно; но какъ скоро мы переходимъ къ животнымъ на болѣе высокой степени развитія, тѣмъ болѣе простота, отличающая организацію первыхъ животныхъ, замѣняется сложностью: отдѣльныя части тѣла обращаются въ органы, отправляющіе отдѣльныя функціи; самостоятельное, такъ сказать, значеніе отдѣльныхъ частей тѣла утрачивается, отрѣзанныя части тѣла животнаго уже не создаютъ новыхъ животныхъ, отличающихся отъ старыхъ только величиною. Сначала, впрочемъ, на сравнительно низкихъ ступеняхъ животнаго царства (напримѣръ, у полиповъ), отсѣченная часть тѣла съ теченіемъ времени замѣняется другой; на болѣе же высокихъ стадіяхъ развитія только нѣкоторыя части тѣла могутъ возобновляться; наконецъ у животныхъ, сравнительно высоко развитыхъ, какъ извѣстно, и это свойство прекращается. Чѣмъ выше поднимаемся по лѣстницѣ животнаго царства, тѣмъ многочисленнѣе потребности животнаго и тѣмъ больше требуется отъ нихъ разума, чтобы обезпечить себѣ пищу и избѣжать окружающихъ опасностей [12]).

---

[12]) *Henry George.* Social problems. London. 1884.

Весьма сильное сходство имѣетъ мѣсто между замѣченными нами въ исторіи развитія животнаго организма свойствами и ростомъ человѣка на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Примитивный человѣкъ, какой теперь встрѣчается только на немногихъ островахъ Австраліи и во внутренней Африкѣ, отличается простотою своихъ потребностей и крайней ихъ несложностью: немногое, что ему нужно,—ѣда, питье, одежда, оружіе и самыя орудія—своего труда, каждый индивидъ все это, или почти все, добываетъ самъ своими собственными усиліями, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, почти не прибѣгая къ помощи другихъ людей; каждый, слѣдовательно, человѣкъ отличается своею самостоятельностью и независимостью отъ своихъ ближнихъ. Примитивный человѣкъ лишь самъ лично пользуется выгодами или невыгодами своей большей или меньшей ловкости ума, или наоборотъ, отъ недостатка его и отъ всякой неудачи, отъ несчастія, страдаетъ лишь онъ самъ и его семья. Картина тотчасъ измѣняется если мы поднимемся выше на нѣсколько ступеней человѣческаго развитія. Мы замѣтимъ, что разумъ человѣка увеличивается, но что самостоятельность каждаго индивида пропорціонально уменьшается; потребности его уже несравненно обширнѣе, чѣмъ у первобытнаго человѣка, вкусы разнообразнѣе, и онъ далеко уже не въ силахъ удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ лишь собственными стараніями. Онъ

безпрестанно нуждается въ той или другой услугѣ со стороны другихъ людей: оружіе ему готовитъ кузнецъ или оружейникъ, домъ строитъ плотникъ и т. д.,—вообще зависимость его отъ другихъ людей, отъ общества, замѣтно увеличивается съ каждымъ шагомъ развитія, а вмѣстѣ съ этой зависимостью увеличиваются для человѣка и шансы многихъ несчастій и его индивидуальная слабость для борьбы противъ неблагопріятныхъ случайностей. Если мы возьмемъ, наконецъ, наиболѣе культурнаго человѣка, современнаго Европейца, городскаго жителя и проведемъ параллель его съ первобытнымъ человѣкомъ, то найдемъ громадную разницу въ общихъ условіяхъ существованія: обладая сравнительно съ дикаремъ несравненно высшимъ разумомъ и познаніями, Европеецъ индивидуально гораздо менѣе самостоятеленъ, чѣмъ дикарь; тысячи его потребностей, безъ которыхъ онъ совсѣмъ не можетъ обойтись или чувствуетъ себя несчастнымъ, удовлетворяются другими людьми, нерѣдко живущими въ противоположной части свѣта. *Разнообразныя опасности для его существованія ростутъ вмѣстѣ съ ходомъ его развитія.*

Изъ исторіи литературы всѣмъ извѣстно, какой громадный успѣхъ въ прошломъ вѣкѣ имѣло безсмертное произведеніе Défo: «Робинзонъ Крузе». Главная причина его громаднаго успѣха, мнѣ кажется, и того удовольствія, съ которымъ оно чи-

тается и въ настоящее время, черезъ 150 лѣтъ, заключается въ обнаруженіи безпомощности одинокаго Европейца въ борьбѣ съ природою за свое существованіе и безъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ средствъ, которыя даются цивилизаціей. Авторъ, какъ извѣстно, не нашелъ даже возможнымъ продолжать исторію Робинзона безъ выброшеннаго корабля, который доставилъ ему массу необходимыхъ орудій для удовлетворенія потребностей и, слѣдовательно, какъ бы косвенную помощь людей; — иначе Дефо пришлось бы въ началѣ покончить свое повѣствованіе описаніемъ голодной смерти Робинзона. Ради той же цѣли, нѣтъ сомнѣнія, автору понадобился и островъ, на которомъ не водилось бы опасныхъ животныхъ и наконецъ появленіе Пятницы. Человѣка, сравнительно съ Европейцемъ болѣе приближающагося къ первобытному состоянію такъ, напр., дикаря, нѣтъ сомнѣнія, помимо его умственной невоспріимчивости, Робинзонъ не могъ бы заинтересовать уже потому, что на его взглядъ, во всѣхъ приключеніяхъ Крузе, нѣтъ ровно ничего такого, чего бы онъ самъ не испытывалъ и съ успѣхомъ боролся въ теченіи всей своей жизни.

Такимъ образомъ, ясно, что безпомощность человѣка съ его индивидуальными усиліями растетъ вмѣстѣ съ цивилизаціей, и *онъ все болѣе и болѣе нуждается въ помощи другихъ людей, въ помощи общества, въ помощи представителей общества*—

государственной власти для обезпеченія себѣ удовлетворительнаго существованія. Раздѣленіе труда, столь важное, какъ каждый знаетъ, въ экономическомъ отношеніи,—идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ этой опасности для человѣческаго существованія: на какой-нибудь огромной прядильной и ткацкой фабрикѣ тысячи людей трудятся надъ производствомъ ежедневно многихъ сотенъ пудовъ пряжи и тысячъ аршинъ матеріи и очень вѣроятно, что изъ всѣхъ этихъ тысячъ рабочихъ не найдется ни одного, который бы съумѣлъ внѣ фабрики сдѣлать хоть нѣсколько аршинъ за долгое время какой-нибудь ткани. На большихъ сапожныхъ фабрикахъ въ Европѣ каждый сапогъ, чтобы быть выдѣланнымъ, долженъ перейти по крайней мѣрѣ черезъ руки 60 человѣкъ, исполняющихъ каждый—отдѣльную операцію, но ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи часто сшить себѣ цѣлую пару сапогъ.

Опасности для жизни и здоровья цѣлой массы людей вслѣдствіе всего описаннаго склада современной жизни, отъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ, составляютъ характерную черту нашего времени: ошибка, недосмотръ, или небрежность, напримѣръ, строителя-архитектора или управляющаго какого-нибудь большаго зданія, напримѣръ, театра, фабрики, какъ каждый знаетъ, можетъ повлечь за собой смерть многихъ сотенъ лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ и ввѣряющихъ свою

жизнь, вступая въ такое зданіе, лицамъ имъ завѣдующимъ. Пьяный машинистъ или заснувшій сторожъ являются безпрестанно причиной крушеній поѣздовъ и множества увѣчій и смертей.

Но рядомъ съ подобными опасностями, ведущими уничтоженіе людей en masse, цивилизація въ лицѣ условій ея настоящаго промышленнаго устройства ведетъ не менѣе серьезныя опасности, которыя, если остаются безъ предупрежденія, то влекутъ за собою, можетъ быть, еще болѣе важный вредъ для человѣческаго благополучія вообще, для жизни, здоровья и счастія людей. Только этотъ ущербъ наносится сравнительно мало замѣтно, безъ шума и не поражаетъ такъ глазъ обыденнаго наблюдателя. Приведу нѣсколько примѣровъ: спусканья, напримѣръ, фабричныхъ отбросовъ въ рѣки, не говоря уже о стоячей водѣ, портятъ ее и при извѣстной степени испорченности будутъ наносить медленно, но вѣрно ущербъ здоровью всѣхъ потребителей этой воды и сокращать ихъ жизнь. Содовыя фабрики въ первое время ихъ существованія въ Англіи, выдѣленіемъ огромнаго количества вредоносныхъ газовъ въ воздухъ, до такой степени портили его, что не только пагубно вліяли на здоровье самихъ рабочихъ, но буквально обезлюживали мѣстности вокругъ фабрики на нѣсколько верстъ, производили болѣзни между животными въ окрестностяхъ и уничтожали даже поблизости всякія произрастанія. И зло продолжалось

до тѣхъ поръ, пока англійское правительство не было вынуждено общественнымъ мнѣніемъ вмѣшаться въ это печальное явленіе законодательнымъ путемъ и обязать владѣльцевъ произвести на фабрикахъ нѣкоторыя техническія приспособленія, указываемыя наукой, для уничтоженія вредныхъ газовъ и для прекращенія вреда.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, какъ не великъ и не важенъ тотъ вредъ и опасность, которые могутъ создавать такъ или иначе неправильно устроенныя промышленныя заведенія для окрестнаго населенія, иногда въ очень большихъ районахъ, тѣмъ не менѣе эта опасность сама въ себѣ заключаетъ и противоядіе. Разъ тѣ или иные интересы окрестнаго населенія страдаютъ отъ близости такой фабрики, оно протестуетъ противъ вреда, требуетъ его совершеннаго устраненія или уменьшенія, а при очевидности его можетъ болѣе или менѣе скоро надѣяться на благопріятный въ этомъ отношеніи исходъ. Совершенно иное дѣло, когда вредъ или опасности угрожаютъ здоровью и жизни, или вообще интересамъ одного лишь класса — рабочаго, заинтересованнаго въ молчаніи своимъ заработкомъ, а притомъ зачастую, слишкомъ темнаго и невѣжественнаго, чтобы сознательно относиться къ истинному источнику того или иного вреда для интересовъ, напримѣръ, собственнаго здоровья. Очевидно, что здѣсь только одно правительство, какъ представитель общаго народнаго

блага всѣхъ интересовъ страны можетъ и должно поднять свой голосъ въ защиту темныхъ и слабыхъ и явиться во всеоружіи закона для уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, смягченія существующаго зла и грядущихъ опасностей отъ него. Такъ, мы увидимъ далѣе, и понимаютъ свою задачу въ этомъ случаѣ почти всѣ современныя правительства. Посмотримъ же на свойства, степень и причины разнообразнаго вреда, наносимаго рабочимъ въ промышленныхъ заведеніяхъ всякаго рода

На первомъ планѣ стоитъ продолжительность занятій: организмъ человѣка, какъ и всякаго иного животнаго, можетъ вынести физическое напряженіе безъ ущерба здоровью лишь до извѣстныхъ предѣловъ, опредѣляемыхъ какъ степенью интенсивности напряженія, такъ и физической силой субъекта. Наука еще не въ состояніи дать точнаго и общаго опредѣленія возможной продолжительности работы, не сопровождаемой вредомъ для здоровья. Всякій излишекъ въ этомъ отношеніи будетъ происходить на счетъ уменьшенія или сокращенія рабочей способности. Въ наиболѣе культурныхъ странахъ Запада, Англіи и Америкѣ, практика, отчасти подъ косвеннымъ вліяніемъ законодательства, выработала десятичасовой терминъ продолжительности работы, какъ общепринятый въ большинствѣ промышленныхъ заведеній. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ и даже въ Англіи срокъ работы спустился

до 8-ми часовъ и восьмичасовой дневной трудъ является pium desiderium всего рабочаго класса Англо-Саксонскаго племени, который его и выставилъ девизомъ для будущаго, какъ утверждаетъ профессоръ Джевонсъ, въ видѣ слѣдующаго двустишія:

«Eight hours to work, eight hours to play;
Eight hours to sleep, and eight shillings a day» [13]).

Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, 10 часовъ работы есть тотъ предѣлъ физической работы, который большинство людей не можетъ перейти безъ нарушенія интересовъ своего здоровья. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще въ большинствѣ промышленныхъ странъ Европы, за указанными исключеніями, фабричная работа продолжается дольше, и только въ одномъ государствѣ, Швейцаріи, время работы опредѣлено законодательнымъ образомъ (11 часовъ въ сутки); въ Германіи обыкновенный терминъ отъ 10 до 12 и даже 13 часовъ въ день, въ Россіи среднее время фабричнаго труда не менѣе $12^1/_2$ часовъ въ сутки, а на многихъ фабрикахъ продолжается по 13, 14, 15 и даже 18 часовъ въ сутки.

За продолжительностью работы слѣдующій факторъ промышленнаго труда, заслуживающій вниманія общества и государственной власти, заключается въ свойствахъ самой работы, которыя весьма разнообразятся по производствамъ, и въ значительной сте-

---

13) Восемь часовъ на работу, восемь на развлеченіе, восемь на сонъ и восемь шиллинговъ въ день.

пеніи въ предѣлахъ человѣческой власти устранить или, по крайней мѣрѣ, ограничить зло, отъ нихъ происходящее. Такъ, замѣчено вездѣ, что работа ткачей, которая совершается съ прислоненной грудью къ станку, отражается на развитіи объема груди, окружность которой, доказалъ докторъ Песковъ, для московскихъ ткачей отличается гораздо меньшимъ обхватомъ, чѣмъ для остальнаго населенія [11]). Работа наборщиковъ въ типографіяхъ и рабочихъ на прядильныхъ фабрикахъ, которая производится стоя, отражается въ развитіи разныхъ болѣзней нижнихъ конечностей. Наконецъ, разнообразныя испаренія и роды пыли, выдѣляемые при производствахъ: пыль растительная (отъ хлопка и льна), минеральная (отъ угля и камней), металлическая (при обтачиваніи металловъ),—болѣе или менѣе вредно отражаются на органахъ дыханія и зрѣнія и, дѣйствуя различнымъ образомъ на организмъ, ведутъ къ одинаковому результату, — сокращенію жизни рабочаго и, во всякомъ случаѣ, къ сокращенію срока годности его къ работѣ въ теченіи жизни.

По словамъ доктора Поппера, неспособность къ работѣ индивида въ Англіи наступаетъ среднимъ числомъ между 55 и 65 годами жизни, въ тѣхъ-же случаяхъ, гдѣ рабочій поступалъ на фабрику съ дѣтства

11) *Песковъ.* Къ вопросу о вліяніи фабричнаго труда на здоровье рабочихъ. М. 1882 г.

и работалъ по ночамъ, эта неспособность наступаетъ 10-ю или 15-ю годами раньше; такъ, при переписи на фабрикахъ Харпура и Ленэрка изъ 1600 рабочихъ, тамъ занятыхъ, только 10 человѣкъ оказались въ возрастѣ свыше 45 лѣтъ, а на фабрикахъ въ Стокпортѣ и Манчестерѣ изъ 22094 рабочихъ оказалось только 143 человѣка старше 45 лѣтъ, и изъ этихъ послѣднихъ 16 человѣкъ на фабрикахъ держали только по особой милости. Передъ одной парламентской коммиссіей врачъ фабричныхъ рабочихъ, Смели, заявилъ, что онъ считаетъ 40 лѣтъ въ ра бочемъ классѣ уже старостью. По словамъ Пикока, средняя жизнь рабочихъ на фабрикахъ мельничныхъ жернововъ въ Англіи продолжается среднимъ числомъ не далѣе 24-хъ лѣтъ, а способность къ работѣ — 9-ти лѣтъ, и причина заключается въ поглощеніи огромнаго количества пыли, которая производитъ болѣзнь легкихъ.

Почти одинаковою опасностью для жизни угрожа етъ рабочему шлифовка металловъ: такъ, въ то время, какъ въ цѣлой Англіи и въ княжествѣ Валлійскомъ средняя продолжительность жизни равняется 55 годамъ, шлифовальщики въ Шеффильдѣ не переживаютъ въ среднемъ 32-хъ лѣтъ; тѣ-же изъ нихъ, которые занимаются шлифованіемъ вилокъ, среднимъ числомъ живутъ лишь 28 лѣтъ. Вслѣдствіе этой страшной смертности во многихъ англійскихъ вспомогательныхъ кассахъ не принимаютъ въ члены шли-

фовальщиковъ, и тотъ-же фактъ замѣчается относительно этой работы и въ другихъ странахъ; такъ, напримѣръ, по словамъ Ольдендорфа, въ Германіи изъ 100 шлифовальщиковъ только 26 человѣкъ переживаютъ 50 лѣтъ, остальные-же 74 умираютъ раньше. Чуть-ли еще не вреднѣе для здоровья—работа на льнотрепальныхъ фабрикахъ. Англійскій врачъ Грингау, изслѣдуя одну полотняную фабрику, нашелъ въ ней изъ 107 рабочихъ въ прядильномъ отдѣленіи 79 больныхъ грудью и въ чесальномъ отдѣленіи изъ 27 рабочихъ 23 чахоточныхъ. Наконецъ, еще образцомъ зловредности нѣкоторыхъ родовъ промышленныхъ занятій для человѣка могутъ служить щеточныя фабрики: по словамъ извѣстнаго ученаго Гирта изъ 100 рабочихъ этой категоріи не менѣе 49 имѣютъ чахотку [15]).

Приведенные примѣры весьма краснорѣчиво указываютъ, конечно, на всю опасность для жизни рабочихъ, но далеко еще не представляютъ истинной картины, такъ какъ касаются лишь производства предметовъ, которые сами по себѣ безвредны для жизни человѣка. Еще сильнѣе, разумѣется, опасность тамъ гдѣ все производство имѣетъ дѣло съ ядовитыми веществами или направлено къ ихъ добыванію, какъ мышьякъ, ртуть и т. п. Очевидно для всѣхъ, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ жизнь работника

---

[15]) *Popper*. Lehrbuch der Arbeiterkrankheiten und Gewerbehygiene. Stuttgart 1882 г.

должна сокращаться еще сильнѣе, и самъ рабочій не въ состояніи бороться противъ зла, пока правительство не поспѣшитъ къ нему на помощь, установивши обязательныя для соблюденія правила, оберегающія его здоровье.

Такимъ образомъ повсюду, куда-бы мы не обратились въ промышленности, мы вездѣ встрѣчаемъ, какъ общее правило, замѣчаемое во всѣхъ странахъ, что *жизнь промышленнаго рабочаго короче, нежели земледѣльца; что онъ болѣетъ чаще*, лишая болѣзнями своего труда общество и составляя для своей семьи часто лишь обузу, а не помощь, и непроизводительный расходъ для государства, безъ всякой на то своей собственной вины. Швейцарскій фабричный инспекторъ, докторъ Шулеръ, на основаніи данныхъ вспомогательной кассы для больныхъ рабочихъ одного швейцарскаго селенія, вычислилъ, что на каждаго фабричнаго работника, члена кассы, ежегодно приходится 7,4 дней болѣзни, а для прочихъ членовъ общества (то есть преимущественно земледѣльцевъ)—4,5 дней; средняя продолжительность неспособности для работы простирается для первыхъ—39,1 дней въ теченіи года, для послѣднихъ—26,7 дней. Истощенный организмъ фабричнаго, слѣдовательно, болѣе наклоненъ къ заболѣванію, и сами болѣзни его продолжительнѣе [16]).

[16]) Deutsche Vierteljahresschrift für öffentliche Gesundheitspflege. Vierter Band. Erstes Heft; см. стр. 130. *F. Shuler*—Die glarnerische Baumwollindustrie.

Если обратиться, напримѣръ, къ Франціи, то и тамъ встрѣтимъ массу авторитетовъ, одинаково утверждающихъ тотъ-же характеръ и вліяніе промышленности на рабочій классъ: докторъ Парнъ говоритъ, что въ департаментѣ Одъ «золотуха встрѣчается главнымъ образомъ въ мануфактурныхъ областяхъ Каркассона и Лицу». Боссаръ приписываетъ слабость тѣлосложенія жителей Арденъ, по большей части, вліянію вредной промышленности, которою занимается населеніе. На верхнемъ Рейнѣ, по Мюллеру, «земледѣльческіе кантоны поставляютъ въ армію людей, годныхъ для кавалеріи. Кантоны промышленные, напротивъ, даютъ людей анемическихъ». Потэ высказываетъ мнѣніе, что «*народонаселеніе кантоновъ, которые занимаются исключительно промышленностью, подвергается физическому вырожденію*» [17]).

Наконецъ знаменитый нѣмецкій статистикъ Энгель, на основаніи рекрутскихъ списковъ для Саксоніи, вычислилъ, что число забракованныхъ при пріемкѣ между земледѣльческими рабочими составляетъ отъ 46 до 49%, рабочими ремесленниками и кустарями 53 на 100, наконецъ, между фабричными рабочими — 57, то-есть болѣе всего негодныхъ къ военной службѣ.

---

[17]) *Tschouriloff*. Etude sur la dé generesence physiologiques des peuples civilisés. Paris. 1876, стр. 62.

Но если столь пагубное вліяніе, какъ это подтверждаютъ всѣ вышеприведенныя данныя, промышленность оказываетъ на мужскую половину рабочаго класса, то тѣмъ сильнѣе она должна влiять на женскую. Женщины имѣютъ вообще организмъ болѣе тонкій, болѣе впечатлительный, и, слѣдовательно, болѣе слабый противиться заболѣванію, нежели мужчины, а потому и всѣ вредныя условія фабричной жизни отражаются на здоровьѣ работницъ сильнѣе, нежели работниковъ: ножная работа, напримѣръ, на ножной швейной машинѣ, которая для взрослаго мужчины при извѣстной умѣренности можетъ быть почти безвредной; для женщины, въ большинствѣ случаевъ, не проходитъ безъ ущерба здоровью и по разсчету доктора Никольса, спеціально изучавшаго этотъ вопросъ, вполнѣ здоровая женщина не можетъ тѣмъ не менѣе работать на ножной швейной машинѣ безъ вреда для своего здоровья болѣе 3, много 4 часовъ въ сутки [18]). Понятно отсюда, какъ пагубно должна отражаться на здоровьѣ женщинъ изнурительная и продолжительная работа, сопровождаемая на многихъ фабрикахъ общей неблагопріятной обстановкой въ гигіеническомъ отношеніи. Не ходя далеко, образцомъ можетъ послужить фабри-

---

[18]) Deutsche Vierteljahresschrift für öffentliche Gesundsheitspflege. Siebenter Band, viertes Heft. Braunschweig. См. стр. 654. Dr. *F. Levy*. Frauen — und Kinderarbeit in Fabriken.

кація, такъ-называемаго, пунцоваго товара въ извѣстномъ селѣ Зуевѣ, Богородскаго уѣзда, (продолжительность работы: дневная смѣна $14^1/_4$ часовъ, ночная—$12^3/_4$ час.; распредѣленіе работы: дневная съ 4 часовъ утра до 8 часовъ вечера, ночная—отъ 8 часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра, отъ 12 до $1^3/_4$ часовъ дня и отъ 4 до 7 часовъ вечера).

Если многіе виды промышленной работы вредны для здоровья женщинъ вообще, то тѣмъ болѣе велика опасность, конечно, въ періодъ ихъ беременности. По свидѣтельству, напримѣръ, доктора Пауля, количество выкидышей, по его наблюденіямъ надъ женщинами, обработывающими свинецъ, составляло — въ одномъ наблюденіи 58%, а въ другомъ 78% всѣхъ случаевъ беременности, а смертность ихъ новорожденныхъ—40% на первомъ году и 70% въ первые 3 года! По общему правилу, у фабричныхъ работницъ, занятыхъ подобными вредными производствами, значительная часть дѣтей рождается мертвыми, а рожденныя живыми умираютъ несравненно быстрѣе. Такъ, по словамъ доктора Гирта, на 1,000 дѣтей, рожденныхъ въ Вюртембергѣ, 34 родятся мертвыми, тогда какъ между работающими по обработкѣ свинца число мертворожденныхъ доходитъ до страшной цифры—785 на 1,000, то-есть $^3/_4$ всѣхъ дѣтей. Точно также, по его словамъ, что въ то время, когда смертность въ Фюртѣ дѣтей въ первый годъ рожденія не превосходитъ въ дерев-

няхъ 20%, въ большихъ городахъ 25%, у дѣтей работницъ, на тамошнихъ зеркальныхъ фабрикахъ и стеклянныхъ заводахъ (шлифовка стеколъ) эта смертность достигаетъ 55%. Вообще женщины гораздо скорѣе подвергаются вліянію разныхъ ядовитыхъ веществъ, чѣмъ мужчины (ртуть, фосфоръ и т. п.), и замѣчено, что у беременныхъ женщинъ случаются часто выкидыши, и рожденныя дѣти бываютъ слабаго тѣлосложенія и умираютъ вскорѣ послѣрожденія [19]).

Если жизнь и личная неприкосновенность каждаго человѣка охраняется закономъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ, то тѣмъ болѣе эта охрана должна распространяться на здоровье женщины, которая имѣетъ для государства двойную цѣну: во-первыхъ, какъ крупная представительница народнаго труда, какъ мы видѣли, и—во-вторыхъ, потому, что она производитъ потомство, и всякій ущербъ для ея силъ и здоровья передается будущему поколѣнію. Если важной функціей въ жизни женщины является рожденіе ребенка, то, нѣтъ сомнѣнія, серьезной обязанностью ея, намѣченной самой природою, является вскормленіе этого ребенка. Въ современномъ Европейскомъ обществѣ многое дѣлается и совершается исключительно по рутинѣ, по привычкѣ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій о разумности и спра-

---

[19]) Deutscher Verein für öffentliche Gesundheitspflege. Braunschweig 1875. Bericht über den Ausschuss der zweiten Varsam mlung, стр. 58.

ведливости совершаемаго: къ такимъ дѣйствіямъ, утверждаютъ многіе медики, слѣдуетъ отнести и обыкновеніе, столь распространенное въ достаточныхъ классахъ всего свѣта, вскармливать дѣтей не грудью ихъ матери, а отдавать ихъ для этого наемной женщинѣ-кормилицѣ. Не мое дѣло, конечно, останавливаться здѣсь на медицинской сторонѣ этого факта и я ограничусь лишь однимъ замѣчаніемъ, которое мнѣ всегда приходитъ въ голову: если нанимается кормилица для чьего-либо ребенка, то, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ кормилица имѣетъ своего ребенка, если только онъ не скончался тотчасъ послѣ рожденія; такимъ образомъ для нея происходитъ замѣна собственнаго ребенка чужимъ, и она на фактѣ, вскармливая грудью, этой естественной пищей посторонняго младенца, лишаетъ таковой своего собственнаго. Теперь спрашивается, насколько справедливымъ, нравственнымъ и безвреднымъ можно считать это купленное за деньги уклоненіе матери отъ ея естественныхъ, природою назначенныхъ обязанностей предъ ея потомствомъ? Обратимся всего лучше за отвѣтомъ къ судьбѣ подобныхъ дѣтей, оставленныхъ своими матерями, въ рабочемъ классѣ, гдѣ къ этому матери вынуждаются не поступленіемъ въ кормилицы, а работой на фабрикахъ и существующими въ нихъ распорядками, и посмотримъ, какое вліяніе оказываетъ на дѣтей лишеніе ихъ материнскаго молока и ухода.

Какъ общее правило, почти вездѣ, женщина, занятая на фабрикѣ, не имѣетъ возможности кормить своего ребенка грудью; не говоря даже о томъ случаѣ, когда ребенокъ оставляется при поступленіи на фабрику у себя въ деревнѣ или вдали отъ фабрики, но даже, если женщина и живетъ въ ней, тѣмъ не менѣе кормленіе не можетъ совершаться регулярно: при правильной фабричной работѣ, точной, какъ заведенные часы, женщина, за рѣдкими исключеніями немногихъ филантроповъ — фабрикантовъ, не можетъ отлучаться, какъ у насъ, такъ и за границей съ фабрики къ своему ребенку чаще, чѣмъ черезъ 5 — 6 часовъ работы, между тѣмъ, какъ дитя требуетъ пищи, въ среднемъ, каждые 2 часа. Очевидно, что для ребенка фабричной работницы, такимъ образомъ, молоко матери составляетъ запретный плодъ, который приходится замѣнить какимъ-нибудь суррогатомъ, въ наилучшемъ случаѣ коровьимъ молокомъ, если оно доступно карману работницы, и заботу о ребенкѣ волей-неволей мать должна поручать часто даже на цѣлыя сутки постороннему лицу, если нѣтъ старшихъ дѣтей въ семействѣ,—обыкновенно какой-нибудь старухѣ, которая за маленькую плату беретъ младенца во время отлучки матери-работницы на свое попеченіе. Такъ дѣлается у насъ на многихъ фабрикахъ, также дѣлается и во всей Европѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Наиболѣе гуманный изъ всѣхъ существующихъ законовъ относительно работницъ-матерей имѣетъ мѣсто въ Швейцаріи: согласно ему, каждая женщина, собирающаяся сдѣлаться матерью, обязательно должна прекратить на фабрикѣ работу за 2 недѣли до родовъ и не приниматься иначе, какъ послѣ представленія свидѣтельства, что послѣ разрѣшенія отъ бремени прошло не менѣе 6 недѣль. Хотя законъ этотъ безспорно полезенъ въ интересахъ матери и ребенка и желателенъ повсюду, но, какъ указываетъ опытъ, срокъ, тѣмъ не менѣе, слишкомъ кратокъ, чтобы доставить младенцу вскормленіе матерью. Какъ сообщаетъ объ этомъ Швейцарскій фабричный инспекторъ, докторъ Шулеръ, въ своей превосходной статьѣ о хлопчато-бумажной промышленности въ кантонѣ Гларусъ, новорожденный ребенокъ фабричной работницы крайне рѣдко вскармливается грудью матери, такъ какъ все равно черезъ нѣсколько недѣль пришлось бы его отнимать при возвращеніи матери на фабрику, и, кромѣ того, она рискуетъ, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко имѣя дѣло на фабрикѣ съ ядовитыми веществами и продолжая изрѣдка давать младенцу грудь, еще болѣе разстраивать его здоровье. Поэтому обыкновенно ребенокъ и отдается на вскормленіе за ничтожную плату какой-нибудь старухѣ, которая набираетъ для этой цѣли нѣсколькихъ дѣтей. Въ лучшемъ случаѣ онѣ вскармливаются коровьимъ или козьимъ моло-

комъ, которое, объясняетъ въ той же статьѣ докторъ Шулеръ, въ Швейцаріи стало крайне дорого и потому, конечно, для дѣтей часто замѣняется разной кашицей и, такъ-называемымъ, молочнымъ супомъ [20]). Питаніе вообще неправильно, неравномѣрно, дѣти содержатся крайне грязно, въ дурномъ помѣщеніи съ зараженнымъ воздухомъ. Въ результатѣ получается въ кантонѣ Гларусъ крайне сильная смертность дѣтей и слабое физическое развитіе пережившихъ.

Еще болѣе неутѣшительную картину печальнаго положенія дѣтей, лишенныхъ материнскаго молока и ухода, представляетъ собой промышленная Англія: во всѣхъ промышленныхъ центрахъ и, вообще, въ большихъ городахъ Великобританіи «baby farming»—«вскармливаніе дѣтей», уже давно сдѣлалось широко распространеннымъ по всей странѣ промысломъ «человѣческаго душегубства», какъ объ этомъ не стѣсняясь, выражаются многія оффиціальныя донесенія парламентскихъ слѣдственныхъ коммиссій, санитарныхъ врачей и фабричныхъ инспекторовъ. Множество жалобъ и заявленій печати заставляло не разъ британское правительство обращать вниманіе на этотъ вопросъ, назначать цѣлыя слѣдствія и въ послѣднее время принять даже нѣкоторыя зако-

---

[20]) D. V. für offentliche Gesundheitspflege 1872. *F. Schuler.* Die glarnerische Baumwollindustrie, стр. 124.

нодательныя мѣры. Суть всѣхъ этихъ жалобъ и открытій, обнаруживаемыхъ слѣдствіями, сводится къ одному и тому же: несчастное положеніе малютокъ, преимущественно дѣтей фабричныхъ женщинъ, лишенныхъ ухода матери и отданныхъ на руки разнымъ безнравственнымъ предпринимательницамъ, которыя изъ ихъ медленнаго убійства чуть-ли не сдѣлали ремесло. Мистеръ Лигъ (Leigh), санитарный врачъ города Манчестера, сообщая въ своемъ отчетѣ за 1878 — 79 годъ о смертности дѣтей до 5 лѣтъ въ Манчестерѣ, приводитъ 44%, какъ обыкновенный размѣръ смертности въ этомъ мануфактурномъ городѣ, тогда какъ во многихъ другихъ пунктахъ страны, онъ не превосходитъ 33%. Это печальное явленіе онъ приписываетъ именно внѣ домашней промышленной работѣ женщинъ и вскармливанью, вслѣдствіе этого, дѣтей посторонними лицами. Однообразные факты сообщаются во множествѣ другихъ санитарныхъ отчетовъ: такъ, напримѣръ, одинъ изъ отчетовъ общества, спеціально основаннаго для ходатайства передъ парламентомъ о проведеніи закона объ охраненіи жизни младенцевъ (Infant Life Protection Society) передаетъ, что обыкновенная смертность между дѣтьми въ Англіи до году—отъ 15 — 16%, но одинъ лишь фактъ вскармливанья ихъ отъ руки, вмѣсто грудью, какая бы забота при этомъ ни прилагалась и хотя бы въ хорошо веденныхъ для того учрежденіяхъ, повышаетъ размѣръ смерт-

ности до 40%, а въ рабочемъ классѣ, гдѣ дѣти отдаются на вскормленіе упомянутымъ предпринимательницамъ (Baby farmers), въ сельскихъ округахъ смертность колеблется между 40 и 60%, а въ большихъ городахъ — всѣхъ дѣтей умираетъ до году до 70%, 80% и 90%!!...

Профессоръ Джевонсъ, дѣлая весьма любопытный обзоръ въ своемъ посмертномъ трудѣ по этой литературѣ, приводитъ, между прочимъ, въ подтвержденіе вышеозначеннаго поражающаго явленія, рядъ цифръ дѣтской смертности въ разныхъ мѣстахъ страны на основаніи точныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній и вездѣ неоднократно приходитъ къ тому же заключенію, что истинная причина этого новаго избіенія младенцевъ заключается въ занятіи женщинъ внѣ дома, то-есть въ ихъ *фабричной работѣ*. По его разсчету излишняя противъ нормальной смертность дѣтей для Англіи въ однихъ только большихъ городахъ ежегодно равняется не менѣе 24,000 душъ, приносимыхъ, такъ сказать, въ жертву, описанному несоблюденію материнскихъ обязанностей. Въ послѣднее время крайность заставила наконецъ британское правительство обратить болѣе серьезное вниманіе: рядъ слѣдствій обнаружилъ, что промышленники, занимающіеся вскармливаніемъ дѣтей, въ дѣйствительности ихъ лишь медленно убиваютъ [21]).

---

[21]) То же самое имѣетъ мѣсто и въ Германіи: достаточно сказать что женщины, берущія на вскормленіе младенцевъ

Обыкновеннымъ средствомъ для того, чтобы заставить голоднаго ребенка молчать, употребляется подобными промышленниками, такъ называемый, Godfrey's Cordial, главная составная часть котораго — laudanum или tinctura opii, благодаря чему, въ нѣсколькихъ случаяхъ медицинскаго вскрытія дѣтскихъ труповъ доказано полное ихъ отравленіе, въ другихъ же—желудокъ и кишки несчастныхъ малютокъ оказывались совершенно пустыми. Въ результатѣ изслѣдованія обнаруженнаго зла въ парламентѣ прошелъ «законъ объ охранѣ жизни младенцевъ» (The Infant Life Protection Act), которымъ требуются отъ лицъ, занимающихся «вскармливаніемъ дѣтей», спеціальная регистрація этихъ лицъ или заявленія ихъ о своемъ промыслѣ и обязательное донесеніе слѣдователю о смерти каждаго младенца, чтобы онъ въ случаѣ кажущагося сомнѣнія, или отсутствія удовлетворительнаго медицинскаго свидѣтельства могъ немедленно произвести вскрытіе трупа умершаго и т. д. Тѣмъ не менѣе англійская пресса находитъ этотъ законъ недостаточнымъ для охраненія жизни и притомъ мало выполняемымъ, и въ послѣднее время поднялась сильная агитація о совершенномъ *запрещеніи работы на фабрикахъ и мастерскихъ*

въ Берлинѣ носятъ народное названіе: Die Engelmacherinen!!...

женщинамъ, имѣющимъ дѣтей моложе 3-хъ лѣтъ возрастомъ [22]).

Все сказанное о вредномъ вліяніи фабричной женской работы въ Западной Европѣ на здоровье дѣтей, нѣтъ сомнѣнія, вполнѣ примѣняется и къ русскимъ фабрикамъ: вся разница можетъ быть лишь въ томъ, что «кормленіе дѣтей» у насъ еще не успѣло развиться въ самостоятельный промыселъ, какъ въ Англіи. Но зато у насъ терминъ работы дольше, чѣмъ на Западѣ, перерывы рѣже, а работницы получаютъ плату меньшую и слѣдовательно бѣднѣе и меньше способны удовлетворительно обставить своего ребенка во время своего отсутствія на фабрику. Точно такъ же у насъ гораздо меньше въ этомъ отношеніи развита частная филантропія, и встрѣчаются рѣже, такъ-называемыя, «ясли» или «колыбельни» для малютокъ. Изъ 174 фабрикъ, видѣнныхъ мною въ Московской губерніи, я нашелъ это полезнѣйшее учрежденіе, гдѣ матери могутъ безопасно оставлять своихъ дѣтей, уходя на работу, лишь на 4-хъ фабрикахъ и одну въ Тверской губерніи. Наша статистика слишкомъ бѣдна, конечно, чтобы выяснить вопросъ о вліяніи фабричнаго труда на смертность дѣтей, но вотъ два факта, подмѣченныхъ профессоромъ Эрисманомъ въ его изслѣдо-

---

22) *W. S. Jevons*: Methods of Social Reform, 1882, стр. 156 и его же: The State in relation to labour, стр. 68 и далѣе.

ваніи фабрикъ Московскаго уѣзда: тѣ приходы, говоритъ онъ, въ которыхъ расположены Реутовская, Балашинская и Лапинская бумагопрядильныя мануфактуры, имѣютъ дѣтскую смертность, превосходящую смертность дѣтей въ окрестныхъ приходахъ. Во-вторыхъ, Мытищенская волость, принадлежащая къ разряду волостей въ уѣздѣ съ наименьшей общей смертностью, тѣмъ не менѣе имѣетъ весьма значительную дѣтскую смертность, причемъ надобно замѣтить, что именно въ этой волости большой процентъ мѣстнаго женскаго населенія (30,14%) работаетъ на фабрикахъ [23]).

«Sapienti sat»! Всѣхъ приведенныхъ данныхъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы подтвердить основную мысль настоящей статьи: что съ ходомъ развитія современной мануфактурной промышленности, *во-первыхъ, болѣе и болѣе расширяется въ ней участіе женщинъ, отрываемыхъ отъ семьи и исполненія своихъ, природою предназначенныхъ материнскихъ обязанностей, что, во-вторыхъ, означенное явленіе— женскій фабричный трудъ наноситъ значительный вредъ здоровью какъ самихъ женщинъ, такъ жизнеспособности и физическому развитію ихъ дѣтей и слѣдовательно интересамъ всѣхъ будущихъ поколѣній рабочаго класса и, въ-третьихъ, что на-*

---

23) *Ф. Ф. Эрисманъ*: Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. Часть I. 1882, стр. 59.

этотъ вопросъ глубокой важности должно быть обращено серьезное вниманіе всего общества и государства.

Здоровье и жизнь для человѣка составляетъ самое драгоцѣнное благо, а потому и слѣдуетъ считать священной обязанностью какъ частныхъ лицъ, такъ и правительства заботиться всѣми силами о ихъ сохраненіи.

Но, какъ мы старались доказать ранѣе, вмѣстѣ съ ходомъ цивилизаціи растетъ число соціальныхъ опасностей всякаго рода, угрожающихъ здоровью и жизни человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличивается и относительная слабость отдѣльнаго индивида для борьбы противъ этихъ опасностей. Другими словами, во-очію предъ нами въ цѣлой Европѣ растетъ и ширится огромное значеніе и важность сильной государственной власти для разрѣшенія всякихъ соціальныхъ недоразумѣній и прекращенія намѣченныхъ бѣдствій. Государственная власть, разумѣется, не устраняетъ, а напротивъ подразумѣваетъ присутствіе и частной иниціативы, но она надо всѣмъ доминируетъ и всѣмъ руководитъ. Спрашивается, что же государство должно сдѣлать по отношенію къ описаннымъ въ настоящей статьѣ тѣневымъ сторонамъ развитія крупной промышленности? Намѣтимъ лишь немногое въ связи съ затронутыми вопросами по женскому фабричному труду, согласуясь и слѣдуя отчасти мнѣніямъ и постановленіямъ Нюрен-

бергскаго конгресса германскихъ гигіенистовъ въ 1877 году [24]).

Во-первыхъ, такъ какъ всецѣлое устраненіе женскаго труда и специально замужнихъ жинщинъ съ фабрикъ при настоящемъ экономическомъ положеніи массъ немыслимо и даже не желательно въ ихъ собственныхъ матеріальныхъ интересахъ, то, по крайней мѣрѣ,—государство обязано путемъ фабричнаго законодательства ограничить продолжительность женской работы опредѣленнымъ, возможно краткимъ терминомъ и улучшить въ санитарныхъ цѣляхъ ея общій распорядокъ (запрещеніе ночной и праздничной работы и т. д.). Кое-что въ этомъ отношеніи уже сдѣлано въ европейскихъ законодательствахъ, но еще болѣе остается сдѣлать. Такъ въ Англіи женщина, работающая на фабрикѣ, находится подъ особой охраной закона *всю свою жизнь* и относительно условій труда сравнена съ подростками, то-есть работаетъ не болѣе 10 или 10½ часовъ въ сутки и ей запрещенъ ночной трудъ. Еще большей льготностью для женщинъ отличается Швейцарское законодательство, которое во первыхъ, по общему для всѣхъ рабочихъ правилу, ограничиваетъ ея трудъ 11-ю часами въ сутки и затѣмъ ограждаетъ его еще разными спеціальными льготами (свободой отъ ноч-

[24]) Bericht des Ausschusses über die Fünfte Versammlung des deutschen Vereins für öffentliche Gesundheitspflege zu Nürnberg am 25 bis 27 September. 1877 Braunschweig. 1878.

ной и воскресной работы, льготами для беременныхъ, большими паузами отдыха для матерей и т. д.).

Во-вторыхъ, крайне желательно, по образцу предыдущаго (Швейцарскаго) законодательства, недопущеніе женщинъ на фабричную работу за нѣкоторое время до родовъ (2 недѣли) и послѣ нихъ (6 недѣль). Развитіе частной благотворительности устройствомъ вспомогательныхъ кассъ для больныхъ женщинъ, которымъ бы выдавались пособія во время родовъ въ замѣнъ ихъ жалованья, и особенно, разумѣется, привлеченіе къ благотворительности самихъ предпринимателей могло бы принести здѣсь огромную пользу. Лучшимъ примѣромъ здѣсь можетъ служить попытка извѣстнаго эльзасскаго фабриканта Дольфуса: у него на фабрикѣ смертность дѣтей работницъ доходила до 38 и 39 на 100 въ первый годъ послѣ рожденія; тогда онъ вздумалъ освобождать беременныхъ женщинъ отъ работы на 6 недѣль (за 3 недѣли до родовъ) съ удержаніемъ за ними жалованья и результаты немедленно оказались крайне благодѣтельныя: смертность почти немедленно спустилась на 25% [25]).

Въ-третьихъ, весьма желательно усиленіе общественной благотворительности въ смыслѣ большаго

[25]) Deutscher Verein für öffentliche Gesundheitspflege. Zweite Versammlung 1875. Д-ръ Шулеръ сообщилъ между прочимъ, на Нюрнбергскомъ конгрессѣ 1877 г., что нѣкоторые швейцарскіе фабриканты выдаютъ отъ себя работницамъ во время родовъ франковъ по 20 въ видѣ пособія.

развитія и открытія въ промышленныхъ пунктахъ и на самихъ фабрикахъ «ясель», «колыбелень» или «люлечныхъ», гдѣ бы работницы могли безопасно оставлять своихъ малютокъ, уходя на работу. Если же, что очень возможно, частная благотворительность въ данномъ случаѣ оказалась бы недостаточной, то желательна была бы даже законодательная попытка дозволить замужнимъ женщинамъ работу только на тѣхъ фабрикахъ, при которыхъ существуютъ подобныя учрежденія. Во всякомъ случаѣ необходимо обязательное постановленіе объ отпускѣ матерей, по крайней мѣрѣ, на полчаса посреди смѣны для кормленія грудью ихъ младенцевъ. На нашихъ фабрикахъ мнѣ извѣстна лишь одна мануфактура, во всѣхъ отношеніяхъ образцовая (Раменская гг. Малютиныхъ), гдѣ такой обычай практикуется.

Вотъ три наиболѣе существенныя заключенія, которыя можно сдѣлать на основаніи всего изложеннаго матеріала и которыя далеко не вполнѣ, конечно, разрѣшаютъ важный и сложный вопросъ о женскомъ фабричномъ трудѣ даже съ санитарной точки зрѣнія. Объ общихъ требованіяхъ фабричнаго законодательства мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. (См. *Томъ второй:* «Дѣтскій и женскій фабричный трудъ)». Въ заключеніе лишь напомнимъ, что съ 1 мая настоящаго года долженъ вступить въ дѣйствіе нашъ законъ, Высочайше утвержденный 1-го іюня 1882 г., ограничивающій работу малолѣтнихъ на фабрикахъ.

Непремѣннымъ его послѣдствіемъ, какъ и во всей Европѣ, должно быть въ первое время уменьшеніе числа дѣтей въ промышленныхъ заведеніяхъ и замѣна ихъ женщинами. Такимъ образомъ, въ скоромъ будущемъ, значеніе всѣхъ описанныхъ невыгодныхъ условій положенія женщинъ на нашихъ фабрикахъ должно увеличиться и обостриться еще болѣе, а, слѣдовательно, пересмотръ и пополненіе нашего фабричнаго законодательства по отношенію работы женщинъ становится настоятельно необходимымъ.

